

ISSN 2949-3463 (online)

№ 4/2024

Том 25

СЕВЕРНЫЙ РЕГИОН
наука, образование, культура

Сургут

12+

ISSN 2949-3463 (online)

***СЕВЕРНЫЙ РЕГИОН:
НАУКА, ОБРАЗОВАНИЕ, КУЛЬТУРА***

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ТОМ 25, № 4

**Сургут
2024**

Учредитель и издатель

Бюджетное учреждение высшего образования Ханты-Мансийского автономного округа – Югры
«Сургутский государственный университет»

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации СМИ Эл. № ФС77-85691 от 03.08.2023.

Издается с 2000 г.

Выпускается 4 раза в год.

Главный редактор

Косенок Сергей Михайлович, д-р пед. наук, профессор

Заместитель главного редактора

Муллер Ольга Юрьевна, канд. пед. наук, доцент

Редакционная коллегия

Антилогова Лариса Николаевна, д-р психол. наук, профессор
Бражник Евгения Ивановна, д-р пед. наук, профессор
Быков Анатолий Карпович, д-р пед. наук, профессор
Врублевский Евгений Павлович, д-р пед. наук, профессор
Духновский Сергей Витальевич, д-р психол. наук, доцент
Загrevская Александра Ивановна, д-р пед. наук, доцент
Загrevский Валерий Иннокентьевич, д-р пед. наук, профессор
Зебзеев Владимир Викторович, д-р пед. наук, доцент
Ипполитова Наталья Викторовна, д-р пед. наук, профессор
Калимуллина Ольга Анатольевна, д-р пед. наук, профессор, чл.-корр. РАО
Калинов Вячеслав Викторович, д-р ист. наук, доцент
Камалева Алсу Рауфовна, д-р пед. наук, доцент
Карпов Виктор Петрович, д-р ист. наук, профессор
Кириллюк Денис Валериевич, канд. ист. наук, доцент
Колмогорова Людмила Степановна, д-р психол. наук, профессор
Кольванова Лариса Александровна, д-р пед. наук, доцент
Кретинин Геннадий Викторович, д-р ист. наук, профессор
Лубышева Людмила Ивановна, д-р пед. наук, профессор
Маджуга Анатолий Геннадьевич, д-р пед. наук, д-р психол. наук, профессор
Манжелей Ирина Владимировна, д-р пед. наук, профессор
Махнач Александр Валентинович, д-р психол. наук, профессор
Миценко Владимир Александрович, д-р пед. наук, доцент
Насырова Эльмира Фанилевна, д-р пед. наук, профессор
Пастухова Лариса Сергеевна, д-р пед. наук, доцент, чл.-корр. РАО
Пешкова Наталья Виллиевна, д-р пед. наук, доцент
Повзун Вера Дмитриевна, д-р пед. наук, профессор
Подымова Людмила Степановна, д-р пед. наук, профессор
Пузанов Владимир Дмитриевич, д-р ист. наук, доцент
Родермель Татьяна Алексеевна, канд. филос. наук, доцент
Смолянинова Ольга Георгиевна, д-р пед. наук, профессор, академик РАО
Солодкин Янкель Гутманович, д-р ист. наук, профессор
Хохлова Наталия Ивановна, канд. психол. наук, доцент
Циринг Диана Александровна, д-р психол. наук, профессор
Черный Евгений Владимирович, д-р психол. наук, профессор
Шibaева Людмила Васильевна, д-р психол. наук, профессор
Ярычев Насруди Увайсович, д-р пед. наук, д-р филос. наук, профессор, чл.-корр. РАО

Выпускающий редактор

Хасанова Алёна Шамилъевна

С 30.10.2024 журнал «Северный регион: наука, образование, культура» включен в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, соискание ученой степени доктора наук по специальностям:

- 5.3.7. Возрастная психология (психологические науки);
- 5.6.1. Отечественная история (исторические науки);
- 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки);
- 5.8.4. Физическая культура и профессиональная физическая подготовка (педагогические науки);
- 5.8.7. Методология и технология профессионального образования (педагогические науки).

С требованиями для авторов, а также с полными текстами статей можно ознакомиться на сайте <https://www.sev-reg.ru>.
Журнал включен в базу данных РИНЦ (лицензионный договор с Научной электронной библиотекой № 56-04/2024).
Журнал зарегистрирован в Национальном центре ISSN Российской Федерации, ISSN 2949-3463 (online).

Адрес редакции

628412, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Сургут, пр. Ленина, 1.
Тел.: + 7 (3462) 76-29-88, факс: +7 (3462) 76-29-29, e-mail: science.journals@surgu.ru

Редактор

Л. М. Хисамутдинова

Переводчик

М. О. Бенская

Верстка

Е. А. Мельниковой

Адрес учредителя и издателя

Бюджетное учреждение высшего образования Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Сургутский государственный университет»,
628412, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Сургут, пр. Ленина, 1
Тел.: + 7 (3462) 76-29-29

Оригинал-макет подготовлен в Издательском центре СурГУ
Тел.: + 7 (3462) 76-31-79

Формат 60 × 84/8. Уч.-изд. л. 13,8. Заказ 267

Дата опубликования 27.12.2024.

© БУ ВО «Сургутский государственный университет»,
оформление макета, 2024
© Коллектив авторов, 2024

Founder and Publisher
Surgut State University

The journal is registered with the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology and Mass Media.
Mass media registration certificate EI No. FS77-85691 of August 3, 2023.

Published since 2000.
4 issues per year.

Chief Editor

Sergey M. Kosenok, Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor

Deputy Chief Editor

Olga Yu. Muller, Candidate of Sciences (Pedagogy), Docent

Editorial Board

Antilogova L. N., D.Sc. (Psychology), Professor
Brazhnik E. I., D.Sc. (Pedagogy), Professor
Bykov A. K., D.Sc. (Pedagogy), Professor
Vrublevskiy E. P., D.Sc. (Pedagogy), Professor
Dukhnovskiy S. V., D.Sc. (Psychology), Docent
Zagrevsкая A. I., D.Sc. (Pedagogy), Docent
Zagreveskiy V. I., D.Sc. (Pedagogy), Professor
Zebzeev V. V., D.Sc. (Pedagogy), Docent
Ippolitova N. V., D.Sc. (Pedagogy), Professor
Kalimullina O. A., D.Sc. (Pedagogy), Professor, Cor. Mem. of the Russian Academy of Education
Kalinov V. V., D.Sc. (History), Docent
Kamaleeva A. R., D.Sc. (Pedagogy), Docent
Karpov V. P., D.Sc. (History), Professor
Kirilyuk D. V., C.Sc. (History), Docent
Kolmogorova L. S., D.Sc. (Psychology), Professor
Kolyvanova L. A., D.Sc. (Pedagogy), Docent
Kretinin G. V., D.Sc. (History), Professor
Lubysheva L. I., D.Sc. (Pedagogy), Professor
Madzhuga A. G., D.Sc. (Pedagogy), D.Sc. (Psychology), Professor
Manzheley I. V., D.Sc. (Pedagogy), Professor
Makhnach A. V., D.Sc. (Psychology), Professor
Mishchenko V. A., D.Sc. (Pedagogy), Docent
Nasyrova E. F., D.Sc. (Pedagogy), Professor
Pastukhova L. S., D.Sc. (Pedagogy), Docent, Cor. Mem. of the Russian Academy of Education
Peshkova N. V., D.Sc. (Pedagogy), Docent
Povzun V. D., D.Sc. (Pedagogy), Professor
Podymova L. S., D.Sc. (Pedagogy), Professor
Puzanov V. D., D.Sc. (History), Docent
Rodermel T. A., C.Sc. (Phylosophy), Docent
Smolyaninova O. G., D.Sc. (Pedagogy), Professor, Mem. of the Russian Academy of Education
Solodkin Ya. G., D.Sc. (History), Professor
Khokhlova N. I., C.Sc. (Psychology), Docent
Tsiring D. A., D.Sc. (Psychology), Professor
Cherny E. V., D.Sc. (Psychology), Professor
Shibaeva L. V., D.Sc. (Psychology), Professor
Yarychev N. U., D.Sc. (Pedagogy), D.Sc. (Phylosophy), Professor, Cor. Mem. of the Russian Academy of Education

Publishing Editor

Khasanova A. Sh.

Since October 30, 2024, the journal is included in the List of Leading Peer-Reviewed Scientific Journals of the Higher Attestation Commission that publishes the main scientific results of Doctor's and Candidate's theses.

The journal publishes articles on the following subject groups:

5.3.7. Developmental Psychology;

5.6.1. Russian History;

5.8.1. General Pedagogy, History of Pedagogy and Education;

5.8.4. Physical Education and Professional Physical Training;

5.8.7. Methodology and Technologies of Professional Education.

The manuscript guidelines and full texts of articles can be accessed at <https://www.sev-reg.ru>.

The journal is included in the Russian Index of Scientific Citation (RISC), License Agreement No. 56-04/2024).

The journal is registered in ISSN National Center for the Russian Federation:

ISSN 2949-3463 (online).

Editorial Board Address

1, Lenina pr., Surgut, 628412, Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra, Russia
Tel.: + 7 (3462) 76-29-88, fax: +7 (3462) 76-29-29, e-mail: science.journals@surgu.ru

Editor

Khislamutdinova L. M.

Translator

Benskaya M. O.

Layout

Melnikova E. A.

Founder and Publisher Address

Surgut State University

1, Lenina pr., Surgut, 628412, Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra, Russia

Tel.: + 7 (3462) 76-29-29

The dummy layout is prepared by the Surgut State University Publishing House

Tel.: + 7 (3462) 76-31-79

Format: 60 × 84/8. Publisher sheets: 13,8. Order No. 267

Release date: 27.12.2024.

© Surgut State University, layout, 2024

© Authors, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

Колонка главного редактора	8
Синова И. В., Новицкий В. В. Вклад Михаила Михайловича Сперанского в развитие Сибири: административно-экономический аспект	10
Милевский О. А. Сургут как пример противостояния власти и оппозиции во второй половине 1880-х годов	17
Красивская В. Н. Система управления нефтяной отраслью в последней трети XIX – начале XX веков	28
Ыбырай С. Б. Мамбетали Сердалин о влиянии земельных реформ на традиционный уклад хозяйства населения северного Казахстана в конце XIX – начале XX веков	37
Задорожня О. А. Обсуждение проектов речных путей для Обского Севера на совещаниях по проблемам транспорта в начале XX века	49
Лешукова Е. В. Состояние медицинского обеспечения населения Сургутского уезда в 1919–1920 годы в документальных источниках Муниципального архива города Сургута	58
Корженевский К. Б. К вопросу о формировании западных границ проектируемой Западно-Сибирской области в 1923 году	65
Чиканова Н. А. Визуальные репрезентации Великой Отечественной войны в фотографиях западносибирских городов 1941–1945 годов	72
Алексеева Л. В. Об объемах вылова рыбы на Сибирском Севере в годы Великой Отечественной войны	88
Прищеп А. И. Нефтеразведочная экспедиция Фармана Курбановича Салманова в истории строительства города Сургута	101
Михалишин А. В. Горсовет Сургута в борьбе за благоустройство города (вторая половина 1960-х – 1970-е годы)	109
Гололобов Е. И. Государственная политика по освоению биологических ресурсов Югры в 1960–1975 годы	120
Сердюков Д. В. Реформа местных органов советской власти в условиях политического кризиса конца 1980-х – начала 1990-х годов (на примере советов народных депутатов в Ханты-Мансийском автономном округе)	129

CONTENTS

Editorial	8
Sinova I. V., Novitskii V. V. Mikhail M. Speransky's contribution to Siberia's development: Economic and administrative aspects	10
Milevsky O. A. Surgut as an example of confrontation between the authority and the opposition in the second half of the 1880s	17
Krasivskaya V. N. Management system of oil industry in the last third of the 19th and early 20th centuries	28
Ybyray S. B. Mambetali Serdalin on impact of land reforms on traditional economic structure of northern Kazakhstan population in the late 19th and early 20th century	37
Zadorozhnyaya O. A. Discussion of river route projects for the Ob North at meetings on transport issues in the early 20th century	49
Leshukova E. V. Medical provision state in Surgut uyezd in 1919–1920 in documentary sources of Municipal Archive of Surgut	58
Korzhenevsky K. B. On issue of Western borders formation in projected Western-Siberian Oblast in 1923	65
Chikanova N. A. Representations of West Siberian cities in photographs of the Great Patriotic War in 1941–1945	72
Alekseeva L. V. On levels of fish catch in the Siberian North during the Great Patriotic War	88
Prishchepa A. I. Farman K. Salmanov's oil exploratory expedition in the history of Surgut construction	101
Mikhalishin A. V. Surgut City Council in fight for urban improvement (second half of the 1960s–1970s)	109
Gololobov E. I. State policy on the exploration of biological resources of Yugra in 1960–1975	120
Serdyukov D. V. Reform of local Soviet authorities in context of political crisis of late 1980s and early 1990s (based on example of Councils of People's Deputies in Khanty-Mansi Autonomous Okrug)	129

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Дорогие читатели!

30 октября 2024 г. свершилось долгожданное событие в истории нашего журнала – он включен в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК. Несомненно, этот успех стал возможным благодаря слаженной работе бывших и нынешних сотрудников редакции, многих представителей профессорско-преподавательского состава Сургутского государственного университета. Поздравляю всех участников с этой заслуженной победой!

Очередной номер журнала «Северный регион: наука, образование, культура» посвящен празднованию важных юбилейных дат в истории Северо-Западной Сибири: 430-летию основания города Сургута, 100-летию образования Сургутского района, а также 80-летию создания Тюменской области. Многие статьи, представленные в номере, раскрывают значимые события из истории Югры в целом и города Сургута в частности. Так, в работе О. А. Милевского на примере города Сургута выявлены особенности взаимоотношений власти и российских революционеров, находившихся в ссылке. Помимо этого, материалы его исследования позволили дать оценку общему состоянию развития городского хозяйства Сургута в указанные годы. Важнейшую сторону югорского прошлого, во многом определявшую перспективы развития всей Северо-Западной Сибири, проанализировала О. А. Задорожная. В ее статье раскрыто содержание общественных дискуссий по вопросу

о совершенствовании речных путей сообщения на Обском Севере.

Значимое место в номере заняли исследовательские статьи, в которых отражены сюжеты истории становления и развития основных отраслей экономики Югры, систем ее жизнеобеспечения в трудных условиях революций и войн первой половины XX столетия. Ценные сведения в этой связи обнаружены Е. В. Лешуковой, которой удалось выявить состояние медицинского обслуживания населения Сургутского уезда в период Гражданской войны, а также Л. В. Алексеевой, установившей ключевые достижения и трудности рыбодобычи на Обском Севере в годы Великой Отечественной войны.

Традиционно большое внимание исследователи в своих трудах уделили изучению самых разнообразных аспектов истории становления и особенностей функционирования Западно-Сибирского нефтегазового комплекса. В данном номере вы сможете познакомиться с последними результатами научных поисков в этом направлении. Например, А. И. Прищепа раскрыл роль нефтеразведочной экспедиции Ф. К. Салманова в модернизации сургутского городского хозяйства, тогда как А. В. Михалишин проанализировал деятельность Сургутского горсовета в его стремлении повысить уровень благоустройства на подвластной территории во второй половине 1960-х – 1970-х гг. Одной из новых тем для современной оте-

чественной исторической науки является изучение последствий воздействия человека на природу. В контексте индустриального развития Ханты-Мансийского округа данные процессы представлены в статье Е. И. Гололобова. Кроме того, к числу актуальных научных проблем относится и вопрос об особенностях протекания на территории Югры кризиса советской государственности. На примере реализации реформы местных органов советской власти в Ханты-Мансийском автономном округе в конце 1980-х – начале 1990-х гг. Д. В. Сердюков установил многие закономерности переходного этапа в истории Российской Федерации.

Сегодня становится все более очевидным, что невозможно рассматривать историю одного региона изолированно от остальной территории Сибири. Достоинством номера является наличие в нем исследовательских статей, в которых представлена широкая панорама преобразований на территории края в XIX–XX вв. Это и статья И. В. Синовой и В. В. Новицкого, позволившая оценить вклад известного царского реформатора М. М. Сперанского в создание организационно-управленческой модели в Сибири, и работа В. Н. Красивской, в которой показана эволюция системы

управления нефтяной промышленностью в России в последней трети XIX – начале XX вв. Интересные тенденции развития северного Казахстана под влиянием земельных реформ на рубеже XIX – XX вв. выявил С. Б. Ыбырай, особенности формирования границ Западно-Сибирской области в 1923 г. можно понять, ознакомившись с результатами работы К. Б. Корженевского. Наконец, нельзя не отметить и исследование Н. А. Чикановой, в котором автор предприняла попытку через официальные фотографии периода Великой Отечественной войны проанализировать формирование патриотического дискурса в жизни западносибирских городов данных лет.

В результате номер получился содержательный и разнообразный по тематике – такой, каким мы всегда и желаем видеть наш журнал «Северный регион: наука, образование, культура». Не сомневаемся, что знакомство с данным выпуском будет полезным широкому кругу читателей.

От лица всей редакции хочется поздравить вас с наступающим Новым годом, пожелать семейного благополучия, взаимопонимания и как можно больше творчества в 2025 году! До встречи!

Сергей Михайлович Косенок,
главный редактор, доктор педагогических наук, профессор,
ректор Сургутского государственного университета

Научная статья
УДК 94(47).07/.08
<https://doi.org/10.35266/2949-3463-2024-4-1>

**Вклад Михаила Михайловича Сперанского в развитие Сибири:
административно-экономический аспект**

Ирина Владимировна Синова¹, Владислав Викторович Новицкий²

^{1, 2}Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия

¹s-irina@yandex.ru

²novitzckij.vladisl@yandex.ru

Аннотация. Исследование посвящено деятельности Михаила Михайловича Сперанского и его роли в решении проблем управления и экономического развития Сибири в период генерал-губернаторства в 1819–1821 годах на основе источников XIX века. В статье рассмотрены особенности и причинно-следственные связи проведения Сперанским сибирской реформы, проанализирован административно-экономический аспект нововведений в сибирских губерниях. Благодаря выбранным научным источникам выявлено, что приоритетом «Сибирского учреждения» было стимулирование экономических отношений, движущей силой которых было сибирское купечество, входившее в городские управления и способствовавшее развитию городов, ведению торговых отношений с представителями малых народов России и приграничными государствами. Показано, что Сперанский всячески помогал местному купечеству, что выражалось в установлении общих правил свободной внутренней торговли, ограничении влияния местных чиновников, разрешении торговли с представителями коренных народов. Полученные результаты расширили представление о деятельности Сперанского, позволили по-новому оценить его роль в сибирской реформе 1821 года по развитию органов управления и экономических связей Сибири.

Ключевые слова: сибирское учреждение, сибирская реформа, Михаил Михайлович Сперанский, органы управления, сибирское купечество, экономическое развитие Сибири, инородцы

Шифр специальности: 5.6.1. Отечественная история.

Для цитирования: Синова И. В., Новицкий В. В. Вклад Михаила Михайловича Сперанского в развитие Сибири: административно-экономический аспект // Северный регион: наука, образование, культура. 2024. Т. 25, № 4. С. 10–16. <https://doi.org/10.35266/2949-3463-2024-4-1>.

Original article

**Mikhail M. Speransky's contribution to Siberia's development:
Economic and administrative aspects**

Irina V. Sinova¹, Vladislav V. Novitskii²

^{1, 2}Saint-Petersburg State Economic University, Saint Petersburg, Russia

¹s-irina@yandex.ru

²novitzckij.vladisl@yandex.ru

Abstract. The study is devoted to the activities of Mikhail Mikhailovich Speransky and his role in solving the problems of governance and the economic development of Siberia. The period of his governor-generalship in 1819–1821 based on 19th-century sources is considered. The article examines the features and cause-effect relations of Speransky's implementation of the Siberian reform, and analyzes the administrative and economic aspects of innovations in the Siberian provinces. Selected scientific sources show that Siberian merchants, members of city administrations, were the driving force behind the “Siberian institution's” priority of stimulating economic relations; they fostered city development and trade with Russian minorities and bor-

dering states. It is shown that Speransky helped local merchants in every way, which was expressed in the establishment of general rules of free internal trade, limiting the influence of local officials, allowing trade with representatives of indigenous peoples. The results have expanded the understanding of Speransky's activities, allowed to evaluate his role in the Siberian reform of 1821 in the development of government and economic relations of Siberia in a new way.

Keywords: Siberian institution, Siberian reform, Mikhail M. Speransky, governing bodies, Siberian merchantry, economic development of Siberia, outlander

Code: 5.6.1. Russian History.

For citation: Sinova I. V., Novitskii V. V. Mikhail M. Speransky's contribution to Siberia's development: Economic and administrative aspects. *Severny region: nauka, obrazovanie, kultura*. 2024;25(4):10–16. <https://doi.org/10.35266/2949-3463-2024-4-1>.

ВВЕДЕНИЕ

Особенностью развития Сибири, в сравнении с европейскими регионами Российской империи, исторически являлась ее отдаленность от столицы и большой период времени, затрачиваемый на передачу информации, что способствовало слабому контролю за ведением и надзором над административными и экономическими процессами. В контексте настоящей статьи в качестве административного аспекта рассмотрены функционирование органов управления регионов и их взаимодействие с местными жителями. Под экономическим подразумевается развитие условий и характер протекания торговых сношений между представителями различных сословий.

Другой характерной чертой Сибири являлось отсутствие крепостного права, которое выделяло этот регион с точки зрения сословного деления. К тому же присутствовал вопрос отношений с местными коренными жителями, за которыми впоследствии закрепился статус инородцев. Все это выделяет специфику сибирского региона, которую необходимо было учитывать при проведении реформы в начале XIX в. Основные ее положения появились с подачи видного политического деятеля и реформатора М. М. Сперанского, генерал-губернатора Сибири в 1819–1821 гг. Его реформа, выраженная в издании «особенного учреждения для управления Сибирскими губерниями», и уставы, принятые при нем, определили дальнейшее развитие региона в довольно автономной форме, что актуализировало изучение вклада и определение роли Сперанского в преобразовании органов управления и экономической жизни Сибири.

Анализ обозначенных реформ позволил согласиться с мнением министра внутренних дел О. П. Козодавлева, который написал, что история Сибири будет делиться на две только эпохи: первая – от Ермака до Сперанского, вторая – от Сперанского до X [1].

Целью исследования являлся анализ деятельности М. М. Сперанского в решении проблем функционирования органов управления и экономического развития Сибири в период его генерал-губернаторства 1819–1821 гг. В работах И. Л. Дамешек и Л. М. Дамешек дана современная оценка сибирской реформы, описаны причины злоупотреблений и нарушений полномочий чиновниками на примере Иркутской губернии [2, 3]. Авторами подчеркнуто, что это был первый российский опыт регионального законодательства, построенного на принципе разделения властей, самостоятельной функциональной роли каждой ветви власти в управлении, а также с учетом геополитических особенностей края [3, с. 9].

Особо значима работа Е. В. Комлевой, в которой исследованы взаимоотношения М. М. Сперанского с представителями сибирского купечества на основе его переписки и деловой корреспонденции [4]. Историк Н. П. Матханова дала оценку его административным реформам по информации из мемуаров современников, непосредственно взаимодействовавших с генерал-губернатором [5]. Данные исследования позволили составить представление о роли Сперанского в развитии Сибири. Исследовательская лакуна связана с деятельностью органов управления, в частности с ролью купечества в них, а также экономических отношений с коренным населением.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Репрезентативными источниками для проведения исследования послужили правовые акты, мемуары, периодическая печать и публицистика XIX в. [6, 7].

Деятельность М. М. Сперанского в период его генерал-губернаторства одним из первых изучил В. И. Вагин, публицист и мемуарист XIX в., рассказав о путешествии Михаила Михайловича в Сибирь и указав на проблемы, с которыми ему пришлось столкнуться по приезду в разные города региона, в том числе со случаями злоупотребления властью местными чиновниками [8, 9]. Важный фактологический и правовой материал о реформе содержится в публикациях С. М. Прутченко и Н. М. Ядринцева [10, 11]. Вопрос реализации реформы в развитии органов управления исследован в работе М. М. Плотниковой, которая подчеркнула, что Сперанский подходил к административному реформированию гибко и прислушивался к мнению местной городской думы для адаптации изменений [12]. В работе Д. Н. Гергилева и Н. С. Дуреева поднят вопрос влияния реформы на развитие Сибири. Отмечены позитивные и негативные стороны, которые отразились на отношении столицы империи к сибирскому региону. Авторами доказано, что с одной стороны, М. М. Сперанскому удалось построить «универсальную схему управления» на всех административных уровнях, с другой стороны, это способствовало выделению Сибири как «сырьевого придатка», что поднимало вопрос о дискриминации края [13, с. 90].

Совокупность общенаучных и специальных методов позволила создать объективную картину по вопросам исследованных административно-экономических реформ. В частности, применение историко-генетического метода способствовало рассмотрению в развитии причин, особенностей создания и последствий сибирской реформы, проведенной Сперанским.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Злоупотребление и превышение полномочий со стороны чиновников на разных уровнях управления, казнокрадство, нарушение

личных прав жителей на протяжении первой половины XIX в. выразились в большом количестве жалоб, которое повлекло за собой необходимость проведения масштабной ревизии сибирских губерний и наведения в них порядка.

Для этого в 1818 г. Комитет министров Российской империи выступил с предложением назначить нового сибирского генерал-губернатора. Основными фактами беззакония, которые тогда доходили до императора, являлись «темные поборы», взяточничество, безнаказанность местных властей, что подрывало авторитет самодержавной власти и могло привести к социальным конфликтам и восстаниям в Сибирском крае [2, с. 14].

В письме М. М. Сперанскому император Александр I сообщил о самых неприятных известиях насчет управления Сибирским краем, вследствие чего реформатору было дано поручение «сделать осмотр сибирских губерний, обличить всех предающихся злоупотреблениям и сообразить на месте полезнейшее устройство управления краем» [2, с. 14]. На самом деле уровень безнаказанности в органах управления достиг предела. Например, в Иркутской губернии запрещалось любое инакомыслие, что отразилось на появлении «сибирского духа ябеды» [2, с. 10]. В действительности в связи с этим по указанию губернатора Н. И. Трескина было сфабриковано несколько дел, в том числе против влиятельных представителей местного купечества братьев Сибиряковых, один из которых был городским головой, и купца Дудороского. Они были не согласны со злоупотреблениями Трескина и ограничениями в торговле, а позднее обвинены в «нарушении общественного спокойствия» [2, с. 10]. Более грубым нарушением со стороны чиновников было непосредственное участие самих властей в торговле, чем обусловлено их желание и личный интерес в стеснении торговли частных людей [8, с. 320]. Ярким примером являлись ограничительные меры торговли продовольствием в Томской губернии, в которой нельзя было «без особенного дозволения» купить и продать скот, хлеб, лес и т. д. [8, с. 321]. По словам В. И. Вагина, по-

что вся внутренняя торговля в Сибири находилась в зависимости от произвола земских чиновников [8, с. 321].

Громким делом о чиновничьем вмешательстве в торговлю был случай с Иркутским губернатором Н. И. Трескиным, который в результате своей деятельности парализовал всю хлебную торговлю. Разработав определенный механизм операций по закупке хлеба, ограничивая закупы всем казенным ведомствам и заставляя их обращаться за покупкой в собственные магазины, по сути образовал целую монополию [8, с. 329]. Торговля хлебом была сокращена до такой степени, что вывоз товара из одного уезда в другой производился только «в крайних случаях». В итоге это выразилось в постоянных донесениях о неурожаях в период губернаторства Трескина, которое было выгодно последнему, так как позволяло продавать хлеб в другие регионы по завышенным ценам [8, с. 330]. Сложившаяся ситуация поразила М. М. Сперанского с точки зрения функционирования органов управления Сибири. Основным объяснением этого, по мнению самого реформатора, являлась специфика региона, в котором не было крепостного права, но существовал произвол власти. Дополнительными причинами бед в управлении являлись «недостаток уставов для регламентации управления в отдаленных местах Сибири, отсутствие должного устройства в волостном правлении, а также отсутствие общественного мнения» в силу малого количества местного дворянства [2, с. 21].

Основываясь на полученных сведениях, М. М. Сперанский разработал «Сибирское учреждение», девять уставов и положений, устанавливавших правила ведения отдельных сфер жизнедеятельности [14, 15]. По мнению Д. Н. Гергилева, административная реформа учитывала гармоничное сочетание собственной аграрной базы и неземледельческих районов, исторически сложившиеся внутриторговые маршруты [13, с. 89]. Согласно реформе, происходило разделение Сибирского края на два административных субъекта – Западно-Сибирское и Восточно-Сибирское генерал-губернаторства. Для более четкого управления

на трех уровнях (главное управление, губернское управление и окружное управление) учреждались советы – совещательные органы управления, которые были предназначены ограничить самовластие чиновников [3, с. 7]. Публицист В. И. Вагин отметил, что в одном из выпусков газеты «Сибирский Вестник» была опубликована статья предположительно за авторством М. М. Сперанского. В материале, предназначенном для широких масс, объяснялся принцип разделения на два генерал-губернаторства. Подчеркивалось, что одно главное управление, где бы оно ни было установлено, не может обнять всего пространства Сибири [9, с. 250]. Граница между появившимися образованиями проходила по естественным географическим ландшафтам, а экономическое подтверждение новой границы было прикреплено сведениями о направлениях внутренней торговли, которые обращались к Иркутску и Тобольску.

Примечателен опыт преобразования управления Иркутской губернии как пример вариативности внедрения нововведений. В силу больших размеров, определенных под управление Восточно-Сибирского генерал-губернаторства с центром в Иркутске, возникла необходимость расширения управления «Градской думы». Тогда городским головой К. М. Сибиряковым было подано обращение к гражданскому губернатору И. Б. Цейдлеру о расширении состава пяти гласных в градскую думу [12, с. 23]. Оно не было принято сразу, однако после аргументов в силу размеров губернии и финансовых притоков в центр экономического развития, и скорее всего, при непосредственном участии самого М. М. Сперанского, в губернском Иркутске стали избирать по реформе не четыре, а пять гласных [12, с. 23]. Этот факт показал специфику сибирского градского общества, которое не побоялось обратиться в органы власти для совершенствования условий управления городом. Стоит отметить, что на примере Иркутска состав градской думы состоял из купцов, чем определялись особенности управления, направленные на развитие экономических связей. Осознавая это, М. М. Сперанский предусмотрел на пе-

риод отлучек по делам ведения торговли выбор кандидатов, которые должны были избираться на каждое звание и по усмотрению губернского начальства занимать места на определенное время [12, с. 23]. Таким образом, в рамках административного реформирования края Сперанский учел специфику конкретного региона: отсутствие крепостного права, причины выявленных злоупотреблений, географический ландшафт и особенную роль местного купечества, которое являлось движущей силой местного развития, так как объединяло в себе две сферы управления – административную и экономическую [1].

Последнее положение о важности купечества для процветания и Западной, и Восточной Сибири является ключевым, так как именно на этом сословии М. М. Сперанский сделал акцент в реформе, содействуя торговле и помогая решать проблемы с чиновничьим аппаратом. В каждом из городов (Томске, Тобольске, Красноярске, Енисейске, Иркутске, Нерчинске и др.) этот деятель был встречен на высшем уровне, что позволило установить контакты для дальнейшей работы [7]. Пользуясь своим положением, купцы не раз просили решить тот или иной вопрос по ведению торговых дел. Показательна история томского купца М. Ф. Хорошева, которому губернатор помог получить долг по одному из векселей. Часть денег этого долга впоследствии была потрачена на строительство Енисейской больницы [4, с. 372]. Также Сперанский разобрался с жалобой томского купечества, облегчил положение иногородних торговцев, считая неправильным со стороны городской думы требовать «особенного взыскания в пользу города» [4, с. 372]. На примере торговли сибирского купечества с Китаем в 1818–1820 гг. реформатор отмечал особые успехи русских купцов, которые были в «согласие и единодушие» в намерении вести торговлю, что способствовало установлению взаимного доверия и вежливости между русскими и китайскими торговцами [8, с. 204]. Особую роль играла помощь со стороны купечества в обеспечении жизненными припасами периодически испытывавшего голод населения самых отдаленных областей с суровыми погодными

условиями и сложно проходимыми дорогами [4, с. 374]. Так енисейские и красноярские торговцы на свои средства поставляли хлеб в казенные запасные хлебные магазины, а купец Д. Дементьев из сострадания к бедным ясачным Туруханского края закупил тысячу холщевых хлебных мешков [4, с. 374].

Понимая роль и влияние купечества в городском развитии, Сперанский ввел общие правила о свободе внутренней торговли для противодействия ограничению прав торговцев. Этот свод правил состоял из 16 пунктов и определял отношения между органами местного управления и торговцами, устанавливал запреты на наложение дополнительных пошлин в городах и уездах, разрешал свободное перемещение товаров из одного уезда в другой и пр. [8, с. 323]. Все эти меры были направлены на содействие развитию купеческого сословия, имевшего огромное значение в административных и экономических делах сибирских губерний. В дополнение к общим правилам сильна значимость «устава об управлении инородцев», в котором впервые определялся статус «аборигенного населения Сибири», то есть представителей различных народов России [15]. Устав предусматривал постепенный переход кочевых народов к оседлости, что должно было в конечном итоге способствовать уравниванию в правах и обязанностях с русским населением [13, с. 91]. Важным положением устава было разрешение «инородцам» ведения свободной торговли с русским населением, а также открытие школ и училищ для образования детей. В уставе также закреплялась полная веротерпимость к традиционным религиям народов Сибири. Официально была закреплена возможность для представителей разных народов проходить обучение в учебных заведениях наравне с русским населением [15]. Таким образом, данный устав позволял стереть грань различий между русскими и коренными народами, проживавшими в Сибири. Также это способствовало ассимиляции малых народов с русским населением и формированию собственной региональной идентичности. Особое значение имело закрепление равного статуса в свободной торговле с русским населением,

что позволяло как купечеству, так и представителям «инородцев» благодаря взаимовыгодному ведению выгодных экономических сношений.

Осуществив ревизию края, установив деловые отношения с представителями купечества, подробно изучив их быт и влияние на развитие губерний, основываясь на геополитических особенностях сибирских городов как центров коммерции с приграничными государствами, М. М. Сперанский определил, что для решения проблем убытков Сибири необходимо было дать больше свободы торговцам и купцам, которые руководили крупными финансовыми и экономическими делами, а также входили в городские думы, представляя местные органы управления. С административной точки зрения реформа Сперанского, по мнению большинства современников, позволила устранить самовластие, водворить законность, исправить суд и развить торговлю [5, с. 18]. Они отмечали, что ему удалось внести новый настрой в управление городами. После его отъезда «не было уже того духа, который порождает и оправдывает всякие злоупотребления» [5, с. 18]. Благодаря разделению различных компетенций чиновных учреждений, удалось ликвидировать главный источник самовластия чиновников и казнокрадства – путаницу и дублирование функций разных ведомств. Однако реформу Сперанского критиковали за рост «номенклатурной машины» и бюрократизацию органов управления, которые, как и прежде, оказались жестко встроенными в традиционный механизм управления империей [13, с. 90]. Из-за этого любые инициативы наталкивались на консерватизм вышестоящих органов, но пример адаптации сибирской реформы для городского управления Иркутска пока-

зал, что высшим руководством мнение управленцев на местах было услышано.

Сперанский, говоря о своем пребывании в Сибири, отмечал: «Провидение... не без причины меня сюда послало. Я был здесь действительно Ему нужен, чтобы уменьшить страдания, чтоб оживить надежды, почти уже исчезавшие, и ободрить терпение, слишком утомленное» [8, с. 247]. Именно здесь реформатору удалось на практике реализовать многие свои административные и экономические преобразования.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Главной особенностью в решении проблемы злоупотребления полномочий со стороны представителей сибирских органов управления было выявление движущей силы развития регионов, которая была определена М. М. Сперанским в местном купечестве. Установив контакты с населением, он смог выявить причины жалоб местных жителей, которые заключались в несоответствии возможностей аппарата управления Сибирским краем с реальными географическими и экономическими условиями. Впоследствии это потребовало создания новых территориальных объектов Западного-Сибирского и Восточно-Сибирского генерал-губернаторств. Власть в них была разделена между советом и главой управления в зависимости от его уровня, что ликвидировало проблему самовластия и казнокрадства. Введение Сперанским общих правил осуществления внутренней свободной торговли облегчили движение товаров, что способствовало расширению торговых связей, а также ограничило вмешательство чиновников в развитие торговых сношений между русскими, представителями малых народов Сибири и приграничных стран.

Список источников

1. В память графа М. М. Сперанского, 1772–1872. СПб. : Издание Императорской публичной б-ки, 1872. 926 с.
2. Дамешек И. Л., Дамешек Л. М. М. М. Сперанский в Иркутске. 1819–1822. Иркутск : Изд-во «Оттиск», 2016. 48 с.
3. Дамешек Л. М., Дамешек И. Л. Сибирская реформа М. М. Сперанского 1822 г. как проявление

References

1. V pamyat grafa M. M. Speranskogo. 1772–1872. Saint Petersburg: Izdanie Imperatorskoy publichnoy biblioteki; 1872. 926 p. (In Russ.).
2. Dameshek I. L., Dameshek L. M. M. M. Speransky v Irkutske. 1819–1822. Irkutsk: Izd-vo “Ottisk”; 2016. 48 p. (In Russ.).
3. Dameshek L. M., Dameshek I. L. The Siberian Reform of M. M. Speransky in 1822 as a Manifestation

- принципов имперского регионализма // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2022. Т. 40. С. 5–13.
4. Комлева Е. В. Сибирское купечество на страницах путевого дневника и писем М. М. Сперанского (1819–1821 гг.) // СибСкрипт. 2023. Т. 25, № 3. С. 367–378. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-3-367-378>.
  5. Матханова Н. П. Образ М. М. Сперанского в сибирской мемуаристике // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2022. Т. 40. С. 14–21.
  6. Баснин П. Т. Воспоминания о Сперанском // Исторический вестник. 1903. Т. 91, № 1. С. 152–173.
  7. Ядринцев Н. М. Сперанский и его реформы в Сибири // Вестник Европы: журнал историко-политических наук. 1876. Т. 3, № 5. С. 461–502.
  8. Вагин В. И. Исторические сведения о деятельности графа М. М. Сперанского в Сибири, с 1819 по 1822 год. СПб. : Тип. Второго отделения Собственной Его Императорского Величия канцелярии, 1872. Т. 1. 801 с.
  9. Вагин В. И. Исторические сведения о деятельности графа М. М. Сперанского в Сибири, с 1819 по 1822 год. СПб. : Тип. Второго отделения Собственной Его Императорского Величия канцелярии, 1872. Т. 2. 752 с.
  10. Прутченко С. М. Сибирские окраины: областные установления, связанные с сибирским учреждением 1822 г., в строе управления русского государства: историко-юридические очерки. СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1899. 532 с.
  11. Ядринцев Н. М. Сибирь как колония: современное положение Сибири, ее нужды и потребности, ее прошлое и будущее. СПб. : Типография М. М. Стасюлевича, 1882. 471 с.
  12. Плотникова М. М. Реализация сибирской реформы М. М. Сперанского на практике в губернском Иркутске // Сибирский юридический вестник. 2017. № 2. С. 20–25.
  13. Гергилев Д. Н., Дуреева Н. С. Роль реформ М. М. Сперанского в управлении Сибирью // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 413. С. 88–93.
  14. Обзорение главных оснований местного управления Сибири. СПб. : Тип. Второго отделения Собственной Его Императорского Величия канцелярии, 1841. 136 с.
  15. Россия. Законы и постановления. Учреждения для управления Сибирских губерний. СПб. : Сенат. Тип., 1822. 614 с.
- of the Principles of Imperial Regionalism. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series History*. 2022;40:5–13. (In Russ.).
4. Komleva E. V. Siberian Merchants in Mikhail M. Speransky's Travel Diary and Letters (1819–1821). *SibSkript*. 2023;25(3):367–378. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-3-367-378>. (In Russ.).
  5. Matkhanova N. P. Obraz M. M. Speranskogo v sibirskoy memuaristike. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series History*. 2022;40:14–21. (In Russ.).
  6. Basnin P. T. Vospominaniya o Speranskom. *The Historical Reporter*. 1903;91(1):152–173. (In Russ.).
  7. Yadrintsev N. M. Speransky i ego reformy v Sibiri. *Vestnik Evropy: zhurnal istoriko-politicheskikh nauk*. 1876;3(5):461–502. (In Russ.).
  8. Vagin V. I. Istoricheskiya svedeniya o deyatelnosti grafa M. M. Speranskago v Sibiri, s 1819 po 1822 god. Saint Petersburg: Tip. Vtorogo otd-niya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichiya kantselyarii; 1872. Vol. 1. 801 p. (In Russ.).
  9. Vagin V. I. Istoricheskiya svedeniya o deyatelnosti grafa M. M. Speranskago v Sibiri, s 1819 po 1822 god. Saint Petersburg: v Tip. Vtorogo otd-niya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichiya kantselyarii; 1872. Vol. 2. 752 p. (In Russ.).
  10. Prutchenko S. M. Sibirskie okrainy: oblastnye ustanovleniya, svyazannye s sibirskim uchrezhdeniem 1822, v stroe upravleniya russkogo gosudarstva: istoriko-yuridicheskie ocherki. Saint Petersburg: Tip. A. S. Suvorina; 1899. 532 p. (In Russ.).
  11. Yadrintsev N. M. Sibir kak koloniya : sovremennoe polozhenie Sibiri, yeyo nuzhdy i potrebnosti, yeyo proshloe i budushchee. Saint Petersburg: Tipografiya M. M. Stasyulevicha; 1882. 471 p. (In Russ.).
  12. Plotnikova M. M. Practical realization of Siberian reforms by M. M. Speransky in Irkutsk. *Siberian Law Herald*. 2017;(2):20–25. (In Russ.).
  13. Gergilev D. N., Dureeva N. S. The role of M. M. Speransky's reforms in the administration of Siberia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2016;(413):88–93. (In Russ.).
  14. Obozrenie glavnykh osnovaniy mestnogo upravleniya Sibiri. Saint Petersburg: Tip. Vtorogo otd-niya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichiya kantselyarii; 1841. 136 p. (In Russ.).
  15. Rossiya. Zakony i postanovleniya. Uchrezhdeniya dlya upravleniya Sibirskikh guberniy. Saint Petersburg: Senat. Tip.; 1822. 614 p. (In Russ.).

Информация об авторах

И. В. Синова – доктор исторических наук, профессор.
В. В. Новицкий – студент.

About the authors

I. V. Sinova – Doctor of Sciences (History), Professor.
V. V. Novitskii – Student.

Научная статья
УДК 94(571.122)
<https://doi.org/10.35266/2949-3463-2024-4-2>

Сургут как пример противостояния власти и оппозиции во второй половине 1880-х годов

Олег Анатольевич Милевский

Сургутский государственный педагогический университет, Сургут, Россия
olegmilevsky@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4613-826X>

Аннотация. Актуальность статьи обусловлена острым обсуждением в обществе исторической судьбы российской государственности. Цель исследования заключалась в рассмотрении вопроса о противостоянии самодержавной власти и радикальной оппозиции на примере локального регионального материала, а именно Сургута. Автор проанализировал причины столкновения политических ссыльных с местной администрацией, вошедшие в историю под названием «Сургутский протест». Показано, что самодержавная власть в лице ее представителей как в центре, так и на местах своими иногда чрезмерно жестокими действиями провоцировала конфликты с оказавшимися в ссылке «политическими преступниками». В свою очередь это подрывало имидж российского правительства за границей и массово пополняло ряды недовольных внутри страны, что и явилось одной из ключевых причин падения российской монархии.

Ключевые слова: самодержавие, революционеры-народники, либерализм, политическая ссылка, Сургутский протест, Якутская трагедия

Шифр специальности: 5.6.1. Отечественная история.

Для цитирования: Милевский О. А. Сургут как пример противостояния власти и оппозиции во второй половине 1880-х годов // Северный регион: наука, образование, культура. 2024. Т. 25, № 4. С. 17–27. <https://doi.org/10.35266/2949-3463-2024-4-2>.

Original article

Surgut as an example of confrontation between the authority and the opposition in the second half of the 1880s

Oleg A. Milevsky

Surgut State Pedagogical University, Surgut, Russia
olegmilevsky@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4613-826X>

Abstract. The relevance of the article is associated with the heated discussion of the historical fate of the Russian statehood by society. The purpose of the study is to consider the issue of confrontation between the autocratic power and the radical opposition on the example of Surgut. The author analyzed the reasons for the clash between political exiles and the local administration, which went down in history as the “Surgutsky protest”. It is shown that the autocratic power in the person of its representatives both in the centre and locally provoked conflicts with exiled “political criminals” by their sometimes excessively cruel actions. In turn, it undermined the image of the Russian government abroad and greatly increased the number of dissatisfied people inside the country, which was one of the key reasons for the fall of the Russian monarchy.

Keywords: autocracy, the Narodniks, liberalism, political exile, Surgutsky protest, Yakutskaya tragediya

Code: 5.6.1. Russian History.

For citation: Milevsky O. A. Surgut as an example of confrontation between the authority and the opposition in the second half of the 1880s. *Severny region: nauka, obrazovanie, kultura*. 2024;25(4):17–27. <https://doi.org/10.35266/2949-3463-2024-4-2>.

ВВЕДЕНИЕ

В истории России XIX в. называют «железный век» [1]. Такое название исследователи связывают с тем, что это было время бурных общественных потрясений, ранее невиданных в Российской империи. Именно в XIX в. стремительно нарастало противостояние власти и той части общества, которая находилась в оппозиции (как либеральной, так и революционной). В поэтической форме это выразил один из лидеров Боевой организации партии эсеров и поэт Б. В. Савинков:

«Железные люди
Бьются,
И алая кровь струится.
Я бы хотел проснуться
И помолиться» [2, с. 707].

В определенные моменты противостояние являлось скрытым, но иногда оно выражалось открыто, например, 14 декабря 1825 г. Однако важно, что до падения самодержавия в феврале 1917 г. оно окончательно не исчезло, то чуть затихая, то разгораясь с новой силой.

Спор о том, кто ответственен за это жестокое столкновение носителей столь разнящихся идеологических концептов, погубившее Российскую империю, длится уже более полутора веков. В разные исторические эпохи виновниками противостояния назначались прямо противоположные стороны конфликта. В имперский период российской государственности ими традиционно выступали радикалы и либералы, их поддерживавшие, в советский период наоборот – представители правящих классов, группировавшиеся вокруг династии Романовых. В постсоветский период российское обществоведческое и историческое сообщество разделилось на сторонников первого подхода и защитников второго, что напрямую повлияло на шкалу оценок тех или иных сюжетов российского освободительного движения, породив по этому поводу дискуссии [3–6].

Апогеем столкновения диаметрально противоположных подходов в оценке народолюбчества стала полемика между Н. А. Троицким и А. А. Левандовским на страницах журнала «Родина» [3, 4]. По меткому замечанию В. А. Твардовской, для Н. А. Троицкого революционеры 1870–1880-х гг. – «народо-

любцы и тираноборцы», для А. А. Левандовского – «бомбисты», лишённые нравственных принципов (сродни авантюристам и карьеристам от революции)» [5, с. 9]. «Их безоглядная и беспощадная борьба с властью постепенно приобретала иррациональный характер: она во все большей степени велась под диктовку не разума, а одного из самых разрушительных чувств, которые владеют человеком – ненависти, – утверждает А. А. Левандовский, делая знаменательный вывод: «Наверное, именно это помогло Исполнительному комитету <...> добиться невозможного: внушить верхам ощущение кризиса <...> Но та же причина привела в конце концов и к катастрофе на Екатерининском канале <...> Россия же обреклась на многолетнюю полосу томительной беспросветной реакции» [1, с. 91].

Современная ситуация в мире еще сильнее обострила градус подобных научных дискуссий. Это стало проявляться особенно ярко в условиях непримиримого идеологического противостояния России и Запада, когда западные элиты, а также интегрированная с ними часть российской несистемной оппозиции всюду пытались и пытаются повлиять на внутривнутриполитическую ситуацию, фактически сделав ставку на российскую «цветную революцию» и возможный распад страны. В такой обстановке отечественный политический класс активно поднимает вопрос о необходимости сбережения традиционной российской государственности и это справедливо. Но это же дало повод некоторым историкам и публицистам [7–9] для очередной «идеологической проработки» всех оппозиционных элементов, боровшихся с царизмом, теперь уже как носителей антигосударственных деструктивных начал и сокрушителей тысячелетней российской государственности. Причем современные российские охранители, поддерживающие вышеуказанную тенденцию, пренебрегают даже принципом историзма, без которого объективное познание исторического прошлого невозможно, а иногда и просто допускают фальсификацию фактов. Целью данной статьи, написанной на локальном региональном материале, является попытка показать, как развивалось подобное противостояние

между властью и радикальной оппозицией, представленной колонией политических ссыльных, на периферии империи в городе Сургуте.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Доказательная база работы основана, прежде всего, на воспоминаниях участников российского революционного движения и служащих царской полиции 1860–1880-х гг., опубликованных в советское и постсоветское время. Источниками исследования послужили также материалы Государственного архива в г. Тобольске, которые позволили выявить некоторые важные аспекты организации жизни ссыльных в г. Сургуте. В качестве ключевых методов в статье использованы методы анализа и синтеза, а также историко-генетический метод, который, на примере конкретного города, позволил выяснить основные закономерности и особенности взаимоотношений власти и оппозиции в Российской империи во второй половине XIX в. При этом автор не претендовал на всеобъемлющий охват проблемы, требующей широкого научного обсуждения.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Эпоха конца 1860-х – начала 1870-х гг. в Российской империи являлась временем бурного общественного подъема, во многом вызванного реформами 1860-х гг. Для российской образованной молодежи это был период поиска путей дальнейшего социально-политического развития страны. Огромное воздействие на формирование социального мировоззрения поколения 1870-х гг. оказывали с помощью своих произведений новоявленные «революционные пророки». Сердцами передовой части молодого поколения в это время завладели автор книги «Исторические письма» (1869) П. Л. Лавров и «апостол всемирного разрушения» М. А. Бакунин, перу которого принадлежал труд «Государственность и анархия» (1872). Именно под влиянием этих неординарных личностей и началось знаменитое «хождение в народ» 1874–1875 гг.

Бескорыстная и романтизовавшая простой народ молодежь обратилась к нему с целью

пропаганды социалистических идей. Русский крестьянин весьма настороженно отнесся к пропагандистам. По мнению ряда участников этого движения, убедившись, что народ совсем не тот, каковым его представляла возмущенная молодежь в большинстве своем либо вернулась бы в студенческие аудитории, либо пополнила бы крайне левую часть земского движения [10, с. 213; 11, с. 205].

Иначе думало правительство. Оно испугалось этого нового, непонятного и в определенной степени иррационального порыва молодежи, и как это часто бывало в России, решило искоренить революционную крамолу силой. По всей стране начались аресты и настоящая охота за пропагандистами. По указанию из Зимнего дворца и по инициативе прокурора Саратовской судебной палаты С. С. Жихарева, главы Московского губернского жандармского управления генерала И. Л. Слезкина было инспирировано гигантское дело «О пропаганде в Империи», по которому власти арестовали только в 26 губерниях более 4 тыс. человек [12, с. 77].

Желая выслужиться и получить новые чины и звания, Жихарев, Слезкин и их подручные плели для высших правящих сфер паутину масштабного заговора, управляемого якобы из одного центра и охватившего всю империю. При этом жизнь мало в чем виновных пропагандистов в этой погоне за чинами и наградами в расчет не бралась. В результате подследственные проводили в одиночных камерах тюрем по всей стране от одного года до четырех лет. Многие из них впоследствии погибли или сошли с ума. Так, при подготовке «Процесса 193-х», из лиц, привлеченных к следствию, до начала процесса 43 человека умерли, 12 человек покончили с собой, 38 человек сошли с ума [13, с. 158].

В оценке выдающегося русского юриста А. Ф. Кони, которого трудно упрекнуть в симпатиях к революционерам: «Жихарев – палач, для которого десять Сахалинов вместе взятых, не были бы достаточным наказанием за совершенное им в середине 1870-х гг. злодейство по отношению к молодому поколению» [13, с. 157], а таких жихаревых у основания трона стояли сотни, если не тысячи.

Облава на радикально настроенную молодежь коснулась и удаленного от центра империи Сургута. Вскоре он и ему подобные населенные пункты потребовались властям для отправки осужденных по первым большим политическим процессам. Наиболее значительными из них являлись состоявшиеся в 1877 г. «Процесс 50-ти» (март), процесс Южнороссийского рабочего союза (май), а также «Процесс 193-х» (май 1877 г. – январь 1878 г.).

Обстановка во время подготовки этих судебных разбирательств в обществе складывалась предельно напряженная. Атмосфера насилия во многом нагнеталась именно властями, активно применявшими внесудебные расправы во время протестов молодежи, арестованных за политические преступления. Наиболее показательная история произошла в Санкт-Петербурге в Доме предварительного заключения (ДПЗ), где 13 июля 1877 г. по незаконному приказу [14, с. 34] столичного градоначальника Ф. Ф. Трепова арестованного студента А. С. Емельянова (Боголюбова) наказали розгами. В результате в ДПЗ вспыхнули серьезные беспорядки, для подавления которых задействовали полицейских, устроивших избиение безоружных протестовавших узников [15, с. 232–243]. В усилившейся конфронтации между обществом и властью все чаще использовались репрессивные меры. Это проявлялось как в сворачивании открытых судебных процессов по политическим делам, так и в ужесточении судебных приговоров.

Постоянно эскалируемое политическое насилие со стороны властей провоцировало радикалов взяться за оружие. Вестником народнического террора стал выстрел 24 января 1878 г. В. И. Засулич в столичного градоначальника Трепова – спираль насилия и контрнасилия стремительно раскручивалась.

Вскоре правительство для борьбы не только с революционными, но и либеральными веяниями стали широко использовать институт административной высылки «в места отдаленные» без суда. И в сложившихся условиях такие районы Российской империи, как Тобольский Север, приобретали важное значе-

ние именно как центры политической ссылки. В пользу превращения этого региона в таковой играла его малонаселенность, отсутствие транспортных коммуникаций, суровый климат и исторические традиции. Эти места помнили еще жертв «дворцовых переворотов» XVIII в., начиная с А. Д. Меншикова. По данным Л. П. Роцевской, в конце 1870–1880-х гг. на Тобольском Севере побывало в ссылке около 150 человек [16, с. 400–410].

Изначально Сургут ничем особым на фоне других населенных пунктов, принимавших ссыльных, не отличался. Первыми вступившими на его территорию «государственными преступниками» оказались член Южнороссийского рабочего союза Виталий Мрачковский и рабочий Николай Васильев, осужденный по «Процессу 50-ти», прибывшие в этот населенный пункт осенью 1877 г. Но уже к началу 1880-х гг. сформировалась небольшая ссыльная колония, пополнявшаяся выходцами из образованной среды: Д. Д. Лейвиным, Н. Я. Фалиным, Л. А. Ивановым и С. П. Швецовым [16, с. 407–409].

Первое появление ссыльных преобразило сургутскую жизнь. Они оказались людьми образованными, активными и умелыми. В это время по инициативе ссыльных в Сургуте возникли столярная мастерская и кузница. Они занимались переплетным делом, починкой часов, а также вели доступные им научные изыскания (изучали природу края, этнографию), фиксировали метеонаблюдения [17, с. 112–115].

Однако и в этой сибирской глубинке ссыльных настигали российские события. Противостояние власти и революционеров только усиливалось. Народничество «розовой юности» сменилось деятельностью крайне опасной для правительства партии «Народная воля». Столкновение революционеров с властью закончилось царубийством 1 марта 1881 г. Эти процессы повлияли на положение ссыльных, без того строгий надзор за которыми резко усилился.

В архиве сохранился документ от 22 сентября 1881 г., подписанный Тобольским губернатором В. А. Лысогорским. Он предписывал местным органам власти «стро-

наблюдать за тем, чтобы поднадзорное лицо не только не имело возможности оставить назначенное для него место жительства, но даже временно не отлучалось бы за черту поселения» [18, л. 388 об]. Вводился не только уничижительный контроль, по которому местные полицейские стражники и жандармы могли в любое время вламываться в жилище, нанимаемое ссыльным, а жители домов, где они квартировали, обязаны были специальными подписками сообщать обо всей их деятельности властям [19, с. 69]. Жестче всего был запрет на отлучки за черту поселения при скудном и нерегулярно поступавшем денежном довольствии ссыльных, да еще и в северном регионе, где люди жили за счет реки и тайги – это фактически обрекало их на полуголодное существование.

Причем в глухих лесных и болотистых районах Тобольского Севера подобные «строгости» зачастую не имели никакого смысла. О такой абсурдной ситуации в своих ходатайствах писали и сами ссыльные. Например, в прошении к губернатору кондинского ссыльного Д. Пршибасова: «Вследствие распоряжения Экспедиции о ссыльных я заключен в Кондинское общество по категории лишенного всех прав состояния с трехлетнюю льготой. Таким образом, я должен был бы пользоваться паем в тех промыслах, которыми занимаются здешние крестьяне. К сожалению, пай у меня есть, но пользоваться им по причине запрещения отлучки за черту селения, я не в состоянии. Между тем, если Ваше Превосходительство вспомните положение села Кондинского, то увидите, что из окрестностей гораздо труднее бежать, чем из самого селения. Все же промыслы находятся вне селения. Ввиду этого я осмеливаюсь беспокоить Ваше Превосходительство просьбой о разрешении мне выезда на промыслы под поручительство кого-нибудь из старожилов. При этом я должен прибавить, что отлучаться на промыслы всегда приходится с народом, вследствие чего бегство невозможно, и что без подобных отлучек приписка к обществу и трехлетняя льгота для меня не имеют никакого значения. Отлучаться на промыслы приходится недалеко

и ненадолго, причем я все также могу согласно подписке являться 1 раз или даже 2 в неделю к начальству, под надзором коего я состою» [20, л. 123 об].

Вся эта мелкая и уничижительная опека ссыльных естественным образом провоцировала новые беспорядки и столкновения их с властями. В этом плане особенно отличалась Тобольская губерния. По оценке того же Д. Кеннана (близко знакомого с российской ссылкой), положение политссыльных в губернии было несравнимо хуже, нежели в соседней Томской [21, с. 83]. Значимо, что состав политической ссылки стал пополняться не мирными пропагандистами-семидесятниками, а более решительными в поступках народовольцами – отсюда и рост протестной активности ссыльных, в том числе побегов из мест поселения.

В такой ситуации власти не нашли ничего лучшего, чем создать из Сургута настоящую «тюрьму без стен», чтобы отправлять туда наиболее «отпетых» врагов трона, находившихся в Тобольской губернии. На один из запросов Министерства внутренних дел (МВД) в 1883 г. губернатор ответил, что «наиболее удобным местом для ссылки является Сургут, так как он расположен вдали от крупных городов и главного сибирского тракта, а население там наиболее отсталое и не поддается пропаганде» [22, с. 61].

Такая политика начала реализовываться в 1884–1885 гг., но окончательное воплощение получила уже при новом губернаторе В. А. Тройницком в 1886 г. В результате к зиме 1887–1888 гг. в Сургуте находилось 25 политссыльных [22, с. 61] Это была одна из самых больших ссыльных колоний не только в Тобольской губернии, но и во всей Западной Сибири. Абсолютное большинство из них попадало в Сургут из других мест губернии за различные правонарушения и столкновения с властями. Так, в 1884 г. из Ишима в Сургут перевели В. А. Броневского, дважды пытавшегося бежать, в 1885 г. из-за подозрения в подготовке побега оттуда же – Д. И. Ослопова, а в 1886 г. из Туринска – народовольца Я. И. Дибобеса. В 1887 г. из того же Туринска в Сургут отправили В. Я. Яковлева (Богучар-

ского), докучавшего властям защитой законных прав ссыльных, а вместе с ним и еще несколько «туринских протестантов», в их числе: И. И. Лазаревича, Я. А. Меримкина, Л. В. Колегаева, В. А. Вадзинского, П. И. Зарембо, С. А. Боуфал. Из Ялуторовска прибыли наиболее активные участники «столкновения с властями 1884 г.» и участники «систематических отлучек за город»: М. П. Орлов, А. В. Молдавский, А. Н. Лебедев и Н. Л. Зотов [19, с. 39].

Таким образом, состав новой ссыльной колонии Сургута сформировался преимущественно из лиц, настроенных по отношению к властям негативно и решительно. До их прибытия взаимоотношения между ссыльными и местными властями тоже складывались не просто, что находило отражение в неоднократных рапортах последнего.

Следует признать, что идея губернатора превратить Сургут в центр скопления наиболее опасных в глазах властей политических преступников строилась только на основе географического положения этого населенного пункта, без учета других объективных факторов. Во-первых, это отсутствие хотя бы минимальной социальной инфраструктуры, которая давала бы возможность ссыльным, среди которых находилось немало образованных людей, по-иному приложить свои силы. Во-вторых, Сургут оказался слишком мал для размещения в нем большой колонии ссыльных. Условно говоря, в пиковый период 1887–1888 гг. на менее чем 50 жителей приходился один ссыльный. Это создавало ощутимые трудности для получения ссыльными хоть какого-нибудь дополнительного заработка. В-третьих, власти не учли и «полицейского» фактора, то есть нехватку личного состава надзирателей для организации должного (с точки зрения существовавших в губернии регламентов. – прим. авт.) контроля за поднадзорными.

При сложившейся в Сургуте обстановке вероятность столкновения политссыльных с администрацией оставалась высокой, спровоцировали это столкновение именно официальные власти. Поводом явилась тяжелая болезнь одного из самых уважаемых ссыльных

Льва Иванова. У него началось воспаление спинного мозга, парализовало руку и ногу, отнялся язык. Эффективной помощи он в городе получить не мог. Единственный врач Соковнин, прославившийся как беспробудный пьяница, страдал запоями и полностью деградировал. Товарищи Иванова собрали необходимую сумму денег и обратились к губернатору Тройницкому с просьбой разрешить Иванову временный перевод в Тобольск, где его поместили бы в больницу для оказания требуемой медицинской помощи [23, с. 125]. На неоднократные просьбы ссыльных о переводе Иванова губернатор долго не отвечал, хотя это решение находилось полностью в его компетенции. Когда Иванов получил разрешение на выезд в Тобольск, он был уже так плох, что по дороге 29 мая 1887 г. умер. Встречавшие его в Тобольске ссыльные на свои деньги организовали похороны, которые вылились в настоящую политическую демонстрацию [22, с. 58].

Смерть Иванова стала толчком к дальнейшим событиям, напрямую затронувшим не только Сургут, но и отразившимся впоследствии на всей российской внутривнутриполитической ситуации. Власти явно недооценивали недовольство ссыльных ситуацией, сложившейся в городе. Они никак не реагировали и на постоянные жалобы ссыльных, касавшиеся доктора Соковнина, который не хотел оказывать им медицинскую помощь.

Обстановку еще более усугубила история, произошедшая в конце 1887 г. в семье политссыльного Колегаева. Он пришел к Соковнину за срочной помощью для своей маленькой дочери, отравившейся уксусной эссенцией, но натолкнулся на отказ пьяного врача идти на вызов. После долгих споров Соковнин согласился помочь ребенку только после требования через полицию и лишь в ее сопровождении. Впоследствии ссыльные написали на него жалобу, подписанную 20 фамилиями, по которой было заведено «Дело по заявлению политических ссыльных г. Сургута о нетрезвой жизни кружного врача Соковнина» [24].

В декабре 1887 г. последовал новый случай. Теперь он произошел с заболевшими Лазаревичем и Яковлевым. Врач не смог установить

диагноз и признал их здоровыми. В результате губернатору отправили очередное прошение о перемещении в тобольскую больницу, так как «при существующих в Сургуте условиях никакое лечение немислимо» [22, с. 58]. В Тобольске власти снова не отреагировали.

Следствием бездействия властей стало то, что 22 декабря 1887 г. ссыльные Сургута написали коллективное заявление губернатору. Ответа от него и на это обращение не последовало. Ничего не изменилось и в плане медицины. Более того, власть как будто нарочно делала все, чтобы ситуация полностью вышла из-под контроля: рецепты, написанные ссыльными врачами, признавались недействительными, в аптеке не выдавали уже никаких медикаментов, а больницу закрыли [22, с. 60]. Взаимоотношения между исправником и ссыльными обострились до крайности, любая случайность могла привести к мятежу.

Понятно, что в такой ситуации сургутские политссыльные ощущали себя как в осажденной крепости, недоверие их к любым представителям власти было полным. Но они пока пробовали действовать легальным порядком, 19 января 1888 г. отправив в Тобольск очередное заявление. В нем поднадзорные напоминали, что они ждут губернаторского ответа и предупреждали, что «если со следующей почтой ответа не будет, мы примем молчание за отказ» [22, с. 60]. Губернатор по-прежнему молчал, видимо, демонстрируя твердость власти, которая оказалась на стороне давно деквалифицировавшегося доктора и исправника, покрывавшего его.

Тогда ссыльные составили петицию под названием «Гонения политических ссыльных в Сургуте» и 16 февраля 1888 г. отправили ее министру внутренних дел Д. А. Толстому [22, с. 60]. Основной упор в этом послании сделан на беззакониях «таких усердных администраторов», как губернатор Тройницкий. В заключении своего обращения они указывали, что использовали все легальные способы: «Отныне мы перестаем признавать его (губернатора. – *прим. авт.*) власть и всякие исходящие от него распоряжения не считаем обязательными. Условия ссылки и по су-

ществу своему тяжелы, чтобы гнет их мог еще быть увеличен произвольными и беззаконными распоряжениями подобных администраторов» [22, с. 61].

Фактически с начала 1888 г. политссыльные полностью игнорировали распоряжения как губернской, так и местной власти. Тогда же они решили организовать побег своих товарищей Лазаревича и Лебедева с тем, чтобы они смогли известить общественность России об условиях ссылки в Тобольской губернии. Побег состоялся в ночь с 18 на 19 февраля 1888 г., причем в его организации принимали участие и местные жители: И. Ф. Кайдалов, его супруга Дарья Ивановна, Л. И. Кушников [25, с. 103].

Беглецы смогли доставить сведения о событиях в Сургуте и произволе властей в Европейскую Россию. Документ «Гонение политических ссыльных в Сургуте» так же, как и последующий «Протест русской политической ссылки» попали и за рубеж. После успешного побега ситуация вышла на новый уровень эскалации.

Губернские власти, окончательно убедившись, что потеряли контроль над ситуацией в Сургуте, приняли решение о расселении сургутской колонии ссыльных, но сначала нужно было перехватить инициативу. Для этого в ночь с 17 на 18 марта 1888 г. была проведена специальная полицейская операция по захвату ссыльных, которую осуществила тайно прибывшая в город полицейская команда во главе с тобольским полицмейстером Пасынковым [22, с. 65].

После облавы арестованных на подводах вывезли из Сургута. Их разбросали по различным селениям «низовой Оби». Но и этого властям оказалось мало. Летом 1888 г. началось следствие по этому делу, и большую часть участников Сургутского протеста перевезли в различные тюрьмы губернии.

В ходе расследования Сургутского протеста МВД приняло следующее решение: М. Д. Гуревича, А. Т. Вадзинского, В. Я. Яковлева, А. В. Молдавского, а также Н. Л. Зотова, И. М. Соколова и М. П. Орлова отправить в Якутскую область, а остальных расселить по селам Обского Севера [22, с. 71].

Казалось бы, инцидент исчерпан, и власть может торжествовать. Но время показало, что это была пиррова победа. «Сургутская история», получившая огласку, еще более обострила отношения между властью и оппозиционной частью общества, не говоря уже о самом ее радикальном крыле. Заволновалась и вся ссылка, а это было чревато для самодержавия новыми эксцессами.

Фактически мучительная смерть Иванова (1887) и Сургутский протест (1888) явились прологом уже кровавой Якутской трагедии (1889). Поводом к ней послужило столкновение политссыльных, предназначенных к отправке из Якутска в Средне-Колымск. Ситуация разворачивалась следующим образом. После отъезда губернатора области генерала Светлицкого, весьма либерально настроенного по отношению к ссыльным, его заместил недавно прибывший в регион вице-губернатор Осташкин. Этот типичный бюрократ, твердо веривший в силу начальствующих предписаний, не считаясь с местными условиями, сразу же решил изменить ранее установленный порядок следования до Средне-Колымска, что делало поездку по такому трудному маршруту рискованной. Один из участников этой истории М. В. Брамсон вспоминал: «Трудный и долгий путь из Якутска в Колымск и при прежних, более или менее сносных, условиях был сопряжено со многими серьезными опасностями; при новом же порядке, установленном Осташкиным, эти опасности усугублялись, особенно, если принять во внимание, что в числе назначенных к отправке были женщины и даже дети» [26, с. 11].

Ссылки попытались добиться отмены этого решения, апеллируя к разуму новоиспеченного «владыки области». Однако из этого ничего не получилось. Тогда они попытались мирно договориться и написали тождественные заявления на имя Осташкина. В них подробно излагались условия пути в Средне-Колымск, а также подчеркивалось, что новый порядок отправки при данных физических и климатических условиях угрожал жизни отправляемых, содержалась просьба об отмене новых правил отправки [26, с. 13].

Полицмейстер Якутска принял эти заявления, пообещав привести их на квартиру ссыльного Я. Ноткина в доме Монастырского, где собрались все остальные в составе 30 человек (из них 8 женщин) [26, с. 43]. Но вместо ответа 22 марта 1889 г. власти попытались силой доставить «отказников» в полицейское управление. Начались переговоры, но местные держиморды уже приняли решение действовать грубой силой, в итоге солдаты ворвались в дом и «отработали» штыками и прикладами. Ссылки оказали сопротивление, и в комнате возникла перестрелка. Как описывал последствия первого столкновения один из выживших очевидцев: «Когда густой пороховой дым рассеялся <...> мы уцелевшие от солдатских штыков и пуль, бросились на помощь раненым. Но не одни только раненые были среди нас. В углу, у задней стены, <...> сидел бездыханный Пик с простреленной головой <...> в соседней комнате в страшных предсмертных муках умирала его жена, Софья Гуревич, у которой штыками был распорот живот. Пулею ранены были Минор и Орлов, штыками особенно тяжело Матвей Фундаминский, получивший несколько глубоких колоты ран, Зороастрова, Капгер, Осип Эстрович и Ноткин <...> тяжело ранен штыком в паховую область Коган-Бернштейн» [26, с. 17].

В числе активных участников сопротивления оказались и революционеры, высланные в Сургут – это Н. Л. Зотов и М. П. Орлов. Николай Львович Зотов во время штурма дома Монастырского первым начал отстреливаться. Он легко ранил командовавшего солдатами подпоручика Карамзина, а позднее, когда к дому прибыл прямой виновник произошедших событий Осташкин, революционер покушался на его жизнь, но револьверная пуля, отскочив от пуговицы на шинели, лишь слегка поцарапала сановного чиновника [26, с. 17]. В ответ на это солдаты, находившиеся вне дома, начали палить по нему из винтовок. Огонь не сразу прекратился, несмотря на крики осажденных «Сдаемся!», «Перестаньте стрелять!».

В конце концов военная сила взяла верх: протест подавили, его итогом стало убийство шести ссыльных, еще пятеро были тяжело ра-

нены и трое легко ранены [26, с. 17]. Среди «осаждавших дом» солдат и полицейских, кроме офицера, «отделавшегося легким испугом», смертельное ранение получил полицейский Хлебников [26, с. 193]. После захвата ссыльных всех выживших участников столкновения арестовали, и над ними началось следствие. После проведенного дознания военно-судебная комиссия вынесла суровый вердикт, проговорив к смертной казни трех человек – Н. Л. Зотова, А. Л. Гаусмана и Л. М. Когана-Бернштейна. Их казнили 7 августа 1889 г., причем не оправившегося еще от штыковой раны Льва Когана-Бернштейна прямо на кровати принесли на эшафот и уже там «на него одели петлю, а кровать из-под него вытащили» [26, с. 33]. Многим участникам «якутской бойни» усилили меру наказания, приговорив их к каторжным работам [26 с. 27]. Инициатор столкновения вице-губернатор Осташкин получил полное одобрение высшей власти и был утвержден в должности губернатора [26, с. 34].

Естественно, что эта кровавая драма еще более подняла градус насилия в Российской империи. В своем прощальном письме к М. П. Орлову Н. Л. Зотов написал: «Употребите все свои силы и под впечатлением свежим финала этих ужасов, этой бойни, этой резни – эксплуатируйте всеми способами и всеобщими усилиями эту драму, этот колоссальный пример жестокости, самоуправства, бесчеловечности русского деспотизма и его системы! Пишите во все концы нашей матушки и мачехи, и за границу, и Кеннам всяким. Над этим стоит поработать. Это единственное, чем мы можем окупить потери этой расправы» [26, с. 79].

Действительно, и Сургутский протест, и Якутская трагедия получили мировую огласку, нанеся серьезнейший имиджевый урон российскому самодержавию [27].

Еще более страшным итогом этого жестокого противостояния между властью и оппозицией даже в таких медвежьих углах империи, как Сургут и Якутск, являлись усиливавшиеся насилие и контрнасилие между властью и революционерами. Причем самодержавие, стремившееся своими действиями только карать злоумышленников, во многом само способствовало появлению мощнейшего «героического мифа» о русских революционерах, ставшего притягательным для грядущих поколений молодежи [28, с. 41–61]. Более того, даже в конце 1880–1890-х гг., когда революционное движение было подавлено и пошло на спад, власть по-прежнему действовала преимущественно репрессивными методами, постоянно множа ряды недовольных. Примером тому являлся постоянный рост числа административно высылаемых: если таковых оказалось в 1883 г. 303 человека, то в 1899 г., их зафиксировано уже 1 414 человек [29, с. 58].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Символическим итогом этого сражения Давида и Голиафа стало то, что менее чем через три десятка лет после описанных событий в августе 1917 г. в Тобольске оказался уже последний самодержец Российской империи Николай II. Человеком, отвечавшим за его доставку и пребывание, являлся Василий Панкратов, комиссар Временного правительства, бывший народоволец, который провел около 15 лет в Шлиссельбургской крепости. Символично и то, что в 1918 г. Тобольск от белых освобождали части Красной армии, которыми командовал сын сургутского ссыльнопоселенца Сергей Витальевич Мрачковский [30, с. 75]. Таким образом, круг насилия и контрнасилия замкнулся, похоронив под собой Российскую империю.

Список источников

1. Левандовский А. А. Железный век. М. : АРБОР, 2000. 214 с.
2. Савинков Б. В. То, чего не было : роман, повести, рассказы, очерки стихотворения. М. : Современник, 1992. 719 с.

References

1. Levandovsky A. A. Zhelezny vek. Moscow: ARBOR; 2000. 214 p. (In Russ.).
2. Savinkov B. V. To, chego ne bylo: roman, povesti, rasskazy, ocherki stikhotvoreniya. Moscow: Sovremennik; 1992. 719 p. (In Russ.).

3. Троицкий Н. А. Друзья народа или бесы? Как и кого защищали народники // Родина. 1996. № 2. С. 67–72.
4. Левандовский А. Бомбисты. Продолжаем дискуссию о феномене русских революционеров-народников // Родина. 1996. № 4. С. 48–56.
5. Освободительное движение в России: современный взгляд или приверженность традициям? «Круглый стол» // Отечественная история. 1999. № 1. С. 3–18.
6. Троицкий Н. А. Прямой ответ на «Круглый стол» // Отечественная история. 1999. № 6. С. 184–186.
7. Литвинова А. Н., Литвинов Н. Д. Первая кровь России: зарождение революционно-террористического движения в Российской империи. 1861–1879 гг. : моногр. Воронеж : Межрегион. общенац. центр «Антитеррор», 2006. 287 с.
8. Литвинов Н. Д., Журавель В. П. Чигиринское восстание, как форма европейской гибридной войны на территории России. 1876–1877 гг. // Юридическая наука: история и современность. 2018. № 2. С. 64–85.
9. Стариков Н. В. От декабристов до террористов. Инвестиции в хаос. СПб. : Питер, 2017. 352 с.
10. Дебогорий-Мокриевич В. К. От бунтарства к терроризму : кн. I. М.–Берлин. : Директ-Медиа, 2015. 428 с.
11. Морозов Н. А. Повести моей жизни. М. : Изд-во «Наука», 1965. Т. 1. 407 с.
12. Новицкий В. Д. Из воспоминаний жандарма. М. : Изд-во МГУ, 1991. 254 с.
13. Троицкий Н. А. Крестonosцы социализма. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 2002. 370 с.
14. Кони А. Ф. Дело Веры Засулич. М. : Терра : Книжный Клуб Книговек, 2015. 315 с.
15. Революционеры 1870-х годов: воспоминания участников народнического движения в Петербурге / сост. В. Н. Гинев. Л. : Лениздат, 1986. 439 с.
16. Тобольский Север глазами политических ссыльных XIX – начала XX века / сост. Л. П. Рощевская, В. К. Белобородов. Екатеринбург : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1998. 432 с.
17. Милевский О. А. Политическая ссылка 1860–1890-х годов на Тобольский Север: социокультурный контекст. Тюмень : Аксиома, 2017. 129 с.
18. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-330. Оп. 8. Д. 84.
19. Милевский О. А. Судьбы безвестные. Очерки российской политической ссылки и каторги последней трети XIX в. Сургут : РИО БУ «Сургутский государственный педагогический университет», 2024. 202 с.
20. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-152. Оп. 8. Д. 400.
21. «Сибирская газета» в воспоминаниях современников. Томск : Изд-во научно-технической литературы, 2004. 200 с.
22. Рощевская Л. П. «Сургутская история» (Волнения политических ссыльных 80-х годов XIX века в Западной Сибири) // Классовая борьба и общественно-политическая жизнь дореволюционной России. 1977. С. 48–84.
3. Troitsky N. A. Druzya naroda ili besy? Kak i kogo zashchishchali narodniki. *Rodina*. 1996;(2):67–72. (In Russ.).
4. Levandovsky A. Bombisty. Prodolzhaem diskussiyu o fenomene russkikh revolyutsionerov-narodnikov. *Rodina*. 1996;(4):48–56. (In Russ.).
5. Osvoboditelnoe dvizhenie v Rossii: sovremenny vzglyad ili priverzhennost traditsiyam? “Krugly stol”. *Otechestvennaya istoriya*. 1999;(1):3–18. (In Russ.).
6. Troitsky N. A. Pryamoy otvet na “Krugly stol”. *Otechestvennaya istoriya*. 1999;(6):184–186. (In Russ.).
7. Litvinova A. N., Litvinov N. D. Pervaya krov Rossii: zarozhdenie revolyutsionno-terroristicheskogo dvizheniya v Rossiskoy imperii. 1861–1879 gg. Monograph. Voronezh: Mezhtregion. obshchenats. tsentr “Antiterror”; 2006. 287 p. (In Russ.).
8. Litvinov N. D., Zhuravel V. P. Chigirinskoe uprising as a form of European hybrid war in Russia. 1876–1877. *Legal science: history and the presence*. 2018;(2):64–85. (In Russ.).
9. Starikov N. V. Ot dekabristov do terroristov. Investitsii v khaos. Saint Petersburg: Piter; 2017. 352 p. (In Russ.).
10. Debogory-Mokrievich V. K. Ot buntarstva k terrorizmu. Book I. Moscow–Berlin: Direkt-Media; 2015. 428 p. (In Russ.).
11. Morozov N. A. Povesti moye zhizni. Moscow: Izd-vo “Nauka”; 1965. Vol. 1. 407 p. (In Russ.).
12. Novitsky V. D. Iz vospominaniy zhandarma. Moscow: Izd-vo MSU; 1991. 254 p. (In Russ.).
13. Troitsky N. A. Krestonosy sotsializma. Saratov: Izd-vo Saratovskogo un-ta; 2002. 370 p. (In Russ.).
14. Koni A. F. Delo Very Zasulich. Moscow: Knizhny Klub Knigovek; 2015. 315 p. (In Russ.).
15. Revolyutsionery 1870-kh godov: vospominaniya uchastnikov narodnicheskogo dvizheniya v Peterburge. Ginev L., complier. Leningrad: Lenizdat; 1986. 439 p. (In Russ.).
16. Roshchevskaya L. P., Beloborodov V. K., compliers. Tobolsky Sever glazami politicheskikh ssyllykh XIX–nachala XX veka. Yekaterinburg: Sred-Ural. kn. izd-vo; 1998. 432 p. (In Russ.).
17. Milevsky O. A. Politicheskaya ssylka na Tobolsky Sever: sotsiokulturny kontekst. Tyumen: Aksioma; 2017. 129 p. (In Russ.).
18. State Budgetary Institution of the Tyumen Region “State Archive” in Tobolsk (GBU TO GA v g. Tobolske). F. I-330. Op. 8. D. 84. (In Russ.).
19. Milevsky O. A. Sudby bezvestnye. Ocherki rossiiskoy politicheskoy ssylki i katorgi posledney treti XIX v. Surgut: RIO BU Surgut State Pedagogical University; 2024. 202 p. (In Russ.).
20. State Budgetary Institution of the Tyumen Region “State Archive” in Tobolsk (GBU TO GA v g. Tobolske). F. I-152. Op. 8. D. 400. (In Russ.).
21. “Sibirskaya gazeta” v vospominaniyakh sovremennikov. Tomsk: Izd-vo nauchno-tekhnicheskoy literatury; 2004. 200 p. (In Russ.).

23. Швецов С. К «предыстории» Якутской бойни // Каторга и ссылка. 1929. № 4. С. 119–128.
24. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-152. Оп. 12. Д. 65.
25. Сургутянин. Сто лет Сургутской ссылки // Каторга и ссылка. 1929. № 12. С. 92–117.
26. Якутская трагедии. 22 марта (3 апреля) 1889 года : сб. воспоминаний и материалов / под ред. М. А. Брагинского и К. М. Терешкевича. М. : Тип. изд-ва Брокгауз-Ефрон, 1925. 224 с.
27. Good E. America and the Russian revolutionary movement, 1888–1905 // *Russian Review*. 1982. Vol. 41, no. 3. P. 273–287.
28. Могильнер М. Мифология «подпольного человека»: радикальный микрокосм в России начала XX века как предмет семиотического анализа. М. : Новое литературное обозрение, 1999. 207 с.
29. Троицкий Н. А. Царизм под судом прогрессивной общественности. 1866–1895 гг. М. : Мысль, 1979. 350 с.
30. Показаньев Ф. Я. Город древний, город славный. Сургут : Северный дом, 1994. 160 с.
22. Roshchevskaya L. P. “Surgutskaya istoriya” (Volneniya politicheskikh ssylnykh 80-kh godov XIX veka v Zapadnoy Sibiri). *Klassovaya borba i obshchestvenno-politicheskaya zhizn dorevolyutsionnoy Rossii*. 1977:48–84. (In Russ.).
23. Shvetsov S. K “predystorii” Yakutskoy boyni. *Katorga i ssylka*. 1929;(4):119–128. (In Russ.).
24. State Budgetary Institution of the Tyumen Region “State Archive” in Tobolsk (GBU TO GA v g. Tobolske). F. I-152. Op. 12. D. 65. (In Russ.).
25. Surgutyaniin. Sto let Surgutskoy ssylke. *Katorga i ssylka*. 1929;(12):92–117. (In Russ.).
26. Braginsky M. A., Tereshkevich K. M., eds. *Yakutskaya tragediya. 22 marta (3 aprelya) 1889 goda*. Sb. mat-ov. Moscow: Tip. izd-va Brokgauz-Efron; 1925. 224 p. (In Russ.).
27. Good E. America and the Russian revolutionary movement, 1888–1905. *Russian Review*. 1982;41(3):273–287.
28. Mogilner M. Mifologiya “podpolnogo cheloveka”: radikalny mikrokosm v Rossii nachala XX v kak predmet semioticheskogo analiza. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; 1999. 207 p. (In Russ.).
29. Troitsky N. A. Tsarizm pod sudom progressivnoy obshchestvennosti. 1866–1895 gg. Moscow: Mysl; 1979. 350 p. (In Russ.).
30. Pokazanev F. Ya. Gorod drevniy, gorod slavy. Surgut: Severny dom; 1994. 160 p. (In Russ.).

Информация об авторе

О. А. Милевский – доктор исторических наук, доцент, профессор.

About the author

O. A. Milevsky – Doctor of Sciences (History), Docent, Professor.

Научная статья
УДК 658:622.3(091)
<https://doi.org/10.35266/2949-3463-2024-4-3>

Система управления нефтяной отраслью в последней трети XIX – начале XX веков

Валерия Николаевна Красивская

МИРЭА – Российский технологический университет, Москва, Россия
krasivskaya@mirea.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0107-4717>

Аннотация. Целью исследования является рассмотрение процесса становления системы управления нефтяной промышленностью в последней трети XIX – начале XX веков. Во второй половине XIX века горнозаводская и нефтяная промышленность находилась по преимуществу в ведении Горного Департамента, который регулярно подвергался реорганизациям и переименованиям. В результате в последней трети XIX – начале XX веков была выстроена весьма стройная система органов власти, осуществлявших исполнительно-распорядительную деятельность в нефтяной отрасли, причем компетенции на всех уровнях достаточно четко разграничивались. Строго определенный перечень нормативных актов устанавливал отношения в этой сфере. Автором сформулирован вывод об активном участии специалистов, экспертов и чиновников в развитии отрасли. Выявлено, что деятельность подведомственных учебных учреждений поддерживалась и регулировалась. Систематические изменения в нормативно-правовой базе были обусловлены постоянными согласованиями и попытками решения проблем с промышленниками.

Ключевые слова: нефтяная отрасль, органы власти, Горный Департамент, министерства
Шифр специальности: 5.6.1. Отечественная история.

Для цитирования: Красивская В. Н. Система управления нефтяной отраслью в последней трети XIX – начале XX веков // Северный регион: наука, образование, культура. 2024. Т. 25, № 4. С. 28–36. <https://doi.org/10.35266/2949-3463-2024-4-3>.

Original article

Management system of oil industry in the last third of the 19th and early 20th centuries

Valeriya N. Krasivskaya

MIREA – Russian Technological University, Moscow, Russia
krasivskaya@mirea.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0107-4717>

Abstract. The purpose of the study is to examine the process of oil industry management system formation in the last third of the 19th and early 20th centuries. In the second half of the 19th century the mining and oil industry were mainly under control of the Department of Mining, which was regularly reorganized and renamed. As a result, in the last third of the 19th and early 20th centuries the system of government authorities, carrying out executive and administrative activities in the oil industry, was built up in rather structured manner, and competences at all levels were clearly differentiated. A strictly defined list of normative acts established relations in this sphere. The author concludes that specialists, experts and officials were actively involved in the development of the industry. It is revealed that the activities of subordinate educational institutions were supported and regulated. Systematic changes in the regulatory framework were due to constant coordination and attempts to solve problems with industrialists.

Keywords: oil industry, government authorities, Department of Mining, ministries
Code: 5.6.1. Russian History.

For citation: Krasivskaya V. N. Management system of oil industry in the last third of the 19th and early 20th centuries. *Severny region: nauka, obrazovanie, kultura*. 2024;25(4):28–36. <https://doi.org/10.35266/2949-3463-2024-4-3>.

ВВЕДЕНИЕ

«Нефтяной фактор» наряду с геополитическими, природно-климатическими, социокультурными и иными факторами определяет вектор российской модернизации. На сегодняшний день не вызывает сомнений тезис о том, что от содержания и эффективности государственного управления в нефтегазовой сфере во многом зависит не только политическое и экономическое будущее, но и геополитические позиции России. В связи с этим актуален анализ становления системы управления нефтяной отраслью, определение функций ее звеньев, а также факторов, снижавших эффективность государственного регулирования в нефтяной отрасли, с целью аккумуляции позитивного опыта.

Одним из обсуждаемых в историографии проблемы советского периода являлся вопрос о взаимоотношениях государства и иностранного капитала на рубеже XIX–XX вв. [1, с. 76–104]. Так, Л. Е. Шепелев правомерно утверждал, что поддержка государством нефтяных монополий во многом объяснялась необходимостью внедрения самых передовых технологий [2, с. 182]. Ряд вопросов, связанных с реорганизацией ведомств, отвечавших за развитие российской промышленности, освещен в работе Н. П. Ерошкина [3]. Однако в этот период формы поддержки нефтяной отрасли, деятельность структур, обеспечивавших ее в системе государственного управления, практически не рассматривались.

Исследования 1990-х гг. – первых десятилетий XXI в., в которых изучались истоки становления нефтяной отрасли в России, были в основном посвящены анализу вклада ведущих предпринимателей в развитие отрасли [4, 5]. Много полнее и объективнее анализировались сюжеты, связанные с взаимодействием государства и нефтяных монополий, влиянием так называемого энергетического перекося на экономическое развитие страны [6, с. 131]. Наибольший интерес для автора представляли работы Г. А. Поплетеевой, правомерно утверждавшей, что особая государственная поддержка отрасли была обусловлена прежде всего фискальными за-

дачами [7, с. 167–168]. Однако, несмотря на стремление ряда авторов осмыслить некоторые сюжеты, связанные с государственным регулированием развития нефтяной промышленности в дореволюционный период, проблема становления системы управления нефтяной отраслью промышленности нуждается в дальнейшем исследовании.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Объектом изучения стала государственная политика в нефтяной отрасли промышленности в последней трети XIX – начале XX вв. и органы власти, осуществлявшие исполнительно-распорядительную деятельность в этой сфере. Базовой стала теория модернизации, предполагающая рассмотрение проблемы формирования системы управления нефтяной отраслью в указанный период в контексте раннеиндустриальной стадии российской модернизации. В ряду ее основных особенностей исследователи справедливо отметили скачкообразный характер, стремление государства преодолеть технико-технологическое отставание с помощью мобилизации ограниченных ресурсов на приоритетных направлениях, что обуславливало централизацию и бюрократизацию управления социально-экономическими процессами. Ключевыми принципами в работе стали историзм, системность и объективность. Многомерность проанализированных процессов потребовала привлечения как общенаучных методов исследования, так и специальных исторических, включая историко-сравнительный, историко-ретроспективный, историко-генетический и др. Исследование проведено на основании анализа документальных материалов фонда Горного Департамента Российского государственного исторического архива (РГИА).

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

По мнению автора, датировать становление системы управления горнозаводской и нефтяной промышленностью Российской империи возможно 16 июля 1807 г., когда упраздненная Берг-коллегия была заменена Горным Департаментом, в годы своего существования регулярно менявшим свое назва-

ние. Так, с 1811 г. по 1863 г. он назывался Департаментом горных и соляных дел [8]. Менялась и его ведомственная принадлежность: до 1 января 1874 г. департамент состоял в ведении Министерства Финансов, с 1 января 1874 г. по 21 марта 1894 г. – Министерства Государственных Имуществ, с 21 марта 1894 г. по 7 мая 1905 г. – Министерства Земледелия и Государственных Имуществ. С 7 мая 1905 г. по 27 октября 1905 г. Горный Департамент вновь оказался в структуре Министерства Финансов, затем до 26 октября 1917 г. – Министерства Торговли и Промышленности. С 19 августа 1907 г. подведомственные ему учебные заведения контролировались Учебным отделом Министерства Торговли и Промышленности. С 27 марта 1917 г. Департамент ведал переданными из упраздняемого Кабинета Его Императорского Величества горными предприятиями и месторождениями, 26 октября 1917 г. вошел в состав Народного комиссариата торговли и промышленности. Положение о Горном отделе при Высшем совете народного хозяйства было утверждено 27 июля 1918 г.

Структура Департамента за время его существования также неоднократно менялась. В составе органа действовали Горный совет (1807–1917) и Горная экспедиция (1807–1811). С 1811 г. Департамент был реорганизован, а дела перераспределились между вновь созданными отделениями. В ряду функций Горного департамента значилось руководство государственными заводами и промыслами, контроль за частными предприятиями, выдача участков земли для вновь создаваемых, подготовка разрешительных документов о проведении геолого-разведки. Горный совет занимался научной деятельностью, разработкой законодательных материалов, играл совещательную роль при руководстве департамента. Исполнительные функции были возложены на Горную экспедицию, управлявший которой чиновник обладал большими полномочиями.

С 1834 г. горное ведомство приобрело военный характер. Начальник штаба Корпуса горных инженеров контролировал инспекторскую часть. Горный кадетский

корпус переименован в Институт горных инженеров. Штаб Корпуса горных инженеров ликвидировался 15 апреля 1863 г., затем Корпус в составе с Горным советом и Горным Ученым комитетом приобрел гражданское значение, а управление соляной частью после очередной реорганизации и переименования департамента в «Горный» передавалось в Департамент неокладных сборов.

До 1864 г. в управлении департамента находились нефтяные промыслы Закавказья, Северного Кавказа, западной части Кавказа и Крыма. В составе Горного департамента 13 февраля 1881 г. было образовано Отделение соляных промыслов (затем Отделение соляных и нефтяных промыслов, с 1903 г. – Отделение нефтяных промыслов и минеральных вод, с 1906 г. – Отделение нефтяных промыслов). В документах РГИА, изученных автором, это отделение Горного департамента обозначено как «Соляное отделение». В его ведении было много разнообразных вопросов, связанных с нефтяной отраслью. Например, в течение сравнительно короткого срока (апреля – мая 1889 г.) был рассмотрен вопрос о разрешении штабс-ротмистру П. Ф. Дурасову продать «английским капиталистам» нефтяные земли в имении Кудако в Кубанской области. Сравнительная скорость при принятии решения, вероятно, объяснима тем, что Дурасов обанкротился. Причем должен он был весьма значительную сумму Государственному банку. Синдикат «английских капиталистов» во главе с бароном Эллиотом был согласен выплатить сыну Дурасова 1 200 000 руб. за имение Кудако при том условии, если при бурении в течение 18 месяцев в 25 нефтеносных скважинах окажется «достаточное количество нефти» [9, л. 1–3]. Уплата долга была в интересах Государственного банка, поэтому Министр Финансов И. А. Вышнеградский просьбу поддержал. На продажу нефтеносных земель иностранцам требовалось также заключение Министерства Государственных имуществ, которое было положительным. Объяснялось это тем, что законодательных ограничений прав иностранцев на приобретение нефтяных земель в России не было [9, л. 5–5 об.].

Под «капиталистами», которым было продано месторождение, имелось в виду акционерное общество, созданное в Брюсселе в соответствии с международной декларацией, подписанной в 1865 г. между российским и бельгийским правительствами. Российское и Франко-бельгийское общество Кудаксовских петролиумов создано специально для приобретения и эксплуатации нефтеносных земель, принадлежавших камергеру А. Ф. Дурасову и расположенных в Мемрюкском уезде Кубанской области. В случае разрешения законной деятельности Общество обязывалось единовременно погашать все лежавшие на Кудаксовском имении казенные долги [10, л. 1–2]. Министром Государственных Имуществ 17 декабря 1887 г. было одобрено ходатайство о деятельности Общества при соблюдении следующих условий для иностранных обществ: подчинение действовавшим в России законам; внесение в Государственный банк наличных или правительственных процентных бумаг при предъявлении претензий со стороны казны или частных лиц; имущество, принадлежавшее Обществу, должно было удовлетворять претензии, возникшие в России. Предусматривалось также учреждение ответственного агентства по управлению делами на случай обращения правительства и частных лиц; воспрещение объединения с другими обществами, а также внесения каких-либо изменений в Устав без предварительного разрешения соответствующего ведомства [10, л. 54–57].

Соляное отделение Горного департамента рассматривало и споры о принадлежности нефтеносных участков. Одним из подобных случаев, представлявших исследовательский интерес в том числе и в связи с определением первооткрывательства нефти на Сахалине, явилось дело коллежского асессора Федора Линденбаума об отводе ему участка на острове Сахалин под разработку нефти. Рассматривалось это дело весной 1889 г. Проситель ссылался на первооткрывательство нефти на Сахалине, в северо-восточной части, около д. Помор, в 1886 г. Однако участок этот был захвачен некими лицами, пользовавшимися

«трудами» автора прошения – Ф. Линденбаума. В дело вмешался и Приамурский генерал-губернатор А. Н. Корф, который утверждал, что нефтеносные земли были открыты еще в 1884 г. николаевским первой гильдии купцом Ивановым, который их позже переуступил лейтенанту Зотову. Так как это были весьма небольшие площади, исключалась возможность, по мнению губернатора, передачи их еще и Линденбауму [11, л. 1, 4, 19, 14]. Свое послание в Министерство А. Н. Корф заключал следующим образом: «Я, со своей стороны, признавал бы необходимым все последующие отводы для разработки нефти на острове Сахалин производить на точном основании закона» [11, л. 15]. Для разрешения спора на остров был направлен горный инженер Бацевич, который уточнил, что об открытии нефти Ивановым было заявлено еще в 1880 г., но в 1888 г. эти земли были переданы Зотову не в соответствии с Правилами 1872 г. Однако и заявка Ф. Линденбаума этим Правилам не соответствовала, поэтому прошение было отклонено.

Исследование документов свидетельствовало о том, что подобных спорных дел в тот период существовало много. Часто притязания касались нефтеносных земель, принадлежавших в реальности казне. Так, специальный уполномоченный Горного департамента И. Тихьев отправился в командировку в Баку, чтобы разобраться дело жалобщиков – жителей Баку, которые были возмущены запретом добывать нефть на землях дачи Романы. Между тем еще в 1876 г. суд подтвердил, что эти участки были казенными. Затем они оказались, согласно заключению Тихьева, захваченными частными лицами, продавшими эти земли просителям по купчим крепостям [12, л. 1–1 об.].

Анализ документов подтвердил вывод о том, что Соляным Отделением отклонялись прошения, если возникало подозрение о возможности использования иностранными компаниями подставных лиц. Так, в 1889–1890 гг. не был утвержден Устав «Русского Общества прикаспийских нефтяных копий» (по ходатайству Юферова), потому что акции на предьявителя не должны быть переданы ино-

странным подданным, которые могли являться хозяевами всего дела [13, л. 1–4]. Напомним, что иностранцам воспрещалось владеть нефтеносными землями на Кавказе. В течение 1887–1916 гг. Соляное Отделение рассматривало дело о строительстве Каспийско-Черноморского нефтепровода [14]. Горный департамент давал также разрешение на отвод земельных участков в Бакинской губернии для разработки кира [15, л. 1–5].

Согласно высочайшему Указу, 21 декабря 1873 г. Горный совет, Горный институт, Горный Ученый комитет и региональные подведомственные им органы управления горнозаводской и нефтяной промышленностью были переданы Министерству Государственных Имуществ, (образованому в 1837 г. из 5-го отделения канцелярии Его Императорского Величества (реформа графа П. Д. Киселева) название всех государственных органов Российской Империи приведены в соответствии со Сводом Законов Российской Империи. – *прим. авт.*). В перечне его функций в этой сфере определялось геологическое изучение природных ресурсов и хозяйственное их использование. Регулировал деятельность указанных органов Свод законов Российской Империи [16]. При Министре состояли «особые чины», которым надлежало осуществлять «местные осмотры» и выполнять иные поручения по горной части.

Горный Ученый Комитет занимался не только организацией изучения природных ресурсов страны, но и разрабатывал заключения, согласно полученным сведениям. Также он поддерживал и координировал работу ученых обществ, обеспечивал внедрение зарубежных научно-технических достижений в производство. В его ведении оказалась и разработка программ для подведомственных учебных заведений. Ученый Комитет осуществлял и экспертную деятельность, принимал решения о выдаче привилегий.

Результаты наиболее значимых заключений, подготовленных Горным Ученым Комитетом, рассматривались, контролировались Горным Советом. В случае возникновения разногласий к документам прилагались выводы всех членов Комитета. Менее важные

заключения направлялись напрямую Министру. Ученый Комитет осуществлял и экспертную деятельность, принимал решения о выдаче привилегий. Так, Департамент Торговли и Мануфактур передал для проведения Горным Ученым Комитетом экспертизы с целью выдачи привилегии на новую систему отопления заводских печей нефтяным газом Товариществу Московского металлического завода. О результатах экспертизы 11 января 1895 г. сообщил профессор Н. А. Иосса, подчеркнув, что сама идея пользования продуктами горения для газификации топлива «ничего нового в себе не заключает», поэтому Горный Ученый Комитет постановил, что просьба Товарищества о выдаче привилегии может быть удовлетворена «лишь отчасти», а именно: выдачей просителям привилегии только на нефтяную сварочную печь [17, л. 2–3]. Рассматривались Горным Ученым Комитетом и такие вопросы, как обустройство мастерских в Уральском горном училище; выдача привилегий горным инженерам братьям Горяновым на особый способ получения стали и железа; о назначении пособия на издание Русского альманаха по отечественным минеральным водам; об организации разведочных работ в Олонецком крае; о горнопромышленных и почвенных изысканиях в Тульском, Богородицком и Крапивинском уездах; о напечатании составленного Соловьевым курса Элементарной геологии и т. п. [17, л. 4–23]. Таким образом, в ведении Горного Ученого Комитета был весьма широкий круг проблем.

В Горном департаменте производилось и исполнение по делам Горного Совета. Например, этот орган совместно с Горной Частью Кавказского края не раз обсуждал проблему предупреждения пожаров на нефтепромыслах, регулярно звучавшую на съездах нефтепромышленников [18, л. 50–59], на заседании Горного Ученого Комитета [18, л. 59], а также разрабатывал правила пожарной безопасности [18, л. 12–12 об.]. В числе вопросов, относившихся к ведению Горного департамента, его Соляного отделения, были и такие, как отведение участков для размещения резервуаров для нефти и строительстве казарм

для рабочих, снятие или начисление недоимок за аренду [18, л. 13–13 об.]. Не раз возбуждалась Управляющим Горной Частью Кавказского края проблема о передаче нефтеперегонных заводов Горному ведомству, однако Министерство Финансов не признавало удобным такого рода подчинение, так как остальная фабричная и заводская промышленность находилась под общим надзором местного губернского начальства, при котором состоял губернский механик. Между тем, с точки зрения Управляющего Горной Частью Кавказского края, нефтеперегонные заводы нуждались в специальном техническом надзоре Горного ведомства. Но Горный департамент принял решение в пользу Министерства Финансов, так как заводы состояли в фискальном отношении под надзором этого министерства [18, л. 64–66].

В Горный департамент поступали отчеты горных инженеров о разработках нефтеносных территорий [18, л. 67]. Этот же Департамент направлял в зарубежные командировки специалистов. Так, 15 октября 1886 г. горный инженер Иванов для изучения современной нефтепромышленности был направлен в Западную Европу [19, л. 22]. В числе острых и широко обсуждаемых проблем, как свидетельствуют архивные документы, было строительство Каспийско-Черноморского нефтепровода [18, л. 1–12; 19, л. 4–20]. Нередко для решения вопросов создавались особые совещания, временные комитеты из представителей Горного департамента и других ведомств. Например, 15 октября 1886 г. совместно с Министерством путей сообщений был создан Временный Комитет, заменивший Комиссию от выборных нефтепромышленников для выработки правил распределения вагонов-цистерн, подаваемых Закавказской железной дорогой под перевозку нефтяных грузов [20, л. 1].

В состав Горного департамента входил и Технический отдел, который ведал такими делами, как приобретение горнопромышленниками взрывчатых веществ из-за границы [21, л. 10], потому что цена на русский динамит в 1905 г. стала превосходить цену на иностранный. Из-за казенных сборов и при-

глашения иностранных специалистов такое производство становилось убыточным. Этим вопросом занимался также Горный Ученый Комитет, так как его решение требовало специальной экспертизы [22, л. 2].

Созданный в 1882 г. Геологической Комитет должен был организовывать и осуществлять координацию систематических исследований геологического строения страны, научные разработки в этой сфере, составление геологической карты России, создание геологических коллекций. В состав Геологического Комитета включены директор, старшие и младшие геологи, геологи-сотрудники и т. д. Авторами значимых исследований того времени стали Л. И. Лутугин, Ф. Н. Чернышев, И. В. Мушкетов, Г. Д. Романовский, И. Д. Черский, А. Л. Чекановский, В. А. Обручев. Геологическим комитетом принимались заявки с целью изучения участков и крупных частных и государственных компаний, и мелких предпринимателей [23]. Министр Государственных Имуществ имел право для выяснения нужд отрасли созывать съезды нефтепромышленников [24]. Съезды занимались решением важных для отрасли задач, контактируя с различного уровня государственными органами.

Территория страны делилась на 12 горных областей, в каждой выделялись несколько горных округов. Часть территории контролировало Министерство Императорского Двора по Кабинету Его Императорского Величества. Создавались региональные горные управления: Уральское, Кавказское. Горные округа были под контролем окружных инженеров, подчиненных Горному департаменту. Окружные инженеры должны были выдавать предпринимателям удостоверения на право ведения добычи. Нередко их действия приводили к конфликтам, которые разбирались в Горном департаменте. Так, окружной инженер Кавказского Горного округа 26 ноября 1888 г. Сорокин выдал бакинскому купцу Рыльскому удостоверение о сделанном им предполагаемом открытии нефтяного промысла на не принадлежавшем ему участке [25, л. 1–1 об.]. Инженер опечатал скважину, а местное Управление государствен-

ными имуществами, считая, что участок принадлежал казне, предъявило Рыльскому иск. Но Рыльский, в свою очередь, обвинил Сорокина в превышении власти и потребовал предания его суду [25, л. 16 об.]. Это ходатайство через Управление Горной Частью Кавказского края было направлено в Горный департамент, где было решено признать участок за казной ввиду того, что частные лица в 1877 г. и 1888 г. «не раз пытались подобные участки захватить», а «Сорокина ответственности не подвергать» [25, л. 18–19].

В состав Горного Совета Министерства Торговли и Промышленности входил сам глава ведомства, руководители Горного департамента, Геологического Комитета, Горного Института, инспекторы Горной Части, а также особые, назначаемые властью, чиновники. Советом разрабатывались проекты законов в горной сфере, рассматривались дела, передаваемые из Сената с целью составления заключений, вопросы, связанные с составлением договоров между казной и частными лицами и т. п. Совет имел «следственные и ссудные» полномочия. Собранные сведения в результате обследований, переговоров, согласований являлись причиной регулярных изменений, вносимых в законодательство, в Устав Горный и другие законодательные акты. Издавались специальные сборники документов [26, с. 40–48].

Изученные документы позволили определить роль Горного департамента в системе управления нефтяной отраслью России в исследуемый период как масштабную. В его составе числились известные и квалифицированные специалисты. С 1891–1896 гг. его возглавлял окончивший Горный институт и осуществлявший геологические изыскания в Вологодской, Архангельской, Оренбургской губерниях, опубликовавший научные труды о нефтяных промыслах К. А. Скальковский.

В 1900–1907 гг. Департаментом руководил также выпускник Горного института, а затем работавший в нем преподавателем Н. А. Иосса. Позднее он возглавил Горный Ученый Комитет.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В Российской империи существовала весьма стройная система органов власти, осуществлявших исполнительно-распорядительную деятельность в нефтяной отрасли промышленности, причем компетенции на всех уровнях четко разграничивались. Строго определенный перечень нормативных актов регулировал отношения в этой сфере. Документы свидетельствуют о широком круге вопросов, находившихся в ведении учреждений различного уровня. Специалистами осуществлялась экспертная деятельность, велись масштабные исследовательские работы, координировалась и организовывалась геологоразведка. Эксперты направлялись в командировки как в отдельные горные округа, так и за границу с целью изучения и внедрения передовых технологий, участия в промышленных выставках. Специальные чиновники контролировали процесс изысканий ресурсов и их освоения на местах. Всемерно поддерживалась и регулировалась деятельность подведомственных учебных заведений. Значимым фактором для регулярных изменений в нормативно-правовых актах стали постоянно осуществлявшиеся согласования и попытки разрешения проблем с промышленниками. Одновременно исследователи, занимавшиеся историей права, справедливо указали на факт отсутствия возможности назначения взысканий в судебном порядке за нарушения законодательства в нефтяной сфере, что обусловило имевшиеся злоупотребления полномочиями со стороны чиновников.

Список источников

1. Гефтер М. Я., Соловьева А. М., Шепелев Л. Е. О проникновении английского капитала в нефтяную промышленность России (1896–1902 гг.) // Исторический архив. 1960. № 6. С. 76–104.

References

1. Gefter M. Ya., Soloveva A. M., Shepelev L. E. O proniknovenii angliiskogo kapitala v neftianuyu promyshlennost Rossii (1896–1902). *Istoricheskii arkhiv*. 1960;(6):76–104. (In Russ.).

2. Шепелев Л. Е. Царизм и буржуазия во второй половине XIX в. Л. : Наука : Ленингр. отд-ние, 1981. 275 с.
3. Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. 2-е изд., испр. и доп. М. : Высш. школа, 1968. 368 с.
4. Карпов В. П., Гаврилова Н. Ю. Очерки истории отечественной нефтяной и газовой промышленности. Тюмень : Нефтегазовый ун-т, 2002. 171 с.
5. Фукс И. Г., Матвейчук А. А., Казарян С. А. Нефтяные родники России : ист. очерки / под ред. А. И. Владимировой. М. : Фонд развития отеч. Книгоиздания им. И. Д. Сытина, 2004. 384 с.
6. Дьяконова И. А. Нефть и уголь в энергетике царской России в международных сопоставлениях. М. : РОССПЭН, 1999. 293 с.
7. Поплетеева Г. А. Государственная политика регулирования нефтяной промышленности России в последней трети XIX – начале XX вв. : дис. ... канд. ист. наук. М., 2009. 184 с.
8. Высочайшим указом от 15 апр. 1863 г. Департамент горных и соляных дел реформирован в Горный департамент, под началом которого остались «собственно горная и монетная части». Через некоторое время «дела о весах и мерах» передали в Департамент торговли и мануфактур // ПСЗРИ I. П. Т. 38, № 39487.
9. РГИА. Ф. 37. Оп. 31. Д. 438.
10. РГИА. Ф. 37. Оп. 31. Д. 408.
11. РГИА. Ф. 37. Оп. 31. Д. 437.
12. РГИА. Ф. 37. Оп. 31. Д. 465.
13. РГИА. Ф. 37. Оп. 31. Д. 451.
14. РГИА. Ф. 37. Оп. 31. Д. 404.
15. РГИА. Ф. 37. Оп. 31. Д. 423.
16. Свод законов Российской Империи. Т. 1. СПб. : Тип. Второго Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1857.
17. РГИА. Ф. 37. Оп. 57. Д. 537.
18. РГИА. Ф. 37. Оп. 31. Д. 409.
19. РГИА. Ф. 37. Оп. 31. Д. 439.
20. РГИА. Ф. 37. Оп. 31. Д. 381.
21. РГИА. Ф. 37. Оп. 62. Д. 63.
22. РГИА. Ф. 37. Оп. 69. Д. 70.
23. История недропользования в России в XIX веке. URL: <http://n-gn.ru/articles/history/141-subsurface-use-in-xix-century.html> (дата обращения: 10.10.2024).
24. Вылегжанин А. Н., Андреева Е. Е., Аренс В. Ж. и др. Российское горное законодательство: документы и комментарии. М. : Недра, 1996. 416 с.
25. РГИА. Ф. 37. Оп. 37. Д. 463.
26. Андрюхина Э. П. Административно-правовое регулирование нефтегазового комплекса Российской Федерации : дис. ... канд. юр. наук. М., 2000. 197 с.
2. Shepelev L. E. Tsarizm i burzhuziia vo vtoroy polovine XIX v. Leningrad: Nauka; 1981. 275 p. (In Russ.).
3. Eroshkin N. P. Istoriya gosudarstvennykh uchrezhdeniy dorevolyutsionnoy Rossii. 2nd rev. ed. Moscow: Vyshaya Shkola; 1968. 368 p. (In Russ.).
4. Karpov V. P., Gavrilova N. Yu. Ocherki istorii otechestvennoi neftyanoi i gazovoy promyshlennosti. Tyumen: Neftgazovyi un-t; 2002. 171 p. (In Russ.).
5. Fuks I. G., Matveychuk A. A., Kazaryan S. A. Neftnyanye rodniki Rossii. Istoricheskie ocherki. Vladimirova A. I., ed. Moscow: Fond razvitiya otech. Knigoizdaniya im. I. D. Sytina; 2004. 384 p. (In Russ.).
6. Dyakonova I. A. Neft i ugol v energetike tsarskoi Rossii v mezhdunarodnykh sopostavleniyakh. Moscow: ROSSPEN; 1999. 293 p. (In Russ.).
7. Popleteeva G. A. Gosudarstvennaya politika regulirovaniya neftyanoi promyshlennosti Rossii v posledney treti XIX – nachale XX vv. Cand. Sci. (History) Thesis. Moscow; 2009. 184 p. (In Russ.).
8. Vysochayshim ukazom ot 15 apr. 1863 g. Departament gornyykh i solyanyykh del reformirovan v Gornyy departament, pod nachalom kotorogo ostalis "sobstvenno gornaya i monetnaya chasti". Cherez nekotorye vremya "dela o vesakh i merakh" peredali v Departament trgovli i manufaktur. Complete collection of laws of the Russian Empire. I. P. Vol. 38, no. 39487. (In Russ.).
9. Russian State Historical Archive (RGIA). F. 37. Op. 31. D. 438. (In Russ.).
10. Russian State Historical Archive (RGIA). F. 37. Op. 31. D. 408. (In Russ.).
11. Russian State Historical Archive (RGIA). F. 37. Op. 31. D. 437. (In Russ.).
12. Russian State Historical Archive (RGIA). F. 37. Op. 31. D. 465. (In Russ.).
13. Russian State Historical Archive (RGIA). F. 37. Op. 31. D. 451. (In Russ.).
14. Russian State Historical Archive (RGIA). F. 37. Op. 31. D. 404. (In Russ.).
15. Russian State Historical Archive (RGIA). F. 37. Op. 31. D. 423. (In Russ.).
16. Svod zakonov Rossiyskoy Imperii. Vol. 1. Saint Petersburg: Tip. Vtorogo Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii; 1857. (In Russ.).
17. Russian State Historical Archive (RGIA). F. 37. Op. 57. D. 537. (In Russ.).
18. Russian State Historical Archive (RGIA). F. 37. Op. 31. D. 409. (In Russ.).
19. Russian State Historical Archive (RGIA). F. 37. Op. 31. D. 439. (In Russ.).
20. Russian State Historical Archive (RGIA). F. 37. Op. 31. D. 381. (In Russ.).
21. Russian State Historical Archive (RGIA). F. 37. Op. 62. D. 63. (In Russ.).
22. Russian State Historical Archive (RGIA). F. 37. Op. 69. D. 70. (In Russ.).

23. Istoriya nedropolzovaniya v Rossii v XIX veke. URL: <http://n-gn.ru/articles/history/141-subsurface-use-in-xix-century.html> (accessed: 10.10.2024). (In Russ.).
24. Vylezhagin A. N., Andreeva E. E., Arens V. Zh. et al. Rossiyskoe gornoe zakonodatelstvo: dokumenty i komentarii. Moscow: Nedra; 1996. 416 p. (In Russ.).
25. Russian State Historical Archive (RGIA). F. 37. Op. 37. D. 463. (In Russ.).
26. Andryukhina E. P. Administrativno-pravovoe regulirovanie neftegazovogo kompleksa Rossiiskoi Federatsii. Cand. Sci. (Law) Thesis. Moscow; 2000. 197 p. (In Russ.).

Информация об авторе

В. Н. Красивская – кандидат исторических наук, доцент.

About the author

V. N. Krasivskaya – Candidate of Sciences (History), Docent.

Научная статья
УДК 94(574) + 338(091)(470)
<https://doi.org/10.35266/2949-3463-2024-4-4>

Мамбетали Сердалин о влиянии земельных реформ на традиционный уклад хозяйства населения северного Казахстана в конце XIX – начале XX веков

Саят Баймуратулы Ыбырай

Международный университет Астана, Астана, Республика Казахстан
sayat_ibrai@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению деятельности Мамбетали Сердалина, выдающегося представителя казахской интеллигенции конца XIX – начала XX веков, а именно протеста Сердалина против реформ, выражавшегося им в официальной переписке и оформленный в докладе «Об эксплуатации степей западной Сибири путем скотоводческой культуры». Автор статьи проанализировал социально-политический контекст, в котором происходили события, а также причины и последствия конфликта между традиционными степными обществами и новыми реформами. Через призму выступлений и публицистической деятельности Сердалина рассмотрена его роль в сохранении культурных и экономических основ кочевого общества, а также его влияние на общественное сознание и политические процессы того времени. Статья будет полезна историкам, социологам и всем, кто интересуется вопросами взаимодействия традиционных и современных систем, а также особенностями борьбы за сохранение культурной идентичности в условиях радикальных изменений.

Ключевые слова: Земельная реформа, Мамбетали Сердалин, колонизация, кыстак (зимовка), скотоводство

Финансирование: данное исследование выполнено в рамках проекта «Быт и культура населения Ишимско-Силетинского историко-географического региона: этноархеологическое исследование» (AP23490379).

Шифр специальности: 5.6.1. Отечественная история.

Для цитирования: Ыбырай С. Б. Мамбетали Сердалин о влиянии земельных реформ на традиционный уклад хозяйства населения северного Казахстана в конце XIX – начале XX века // Северный регион: наука, образование, культура. 2024. Т. 25, № 4. С. 37–48. <https://doi.org/10.35266/2949-3463-2024-4-4>.

Original article

Mambetali Serdalin on impact of land reforms on traditional economic structure of northern Kazakhstan population in the late 19th and early 20th century

Sayat B. Ybyray

Astana International University, Astana, Republic of Kazakhstan
sayat_ibrai@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the activities of Mambetali Serdalin, an outstanding representative of the Kazakh intelligentsia of the late 19th and early 20th centuries. Particular attention is paid to Serdalin's protest against the reforms, expressed by him in official correspondence and formalized in the report "On the exploitation of the steppes of Western Siberia through cattle-breeding culture". The author of the article analyzed the social and political context in which the events took place, as well as the causes and consequences of the conflict between traditional steppe societies and the new reforms. Serdalin's speeches and journalistic activities reveal his role in preserving the cultural and economic foundations of a nomadic society and his influence on public consciousness and the political processes of that time. The article will be useful to historians, sociologists and anyone interested in the interaction of traditional and modern systems, as well as the peculiarities of the struggle to preserve cultural identity in the face of radical change.

Keywords: land reform, Mambetali Serdalin, colonization, wintering, cattle-breeding

Funding: the study was carried out within the framework of the project AP23490379 “The life and culture of the Yessil-Sileti historical and geographical region’s population: ethnoarchaeological study”.

Code: 5.6.1. Russian History.

For citation: Ybyray S. B. Mambetali Serdalin on impact of land reforms on traditional economic structure of northern Kazakhstan population in the late 19th and early 20th century. *Severny region: nauka, obrazovanie, kultura*. 2024;25(4):37–48. <https://doi.org/10.35266/2949-3463-2024-4-4>.

ВВЕДЕНИЕ

К концу XIX века казахская территория была административно разделена на три генерал-губернаторства: Туркестанское, Оренбургское и Западно-Сибирское. В рамках этих реформ военная и гражданская власть были сосредоточены в руках генерал-губернатора, что стало одной из ключевых задач административных реформ. Генерал-губернатор обладал значительными полномочиями, контролируя как военные, так и гражданские аспекты управления. Это означало, что военный губернатор, возглавлявший область, также выполнял функции карательного атамана казахских войск, что способствовало усилению контроля над местным населением.

Российский император Александр III 25 марта 1891 г. утвердил «Положение об управлении Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской областями», также известное как «Степное положение». Этот нормативный акт стал важным шагом в юридической легитимации сложившейся практики детализированного административного и военного управления, способствуя дальнейшему усилению контроля Российской империи над степными регионами, разрушению традиционных экономических основ кочевого общества, многовековой системы политической организации и социальной структуры казахского населения. Об этом писали представители русского социал-демократического движения начала XX века. Так, П. П. Румянцев подчеркивал: «Как бы там ни было, но введение в действие “Устава о сибирских киргизах” знаменует собой крупный поворотный пункт в истории киргизского народа. Им начинается третий ее период, окончание которого следует приурочить к введению ныне действующего “Степного Положения” (1891 г.). Период этот характеризуется, как будет видно из дальней-

шего изложения, постепенным уничтожением в системе управления киргизами следов их сословного и родового строя и уравниванием всей массы киргизского народа, независимо от деления его на “черную” и “белую кость”, в правах и обязанностях со всем сельским населением Российской Империи» [1, с. 30]. Интенсивная колонизация земель и административные реформы направлялись на полное подчинение казахских территорий Российской империи, что означало значительное изменение в жизни местного населения и его интеграцию в политическую и социальную систему Российской империи.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Против процесса колонизации и административной реорганизации казахских земель восстала казахская интеллигенция. Осознавая, что борьба с империей вооруженными силами была обречена на неудачу, молодые казахи, получившие образование в крупных российских центрах, таких как Москва, Петербург и Казань, начали активно выражать протест и стремились к изменениям. Одним из представителей этой интеллигенции был Чубеков Мамбетали Сердалин из Кокшетау. Он, как и многие его соратники, стремился использовать свои знания и опыт для продвижения интересов казахского народа, несмотря на сложные условия. Эти молодые люди, получившие образование в российских университетах и академиях, стали лидерами движений за культурное возрождение и социальные изменения в казахском обществе, сыграв ключевую роль в сопротивлении имперской политике и административным реформам.

Мамбетали Сердалин родился в 1865 г. в Кокшетауском уезде, который охватывал территории современных Акмолинской и Северо-Казахстанской областей. Он происходил из Шалкарской волости, ныне расположен-

ной в Айыртауском районе Северо-Казахстанской области. Малый Косколь село, в котором родился Сердалин, находится в районе озера с тем же названием вблизи современного с. Антоновка [2].

Мамбетали Сердалин, в официальных документах подписывавшийся как *Чубеков*, представляет интерес из-за особенностей фамильной идентификации и исторического контекста. Несмотря на то что он использовал фамилию *Чубеков* в официальных документах, его больше знают под фамилией *Сердалин*, что связано с именем его отца – *Сердалы*. Особое внимание стоит уделить прадеду Мамбетали – Чубеку, который имел влияние в обществе своего времени и сыграл значимую роль в истории как один из восьми представителей Сибирских казахов, участвовавших в коронации Александра II. Таким образом, использование фамилии *Чубеков* Мамбетали Сердалиным в официальных документах может быть обусловлено различными историческими и социальными факторами, однако фамилия *Сердалин* остается более узнаваемой и связанной с его семейной традицией.

Мамбетали Сердалин получил образование в Омске и Санкт-Петербурге, где развивал свой интеллект и политические взгляды. Будучи одним из ведущих казахских интеллигентов своего времени, он принимал активное участие в общественно-политической жизни. Однако его демократические взгляды и участие в политических движениях, направленных против царизма, привели к конфликту с властями.

В результате обвинений в заговоре против царя и связях с политически ненадежными личностями Мамбетали Сердалин был исключен из учебных заведений и выслан в свой родной край. Эти меры репрессий были характерны для времени, когда любые проявления оппозиции к власти строго пресекались. Несмотря на эти трудности, Сердалин продолжал оставаться ярым сторонником изменений и борцом за права казахского народа.

После возвращения в Казахстан Мамбетали Сердалин начал активную борьбу против российской власти, пропагандируя демократиче-

ские взгляды и идеи среди казахского населения. Его деятельность была направлена на просвещение народа и привлечение внимания к социальным и политическим проблемам, с которыми сталкивались казахи под российским владычеством.

С 1889 по 1904 г. Сердалин находился под тайным надзором полиции, что свидетельствует о значительном политическом давлении со стороны властей в его сторону [3]. Этот надзор был частью более широкой репрессивной политики царской администрации, направленной на пресечение любых проявлений политического сопротивления и деятельности, угрожавшей стабильности режима. Несмотря на эти трудности и постоянный контроль со стороны властей, Мамбетали Сердалин продолжал свою деятельность и оставался заметной фигурой в борьбе за права и интересы казахского народа.

Помимо деятельности в области идеологической агитации и скотоводства в родном селе, Мамбетали Сердалин внес значительный вклад в изучение земельных вопросов. Он написал несколько книг на русском языке, которые были изданы в Омске. К числу его работ относятся: «Аренда казахской земли» (1900), «Эксплуатация карсакапайских копей» (1901), «Об эксплуатации степей западной Сибири путем скотоводческой культуры» (1904).

Последняя работа была опубликована в Санкт-Петербурге в 25-м томе сборника «Труды общества для содействия русской промышленности и торговли». Эти материалы стали важными для понимания земельных вопросов и скотоводческих практик в условиях колонизации.

К сожалению, первые две работы Мамбетали Сердалина до сих пор не были найдены. Однако его последняя работа сохранилась, и в 2023 г. в российских архивах были обнаружены обращения Сердалина в министерства по земельным вопросам. Эти документы являются ценным историческим источником, который помогает пролить свет на его взгляды и усилия в области земельной политики и агрономии в контексте колонизации и административных реформ.

Из недавних архивных находок в Санкт-Петербурге следует, что в переписке М. Сердалина с государственными органами отражены его многочисленные аргументы против изъятия земель и выражение возмущения по этому поводу. В частности, Сердалин в августе 1896 г. направил прошение Министру Земледелия и Государственных Имуществ, в котором отмечает следующее: «18/19 июля Временной комиссией отмежевано русским переселенцам урочище Большой и Малый Кошкул. Владения киргиз 4, 5 аулов Мизгильской волости Кокчетавского уезда. Этим урочищем Киргизы владели с незапамятных времен; на нем было расположено 148 кыстатов зимовых стойбищ. Оно представляет единственное угодье для 5 тысяч скота в течение 9 месяцев. Часть киргиз этих владений оттеснена комиссией к лесам, другая владениям Аиртауских казаков. В места, совершенно безводные. Земля и вода нашего урочища удобны лишь для киргиза, но не удобны для русских переселенцев, так как земля сплошной солончак, а вода горько-соленая и употреблять ее без вреда могут только степными лошадьми, приспособленными к ней. Киргизы считают себя русскими подданными, почему же не местная администрация, ни господин Степной Генерал Губернатор, к которому киргизы уже обращались, не желают вникнуть и в интересы киргиз, а соблюдают интересы только русских? Почему киргизов можно оставить без земли и воды, а русским отдать и то, и другое?» [4, с. 2]

В историческом контексте казахи использовали кыстак (зимовки) как важные объекты для обеспечения жизнедеятельности своего скота в зимний период, когда пастбища в степи становились менее доступными из-за снега и холода. Каждый кыстак включал в себя несколько элементов: место для проживания, запасы корма для скота, а также источники воды, если таковые имелись. Эти стойбища располагались в местах, обеспечивавших максимальное удобство для скота и адаптированных к суровым зимним условиям.

Кыстаки находились на определенном расстоянии друг от друга, что позволяло распределять скот по нескольким территориям и из-

бегать чрезмерного использования пастбищ. Это способствовало более устойчивому землевладению и эффективному использованию пастбищных ресурсов. Как отмечает А. Ш. Кадырбаев, «все земли выпасов для скота подразделялись на следующие типы сезонных пастбищ: зимние (кыстау), весенние (коктеу), летние (джайлау) и осенние (кузеу). Места для зимовок, как правило, выбирались возле рек, что объяснялось наличием густых зарослей камыша и кустарника, являвшихся во время суровой зимы кормом для скота и защищавших его от снежных метелей, к тому же поставлявших кочевникам топливо. В зимнюю пору казахские кочевники стремились располагаться просторнее, чтобы возле каждой зимовки было достаточно кормового места для выпаса скота» [5, с. 69].

Таким образом, кыстак не только обеспечивал выживание скота, но и играл ключевую роль в организации кочевого образа жизни, способствуя рациональному использованию природных ресурсов и адаптации к климатическим условиям.

В контексте переписки М. Сердалина кыстак играл ключевую роль для обеспечения жизнедеятельности казахского скота. Он указывал, что на территории урочища Большой и Малый Кошкул находилось 148 кыстатов, которые представляли собой единственное угодье для 5 000 голов скота в течение 9 месяцев. Эти земли были жизненно важны для казахов, и их потеря серьезно нарушила бы традиционные практики и условия их жизни.

Таким образом, кыстак не только являлся физическим пространством для зимовки скота, но и имеет важное культурное и экономическое значение для казахов, обеспечивая их традиционные потребности в условиях зимнего периода.

В 60–70-е гг. XIX века в Санкт-Петербурге активно решались политические, экономические и культурные проблемы, что связано с ростом влияния российской буржуазии, стремившейся к организационному согласию и поиску новых путей для защиты своих классовых интересов [6, с. 25].

Для реализации этих целей в России начали создаваться представительные, общественные

и научные организации. Одной из таких организаций стало «Общество содействия российской промышленности и торговле», созданное в 1867 г. в Санкт-Петербурге при непосредственной поддержке министра финансов М. Рейтерна.

Общество включало в себя производителей, крупных купцов, представителей знати, чиновников и известных русских ученых. Оно занималось продвижением и развитием российской промышленности и торговли. В рамках своей деятельности Общество выпустило «Торговый сборник», который позднее стал известен как «Труды общества содействия русской промышленности и торговле». С 1872 по 1913 гг. было опубликовано 30 выпусков этого сборника. В одном из выпусков опубликован доклад М. Сердалина, что подтверждает значимость его исследований и их признание в научных и деловых кругах того времени.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Весной 1900 г. М. Сердалин прибыл в Санкт-Петербург, чтобы бороться за права казахского народа и решить земельные вопросы. Он посетил множество министерств и государственных учреждений в поисках поддержки и решения проблемы. В конечном итоге «Общество содействия российской промышленности и торговле» согласилось выслушать мнение этого образованного молодого казахского интеллигента. Заседание общества было назначено на 8 марта 1900 г. Мамбетали Сердалин представил свой доклад под названием «Об эксплуатации степей западной Сибири путем скотоводческой культуры».

В докладе М. Сердалин акцентировал внимание на проблемах, связанных с имперской политикой и земельной эксплуатацией. Основным вопросом было прекращение притока крестьянства из России на казахские земли и влияние этой политики на колонизацию. Доклад был направлен на осознание последствий и обсуждение способов улучшения управления и использования степных ресурсов Западной Сибири в условиях колонизации.

Мамбетали Сердалин начал речь с важной проблемы эксплуатации степей Западной Си-

бири и их влияния на местное население: «Прежде чем начать свой доклад, я осмеливаюсь просить у вас некоторого снисхождения за мою, быть может, не совсем внятную речь. Я степняк-киргиз и мне впервые приходится говорить перед таким блестящим обществом. Как человек, родившийся среди степей я горячо люблю свои степи, мне дороги интересы края и сердце мое обливается кровью каждый раз, когда я встречаюсь с теми или с другими действиями, грозящими бедой для этих дорогих мне степей. К великой горести моей и у себя дома, и объезжая другие местности обширных степей Западной Сибири, мне сплошь и рядом приходилось видеть, как люди, которым надлежало бы по их положению, или исследователей или лиц, приводивших в исполнение благие намерения правительства, частью не понимая языка, а частью не зная природы степей, из этих благих предначертаний делают то, что не сегодня, завтра степи превратятся в пустыню» [7]. Он отметил, что в XVIII–XIX вв. во всем мире происходила значительная сельскохозяйственная трансформация, сопровождаемая множеством исторических событий. Для иллюстрации своей точки зрения Сердалин привел пример из истории Северной Америки. Он указал, что европейские поселенцы, отправлявшиеся в Новый Свет, мечтали о земле и свободе, но реальность за океаном часто не соответствовала романтическим представлениям, описанным в литературе того времени. Однако эти земли предоставлялись не бедным крестьянам, а высокопоставленным английским аристократам. Миллионы акров были переданы таким семьям, как Балтиморы, Пенны, Калверты, Фэрфаксы и Гренвиллы, а также другим влиятельным лицам. В этих колониях работали арендаторы и слуги, а в южных колониях расширялось рабство.

Сердалин использовал этот исторический контекст, чтобы показать, что принципы колонизации и эксплуатации земель, применявшиеся в Западной Сибири, не уникальны, а представляли собой часть более широких глобальных тенденций и явлений. Тем не менее, несмотря на усилия английской короны

и лордов-владельцев, не удалось полностью контролировать развитие свободного земледелия. Уже на ранних этапах колонизации Северной Америки начали появляться скваттеры [8, с. 221] – землевладельцы, которые занимали и обрабатывали землю без официального права собственности. Эти скваттеры, зачастую бедные фермеры и переселенцы, занимали необработанные земли, строили на них свои хозяйства и таким образом фактически способствовали не только увеличению площадей, используемых для земледелия, но и стимулировала правительство к пересмотру земельной политики и признанию фактического использования земли в условиях растущего спроса на земельные ресурсы и расширения поселенческого фронта.

В процессе колонизации Южной Африки и Намибии возникла субэтническая группа, известная как африканеры или буры. Это белые африканские фермеры, иммигрировавшие из Голландии, которые осели на африканских землях и создали свои общины. Они стали важной частью колониального общества, где крестьяне-буры занимались земледелием и активно участвовали в процессах колонизации, часто за счет порабощения местного населения.

Мамбетали Сердалин рассматривал Казахстан в числе таких стран, демонстрируя, что аналогичные тенденции, происходившие в Казахстане в то время, можно рассматривать в контексте глобальной колониальной политики. Он подчеркнул, что имперская политика в Казахстане – не уникальное явление, а часть более масштабных мировых процессов.

Сердалин утверждал: «Я назвал свой доклад “Об эксплуатации степей Западной Сибири путем скотоводческой культуры”. От времени глубокой древности до настоящего, да, вероятно, и до отдаленного будущего в степях возможна и будет возможна только скотоводческая культура. Насильственное насаждение всякой другой земледельческой или промышленной культуры может послужить к превращению степей в пустыню; и мне кажется и в видах общего благосостояния всей обширной России едва-ли необходимо создавать еще одну местность, произво-

дящую те же зерновые хлеба, которые производит вся Россия. Во всем мире одни и те же условия создают одинаковую культуру: степи Австралии создали скотоводческое хозяйство скваттеров, южной Африки хозяйство буров и наконец южной Америки – своеобразную скотоводческую культуру Уругвая и Аргентины, создавая известный всему миру тип скотоводца – гаучо. Наши русские степи, начиная с берегов Дона до пределов Китайской Империи, отличаются едва ли не суровым характером, чем степи южной Австралии; они чудно хороши весною, когда земля еще не успела отдать свою влагу, которую ее напоили первые лучи весеннего солнца. Тогда вместе с Гоголем хочется сказать: “степи, степи, черт вас возьми, как вы хороши”. Но приезжайте в ту же степь в конце июля или августа, и Вас ужаснет страшный вид сожженного солнцем пространства: все живое бежит из степи. На огромном пространстве под вашей ногой скрипит короткая спаленная солнцем трава. Вы едете целыми днями и истомленный жаждой тщетно ищите глазами хотя бы куст зелени, или какой-либо другой отдаленный признак воды» [7]. Мамбетали Сердалин уместно привел в пример африканеров (буров) и скваттеров в Северной Америке, поскольку эти примеры иллюстрируют общие тенденции, связанные с колонизацией и захватом земель.

В своей работе Мамбетали Сердалин подчеркнул, что аналогичные процессы происходили и в Казахстане. Русские крестьяне, как и упомянутые субэтнические группы, также играли роль в колонизации и захвате земель, что привело к изменению местного социального и экономического ландшафта. Сердалин указывал на сходство между империалистическими процессами в различных частях мира и в Казахстане, показав, что использование и эксплуатация земель не являлись уникальным для одной конкретной области, представляя собой часть глобального явления. Таким образом, сравнение с африканерами и скваттерами помогло деятелю аргументировать, что империалистические процессы, включая захват и перераспределение земель, а также изменение социальных струк-

тур, происходило в различных частях мира и имело схожие последствия. Это актуализировало необходимость осознания и критической оценки таких процессов в отношении Казахстана и в более масштабном контексте.

В труде П. Румянцева отмечено, что колонизация казахских степей русскими поселенцами и быстрое развитие торговых связей, сопровождавшееся строительством железных дорог, произвели значительные изменения в хозяйственной жизни казахов: «Колонизация степи русскими поселенцами и быстрое развитие торговых с ней сношений, пошедшие гигантскими шагами с проложением в ней железнодорожных путей, произвели переворот в хозяйственной жизни киргиз» [1, с. 36]. Интенсивное переселение русских и создание инфраструктуры, включая железные дороги, оказали глубокое влияние на традиционное хозяйство казахов, внося значительные преобразования.

Мамбетали Сердалин в своем анализе выделил, что колонизация казахских степей и строительство Сибирской железной дороги, которая якобы произвела революцию в хозяйственной жизни казахов, столкнулась с серьезными проблемами. Он пишет: «Последнее время, а в особенности с проведением Сибирской железной дороги, нашей тяжелой жизни позавидовали русские крестьяне-земледельцы. И вот, на очередь встал вопрос “об отводе земли для переселенцев”. Но где взять эту землю, землю годную для земледельческой культуры? Если бы и была таковая в нашей степи, она давным-давно отведена в пользование казаков и переселенцев первой половины XIX столетия, или распахана киргизами. На основании примечания к 120 статье степного положения, только земли, могущие оказаться излишними для кочевников, поступают в ведение Министерства Государственных Имуществ; но есть ли такая, вот вопрос?! С первого взгляда, казалось бы, как не быть таким землям на таком огромном пространстве, как площадь трех областей: Акмолинской, Тургайской и частью Семипалатинской, и отчего бы не переселить туда русского земледельца-крестьянина, нуждающегося в земле. Тем более, что пример

прилежно обрабатывающего свою землю крестьянина должен был бы заставить киргиза-скотовода перейти к той же земледельческой культуре. Далеко не так на деле! Что нужно для того, чтобы земледелец мог с успехом разводить культурные растения? – хорошая почва и достаточное количество пресной воды, а этого-то в наших степях и нет» [7].

Деятель Сердалин таким образом опроверг представления о простоте колонизации и успешности сельского хозяйства в казахских степях. Он указал на отсутствие пригодных для земледелия территорий и дефицит водных ресурсов, что делает внедрение земледелия в этих условиях затруднительным.

Мамбетали Сердалин обратил внимание на сложность проблемы водоснабжения и сельского хозяйства в казахских степях следующим образом: «В многих местах степи вы находите следы бывших когда-то гидротехнических сооружений, и меня много раз поражало, почему это там, где я видел следы бывших арыков, в настоящую минуту нет и капли воды. Только познакомившись с докладом географа Венюкова в трудах 8 съезда естествоиспытателей и врачей, я понял, что тут действуют еще неразгаданные причины, вызывающие общее высыхание озер Средней Азии. Недостаток воды чрезвычайно большое место у всякого степняка. Мы чрезвычайно заботливо оберегаем каждый водоем, как бы он мал ни был, распределяя очередь для пользования такими водоемами по времени года. Мы всегда сознавали чрезвычайную пользу лесов, кое-где произрастающих на наших обширных степях. Там, где есть лес и трава лучше, и вода ближе. Не небрежность, а вековой опыт заставляет нас заниматься исключительно скотоводством, где возможно, там и занимается земледелием, например, в некоторых оазисах Атбасарского, Кокчетавского уездов. Что площадь, занятая киргизами, обширна – это факт, но к сожалению, более половины ее не пригодна не только для земледельца, но и для скотовода; знаменитая Бетпак-Дала (голодная степь)» [7]. Эти слова Сердалина проиллюстрировали сложные условия для земледелия в казахских степях, которые связаны с недостатком воды и исто-

рическим опытом населения, ставившего акцент на скотоводстве.

Обсуждая проблемы водоснабжения и сельского хозяйства в казахских степях, М. Сердалин ссылался на работу Михаила Ивановича Венюкова, которая была представлена А. И. Воейковым на заседании VIII объединенного съезда русских естествоиспытателей и врачей в Санкт-Петербурге 29 декабря 1889 г. Венюков в своей статье «О высыхании озер в Азии» объяснил причины, по которым озера и реки Средней Азии ежегодно теряли воду: «Воздух над степями Средней Азии так сух, что с жадностью поглощает воду не только из степных водоемов, незащищенных от ветров ни крутыми высокими берегами, ни хоть прибрежными лесами: он производит ежегодную убыль воды даже в таком обширном нагорном бассейне, как Иссык-Куль, питаемый из вечных снегов Тянь-Шаня и Кунгей-Алатау» [9, с. 143]. Автор акцентировал внимание на том, что критическое состояние водных ресурсов в регионе являлось важным аспектом проблемы сельского хозяйства в степях.

Мамбетали Сердалин подчеркнул, что проблемы с водоснабжением оставались неразрешимыми, несмотря на усилия по их решению, что свидетельствует о сложности задач, связанных с земельным хозяйством. Это затруднительное положение относится и к русским крестьянам, переселившимся на казахские земли, а также в Западно-Сибирский регион.

Исследователь Н. Н. Сорока отметил: «В этой связи особый интерес представляет изучение переселенческой политики российского правительства в отношении земель казахского населения Степного края, степень влияния мигрантов на кочевое казахское общество. Несмотря на появившиеся в последнее время серьезные изыскания по проблеме крестьянских миграций в степные области, различные ее аспекты изучены неодинаково, а многие вопросы экономического строя кочевого казахского общества и его эволюции еще остаются до конца не разрешенными. К их числу можно отнести недостаточную исследованность специфических форм казахского скотоводческого хозяйства, влияние

крестьянских переселений на их становление, возникновение института частной собственности на землю, динамику поземельных отношений, дискуссии и борьбу мнений внутри самой русской администрации по поводу сохранения кочевого способа хозяйствования коренного населения» [10, с. 3].

Таким образом, исследование этих вопросов необходимо для более глубокого понимания процессов, происходивших в результате переселенческой политики и ее воздействия на традиционное общество.

Состояние переселенцев М. Сердалин охарактеризовал как сложное и многогранное. С одной стороны, они сталкивались с задачей освоения и обустройства новых земель, что требовало значительных усилий и ресурсов, с другой стороны, возникали и дополнительные трудности, связанные с климатическими особенностями региона и недостатком водных ресурсов, что серьезно влияло на эффективность сельскохозяйственной деятельности и уровень жизни переселенцев. Несмотря на усилия, направленные на улучшение условий для переселенцев, проблема обеспечения водой оставалась существенной и трудной в решении.

Мамбетали Сердалин указал на необходимость комплексного подхода к проблемам земельного хозяйства, включающего не только разработку технических решений, но и учет экологических и социальных факторов: «Начиная с 1889 г., в нашу степь стали переселяться русские крестьяне-земледельцы. Не зная условия степной природы, они, вероятно, предполагали, что здесь для них будет рай, но горько в этом ошиблись. Их хозяйства едва влачат свое существование, и то благодаря постоянной поддержке правительства, то на обсеменение, то на продовольствие. Многие из них уже бежали с занятой было земли, бросив дома и хозяйства. И теперь на месте бывших поселений существуют развалившиеся избенки, да поросшая бурьяном земля. Из таких деревень мы назовем: Туполевку, Ивановку, Заборовку, Балакуль, Кумдыкуль, Старую Чеглинку, Малый Бабык, Улугау, Актау и мн. др. Равным образом, в тех деревнях, где крестьяне еще не бежали,

они давно бросили бы заведенное хозяйство, лишь бы им разрешили оттуда уйти. Обнищавшие, полуголодные они вполне разочаровались в своих иллюзиях, и безусловно не могут служить примером для подражания» [7].

Деятель Сердалин критически оценивал деятельность экспедиции Ф. А. Щербины, которую в период с 1896 по 1901 гг. провел обследование 12 уездов Степного генерал-губернаторства, а именно: Омского, Петропавловского, Акмолинского, Кокшетауского, Атбасарского, Семипалатинского, Павлодарского, Каркаралинского, Усть-Каменогорского, Зайсанского, Костанайского и Актюбинского. Экспедиция осуществила хозяйственную перепись в этих регионах и исследовала состояние пастбищных угодий в селах. Одной из ключевых задач было ведение бюджетного учета потребления продуктов питания каждой средней казахской семьи. В рамках работы экспедиции также изучались местные ресурсы, включая рельеф, почву, растительность и источники воды. Как отмечает Ф. Щербина, «в 1895 году Министерство Земледелия и Государственных Имуществ, озабоченное лучшей постановкой дела образования переселенческих участков в степных областях Сибири, нашло необходимым организовать естественно-историческое и хозяйственно-статистическое исследование этих областей. Основной задачей исследования должно было стать определение, с одной стороны, количества земли, необходимого при существующих естественных и хозяйственных условиях для удовлетворения потребностей киргизского населения, а с другой – тех излишков земли, которые могли при этом образоваться для нужд переселения» [11, с. 5].

Однако результаты, представленные экспедицией, не полностью отражали сложность и серьезность проблем, с которыми сталкивались переселенцы. Сердалин акцентировал внимание на том, что исследование не сумело учесть или адекватно отразить реальные трудности и ограничения, связанные с освоением и эксплуатацией новых земель. «Еще с большей осторожностью надлежало бы лицам, принимавшим участие в экспедиции, собирать необходимые сведения, груп-

пировать их и делать на основании этих данных те или другие выводы. Но как это делает г. Щербина? Красною нитью по всему его труду проходит чрезвычайная односторонность, чтобы не сказать более по отношению к киргизам. Киргиз и грязен и ленив, его зимовки (дома) представляются, по словам г. Щербины, верхом гадости и грязи. И даже по отношению к воде киргиз, по словам гидротехника экспедиции Батюшкова, ведет себя каким-то невозможным образом. То он чрезвычайно бережлив, необыкновенно дорожит водовместилищами стр. 46, то наоборот, уже по словам самого г. Щербины – стр. 53 материалов экспедиции, киргиз содействует обезводнению степи. Конечно, для г. Щербины и членов экспедиции, приехавших из Петербурга, остаться без привычной газеты, французской булки к чаю и послеобеденной сигары, показалось чем-то невозможным... Но ведь это степь, где расстояние между колодезем с годной для питья водой считается десятками, а то и сотнями верст. К великому сожалению, мы не всегда имеем возможность добыть воды для умывания, где же тут говорить об идеальной чистоте! Г. Щербина забывает, что русское земледельческое население в центре России, при обилии воды не может похвалиться чистотой в своих избах. Мне самому приходилось слышать много раз от крестьян, которые переселяются к нам, что они удивлены не грязью, а чистотою наших жилищ» [7].

По утверждению М. Сердалина, экспедиция Ф. А. Щербины представляла собой безответственное исследование, полное ошибок. В докладе деятель выявил ошибочные мотивы работы ученого, отметив, что в исследовании Щербины наблюдался односторонний подход, который в значительной мере искажал реальное положение дел и представил киргизов в негативном свете. Сердалин подчеркнул, что работа Щербины продемонстрировала предвзятость и недостаток объективности, что привело к некорректным выводам и ошибочным интерпретациям: «Г. Щербина, по его словам, стр. 5, 6, 7, 8, 9, руководствовался распросными сведениями, наносимые на карту десятиверстного масштаба

и высчитывая площадь таковых планиметром Амслера, т. е. с меньшей точностью, чем крестьяне делят на загоны свою мирскую землю. К чему тогда удивляться, что при таком способе исследования для площади одного Кокчетавского уезда получилась “маленькая” разница в 124 289 десятин между вычислением по географической сетке и посредством планиметра Амслера, – стр. 55 приложения к материалам» [7].

Деятель Сердалин, критикуя работу Ф. А. Щербины, указал на негативные последствия для многовекового скотоводства и образа жизни населения, возникавшие из-за искаженной информации, предоставленной чиновникам, продолжив: «Но г. Щербина, вероятно по своей сельскохозяйственной эрудиции, стоит много выше авторитетных хозяев скотоводства, так как решается для такой разнообразной местности, как Кокчетавский уезд, разделенный им на 17 районов, определить таковую с чрезвычайной точностью.

На практике столь необычайное определение норм, благодаря которому появились будто бы излишки земли, годной для земледелия, установив неправильный взгляд на землепользование киргизов-скотоводов, вызвало покровительство переселению, несмотря на то, что многие переселенцы, как было сказано выше, ушли из степи, а оставшиеся едва влечат свое существование. Клочок за клочком отнимают у нас, исконных скотоводов земли, и притом лучшие, тем самым создавая полную невозможность для нас продолжать скотоводческую культуру, так как почти все водопой отрезаны; чтобы поить свой скот, нам приходится снимать водопой в аренду за дорогую плату у новоселов-крестьян. Близко то время, когда мы будем обездолжены и, обращенные в жалких нищих, будем лишним бременем для государства и общества.

Но крестьяне переселенцы, пришедшие к нам, тоже превратятся в таких же жалких нищих, а частью уже превратились» [7].

Доклад М. Сердалина, основанный на тщательном научном анализе и опирающийся на исследования авторитетных ученых, обладает значительной актуальностью и в совре-

менном контексте. Сердалин, представивший аргументированную критику работы экспедиции Ф. А. Щербины, подчеркнул важность точности и объективности в сборе и интерпретации данных, а также значимость учета многовековых традиций и образа жизни местного населения.

Его доклад продемонстрировал, как ошибки и предвзятости в исследованиях могут привести к искажению реальной картины и негативным последствиям для населения. Значимость этого подхода сохраняется и сегодня, когда высокое качество и точность научных исследований остаются критически важными для выработки эффективных и обоснованных решений в различных областях, включая земельное и ресурсное управление, а также социальные и культурные исследования.

Сердалин выделил необходимость внимательного подхода к анализу и интерпретации данных как важного аспекта для обеспечения справедливых и эффективных решений в любой области научного и практического применения.

Докладчик отметил: «Земледелие в наших степях невозможно по двум причинам: экономической и природной. На самом деле, если в России занятие земледелия перерастало в обеспечение земледельца при сравнительно высоких ценах на хлеб, то как же оно может обеспечить труд земледельца в степях Западной Сибири, где стоимость пуда пшеницы не может быть выше 25 копеек за пуд, так как один провоз из местности к ближайшей железной дороге до порта самое меньшее обходится в 40 копеек за пуд; из местностей более удаленных, чем Кокчетавский и Петропавловский уезды, провоз надо считать минимум в 92 копейки за пуд. Суровый климат северных уездов, где часто вымерзают посева, жаркое и сухое лето во всей степи делают чрезвычайно рискованным все попытки к земледелию» [7].

Деятель Сердалин опирался на ряд авторитетных источников, чтобы обосновать свою точку зрения о неподходящих условиях для земледелия в степях. Так, В. Д. Соколов в статье «Засухи и обводнение южной полосы Европы России», напечатанной в «Русской

мысли» в 1893 г., сформулировал вопросы воздействия засухи и трудностей водоснабжения на сельское хозяйство. Профессор В. В. Докучаев в своей работе «Наши степи прежде и теперь» также описал проблемы, связанные с сельским хозяйством в степях, подчеркнув их особенности [12]. Г. И. Успенский в статье «Кочевники и русские переселенцы», опубликованной в журнале «Русская мысль» в 1891 г., проанализировал взаимодействие между кочевниками и переселенцами, что сформировало представление о сложностях освоения новых земель. Письма султана Гази Уали-хана содержат важные наблюдения и выводы по вопросам земледелия и кочевого образа жизни [13, с. 4]. Газеты «Окраина» и «Кочевники Туркестана» включают материалы, подтверждающие трудности переселения и ведения сельского хозяйства в степях. Эти источники помогли доказать, что условия для земледелия в рассматриваемых регионах непригодны для прекращения переселений и успешного ведения сельского хозяйства.

Мамбетали Сердалин резюмировал: «Заканчивая свой доклад, я осмеливаюсь обратиться к Обществу содействия Русской Промышленности и Торговле с великою просьбою посодействовать русской скотоводческой промышленности в степях Западной Сибири путем ходатайства перед Правительством об устранении вреда для существующей скотоводческой культуры степных областей от искусственно насаждаемой там земледельческой культуры. Я прошу пощадить суще-

ствующий веками сложившийся строй степной жизни и дать возможность нам, скотоводам-киргизам, вечно благословлять тот день, когда мы вошли в семью великого русского народа» [7].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мамбетали Сердалин провел глубокий анализ социально-политического положения казахского общества конца XIX – начала XX века, отразив его в выступлениях и публицистической деятельности. Интенсивный процесс колонизации казахских земель и административные реформы оказали огромное влияние на этнические и культурные традиции населения Северного Казахстана, привели к значительным изменениям в хозяйственной жизни. М. Сердалин остро ставил вопрос о сохранении культурных и экономических основ кочевого общества. Он пытался критически оценить имперскую политику царизма, проводимую в Казахстане с точки зрения глобальных мировых тенденций.

Мамбетали Сердалин направил множество писем царю и различным министерствам по этому вопросу. Эти письма, некоторые из которых сохранились до сих пор, служат свидетельством того, что Сердалин был выдающимся борцом своего времени, который защищал интересы своего народа. Он добивался переосмысления политики колонизации и земельной эксплуатации, чтобы избежать повторения ошибок прошлого и создать более справедливые условия для всех участников этого процесса.

Список источников

1. Румянцев П. П. Киргизский народ в прошлом и настоящем. СПб. : Переселенч. упр. Г.У.З. и З., 1910. 66 с.
2. Баймұратұлы С. Аңыз түбі – Ақиқат немесе Мәмбет Әлінің арпалысы // Түркістан. 2011. 31 наурыз. С. 8.
3. ИАОО. Ф. 270. Оп. 1. Д. 200.
4. РГИА. Ф. 391. Оп. 1. Д. 311. С. 2.
5. Кадырбаев А. Ш. Бытовой уклад казахов XV–XIX веков как отражение хозяйственно-культурного типа кочевой цивилизации // Проблемы востоковедения. 2018. № 3. С. 68–74.
6. Ляшенко П. И. История народного хозяйства СССР. М. : Госполитиздат, 1950. Т. 2. 732 с.

References

1. Rumyantsev P. P. Kyrgyzsky narod v proshlom i nastoyashchem. Saint Petersburg: Pereselench. upr. G. U. Z. i Z.; 1910. 66 p. (In Russ.).
2. Baymuratuly S. Legend and Reality – Mambet Ali's struggle. *Turkestan*. 31 March, 2011. P. 8. (In Kaz.).
3. Historical Archive of the Omsk Oblast (IAOO). F. 270. Op. 1. D. 200. (In Russ.).
4. Russian State Historical Archive (RGIA). F. 391. Op. 1. D. 311. P. 2. (In Russ.).
5. Kadyrbaev A. Sh. The mode of life of the Kazakhs in the 15th – 19th centuries as a reflection of economic and cultural type of nomadic civilization. *The Problems of Oriental Studies*. 2018;(3):68–74. (In Russ.).

7. Чубеков М. С. Об эксплуатации степей Западной Сибири путем скотоводческой культуры «Труды общества для содействия русской промышленности и торговли». СПб., 1904.
8. История США : в 4 т. М. : Наука, 1983. Т. 1. 687 с.
9. Венюков М. И. О высыхании озер в Азии // Пространство и время. 2011. № 1. С. 141–144.
10. Сорока Н. Н. Крестьянские переселения и их влияние на экономику казахского кочевого аула Степного края второй половины XIX – начала XX вв. : автореф. ... дис. канд. ист. наук. Омск, 2009. 26 с.
11. Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей. Акмолинская область, Кокчетавский уезд. Воронеж, 1898. Т. I. 712 с.
12. Докучаев В. В. Наши степи. Прежде и теперь. СПб. : тип. Е. Евдокимова, 1892. 128 с.
13. Гази Вали-Хан. По поводу корреспонденции из Акмолинской области // Новое время. 1890. 4 декабря (№ 5305).
6. Lyashchenko P. I. Istoriya narodnogo khozyaistva SSSR. Moscow: Gospolitizdat; 1950. Vol. 2. 732 p. (In Russ.).
7. Chubekov M. S. Ob ekspluatatsii stepei Zapadnoi Sibiri putem skotovedcheskoy kultury. Trudy obshchestva dlya sodeistviya russkoy promyshlennosti i trgovli. Saint Peterburg; 1904. (In Russ.).
8. Istoriya SSHA. In 4 vols. Moscow: Nauka; 1983. Vol. 1. 687 p. (In Russ.).
9. Venyukov M. I. On Lakes Drying in Asia. *Space and Time*. 2011;(1):141–144. (In Russ.).
10. Soroka N. N. Krestyanskie pereseleniya i ikh vliyanie na ekonomiku kazakhskogo kochevogo aula Stepnogo kraya vtoroy poloviny XIX – nachala XX vv. Extended abstract of Cand. Sci. (History) Thesis. Omsk; 2009. 26 p. (In Russ.).
11. Materialy po kirgizskomu zemlepolzovaniyu, sobrannye i razrabotannye ekspeditsiei po issledovaniiu stepnykh oblastei. Akmolinsk Oblast, Kokchetavskii uезд. Voronezh; 1898. Vol. I. 712 p. (In Russ.).
12. Dokuchaev V. V. Nashi stepi. Prezhde i teper. Saint Petersburg: tip. E. Evdokimova; 1892. 128 p. (In Russ.).
13. Gazi Vali-Khan. Po povodu korespondentsii iz Akmolinskoy oblasti. *Novoye vremya*. 1890. 4 Dekabrya, no. 5305. (In Russ.).

Информация об авторе

С. Б. Ыбырай – магистр археологии и этнологии, старший преподаватель, декан Высшей школы искусств и гуманитарных наук.

About the Author

S. B. Ybyray – Master of Archaeology and Ethnology, Senior Lecturer, Dean of the Higher School of Arts and Humanities.

Научная статья

УДК 94(57)

<https://doi.org/10.35266/2949-3463-2024-4-5>

Обсуждение проектов речных путей для Обского Севера на совещаниях по проблемам транспорта в начале XX века

Ольга Анатольевна Задорожня

Сургутский государственный университет, Сургут, Россия

zadorozhniaya.olga@yandex.ru

Аннотация. В статье проанализирована деятельность Всероссийского Совещания и Совещания Томского путей сообщения по развитию транспорта в начале XX века как новой формы сотрудничества: центральной исполнительной власти, региональной власти, органов самоуправления, корпоративных и отдельных предпринимателей, общественных организаций. Основное внимание уделено проектам путей сообщения, связанным с северо-западной частью Сибири, и их перспективам для социально-экономического развития. Обский Север в начале XX века представлял интерес для исполнительной власти только как часть масштабного проекта по Северному морскому пути и реконструкции Обь-Енисейского водного канала. В то же время деловой мир Сибири самостоятельно или с административной поддержкой стремился скомпоновать новые маршруты речного транспорта. Различия в позициях власти и делового мира касались как целей транспортных проектов, так и ожидаемых результатов с учетом длительности их реализации.

Ключевые слова: река, Обский Север, Обь-Енисейский канал, Северный морской путь, проект, Иркутск, Совещание

Шифр специальности: 5.6.1. Отечественная история.

Для цитирования: Задорожня О. А. Обсуждение проектов речных путей для Обского Севера на совещаниях по проблемам транспорта в начале XX века // Северный регион: наука, образование, культура. 2024. Т. 25, № 4. С. 49–57. <https://doi.org/10.35266/2949-3463-2024-4-5>.

Original article

Discussion of river route projects for the Ob North at meetings on transport issues in the early 20th century

Olga A. Zadorozhnyaya

Surgut State University, Surgut, Russia

zadorozhniaya.olga@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the activities of the All-Russian Conference and the Conference of Tomsk Railways on Transport Development in the early 20th century as a new form of cooperation: central executive power, regional authorities, self-government bodies, corporate and individual entrepreneurs, public organizations. The primary attention is paid to the projects of communication routes related to the northwestern part of Siberia and their prospects for social and economic development. Only as part of a large-scale Northern Sea Route and Ob-Yenisei Waterway Canal project did the executive power take an interest in the Ob North during the early 20th century. At the same time, the business world of Siberia, independently or with administrative support, sought to put together new river transport routes. Differences in the positions of the authorities and the business world concerned both the goals of transport projects and the expected results, taking into account the duration of their implementation.

Keywords: river, the Ob North, the Ob–Yenisei Canal, the Northern Sea Route, project, Irkutsk, All-Russian Conference

Code: 5.6.1. Russian History.

For citation: Zadorozhnyaya O. A. Discussion of river route projects for the Ob North at meetings on transport issues in the early 20th century. *Severnyy region: nauka, obrazovanie, kultura*. 2024;25(4):49–57. <https://doi.org/10.35266/2949-3463-2024-4-5>.

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования заключалась в том, что в современной научной литературе история взаимоотношений государства и делового мира рассматривается через обсуждение законопроектов. С конца XIX в. в России проводились Совещания по развитию транспортной системы разного уровня подчинения, которые стали относительно новой формой коммуникации исполнительной власти с собственниками в период капиталистической модернизации. Для Сибири важными были Всероссийское Совещание в Иркутске, проводившееся по инициативе иркутского губернатора, а также региональные, связанные решением текущих проблем Томского округа путей сообщения.

Проблема транспортных проектов в Сибири привлекла внимание исследователей в связи с развитием товарно-денежных отношений и модернизацией промышленного производства начала XX в. Однако сибирские транспортные проекты рассматривались в рамках освоения средней и частично южной части региона. Также историки обращались к конкретным проектам, которые включали пути сообщения Сибири в стратегические проекты Российского государства, например, о возможности соединения железной дороги с сухопутными трактами и речными маршрутами. Некоторые исследователи подчеркивали, что местным предпринимателям приходилось самостоятельно искать более рентабельные варианты перевозки своих товаров в удаленные населенные пункты [1]. Вне этих территориальных рамок оставался Обский Север, хотя в ряде общесибирских проектов регион был включен. В исследовании М. В. Шиловского упоминались транспортные проекты Сибири, которые частично или полностью удалось осуществить. Так, автор упоминал предложения красноярского купца Сидорова о развитии Северного морского пути в связи с планами реконструкции Обь-Енисейского канала и введении режима порто-франко

в ряде городов Сибири [2]. В работах сибирских историков подчеркивалось, что на Совещаниях Томского водного округа не только ставились проблемы, но и намечались пути их решения, в то время как на Совещаниях в Иркутске (1906) только обсуждались вопросы, например, о возможности увеличения перевозок в Восточной Сибири в связи с аграрной реформой П. А. Столыпина [3–7].

Цель статьи – выделить ключевые проблемы, обсуждаемые на Совещаниях, касавшихся непосредственно речных путей Обского Севера в начале XX в.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

При подготовке данной работы основными видами источников были материалы Совещаний всероссийского уровня в Иркутске (1906), а также Томского водного округа, которые относятся к группе делопроизводственных документов. В документах Совещания содержались подробные протоколы заседаний секций, например, на заседании секции II рассматривалась проблема Северного морского, на секциях III и IV обратили внимание на необходимость проведения новых подъездных путей и восстановления ряда волоков в губерниях Западной Сибири и т. д. [8]. Во II томе материалов Совещания (Иркутск) представлены документы обсуждения реконструкции Обь-Енисейского канала, возможности его эксплуатации, а также срочные телеграммы с мнением разных ведомств по поводу этой проблемы. Особо стоит отметить отчеты и ответы начальника Томского водного округа барона Аминова на текущие вопросы и его мнение по поводу предложенного проекта с приложением записок и докладов инженеров, обслуживавших водные пути в Сибири [9]. В Трудах совещаний Томского водного округа давалось более подробное описание сложившейся ситуации в Обь-Иртышской водной системе и на Обском участке [10, 11]. Особую группу источников составили материалы периодической печати, так как

в пореформенный период пресса уделяла больше внимания перспективам развития регионов [12, 13]. При изучении источников использовался аналитический метод, который позволил выделить значимые проблемы развития речной системы Обского участка Томского водного округа.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Становление единой транспортной системы в начале XX в. являлось важной частью политики как центральных, так и региональных властей на окраинах Российской империи. Одним из инструментов разработки решений проблем в этом процессе становились Совещания по развитию судоходства с участием как представителей исполнительной власти, так и общественности, местных предпринимателей. В декабре 1906 г. в Иркутске проводилось Всероссийское Совещание по вопросам транспортной системы, в том числе Сибири. На это мероприятие было приглашено 208 человек, среди которых были представители министерств: Военного, Внутренних дел, Путей сообщения, Торговли и промышленности, Главного управления землеустройством и земледелием, а также пароходоладельцы, рыбопромышленники, военные и гражданские инженеры и представители общественных организаций. Поскольку Совещание проводилось в Иркутске, обязанности Председателя выполнял Иркутский генерал-губернатор генерал-лейтенант А. Н. Селиванов. Участники обсуждения проблем путей сообщения Сибири фактически разделились на две группы, которые условно назвали «южане» и «северяне». Первая группа придерживалась мнения о первостепенной необходимости увеличения пропускных мощностей Транссибирской магистрали и, соответственно, строительства новой ветки железной дороги.

В тоже время вторая группа настаивала, что подобное решение не позволит включить удаленные от средней полосы Сибири территории в сибирский рынок и не обеспечит их промышленными товарами. Основными предложениями этой группы участников Совещания стали инновационные идеи, связанные с экономическим развитием северных

районов, которые частично реализовывались местными предпринимателями Сибиряковыми, Плотниковыми, Корниловыми и др. Стержнем всех транспортных проектов «северян» должна была стать эксплуатация всего водного бассейна Сибири, что обеспечило бы выход сибирских товаров как на рынок Западной Европы, так и в Тихоокеанский регион. Они предложили два проекта северной железной дороги: от Березова (Обдорск) через Северный Урал до Архангельска или от Енисейска до Тобольска через Нарым, также предусматривалось в дальнейшем соединение новой ветки с железной дорогой Екатеринбург – Тюмень. Этот проект обеспечил бы соединение территорий Обь-Иртышского и Ангаро-Енисейского бассейнов с Уралом, Европейской Россией [6, 7].

На Совещаниях обсуждались вопросы как связанные с Обским Севером в общесибирском контексте, так и имевшие самостоятельное значение. Во-первых, это проблемы, требовавшие обязательного решения по текущему обустройству Обского бассейна: строительство затонов, зимовок, оборудование ремонтных баз, обеспечение судов продовольствием и топливом, организация подготовки квалифицированных кадров и т. д. Во-вторых, проблемы, касавшиеся различных перспективных проектов для будущего освоения северо-западной части Сибири. Например, начальник Томского округа путей сообщения барон Б. А. Аминов вынес на обсуждение проект о создании «магистрального транзитного водного пути, прорезающего всю Сибирь, от Байкала, до подножья Урала» [8]. В этот проект включались речные маршруты общей протяженностью 5 тыс. верст по рр. Ангаре, Енисею, Оби, Иртышу, Тоболу и Туре, а также Обь-Енисейский водный канал. По мнению Аминова, это позволило бы соединить западные территории с удаленными уездами Восточной Сибири и Забайкалья для перевозки продукции сельского хозяйства и промышленного производства [8].

Обь-Енисейский водный канал. В целом в предлагаемых на Совещаниях проектах Обский Север становился частью как общероссийской транспортной системы, так и обще-

сибирской. Наиболее известным был проект реорганизации Обь-Енисейского канала, так как он обсуждался на заседаниях правительства России и на Совещании в Иркутске. На заседаниях трех секций Иркутского Совещания (1906) неоднократно подчеркивалось первоочередное значение речных путей для развития удаленных территорий. Участники собрания указывали, что из-за малочисленности проживавшего здесь населения строительство железной дороги будет затратным и нерентабельным, а на обустройство речных путей потребуется меньше капиталовложений.

Хотя Обь-Енисейский объединительный канал был давно построен, имевшиеся шлюзы не были способны пропускать мощные пароходы с баржами большой грузоподъемностью [11, с. 17, 24–25, 34]. Это было связано с тем, что вместо запланированных 10 млн руб. было израсходовано только 4 млн руб. Когда в Обь-Енисейском канале начинался ледоход, это вызывало понижение уровня воды в рр. Кети и Касс, которые, по замыслам строителей, должны были наоборот пополнять канал [8, с. 57]. Так с помощью Обь-Енисейского пути удалось соединить Енисей и Обь через рр. Большой Кас, Язевую, Ломовую, Озерную, Кеть, приток Малый Кас, озеро Большое и т. д. Однако у части рек осадок колебался от 2,5 до 6 четвертей, в то время как для прохождения паровых судов требовался осадок от 7 до 10 четвертей. В связи с этим для прохождения Обь-Енисейского канала приходилось использовать малые суда и дважды перегружать груз у устья Малого Каса и Большого Каса и т. д. [9, с. 41]. На Оби и ее притоках не использовались маломерные суда, поэтому речные компании стремились избегать маршрутов, связанных с Обь-Енисейским каналом.

По расчетам специалистов, на реконструкцию Обь-Енисейского канала необходимо было потратить не менее 12 млн руб. Было предложено два конструктивных решения: для увеличения товаропотока в западном направлении можно было построить подъездные пути железной дороги к каналу и расширить волок между рр. Енисей и Чулым, для этого нужно было увеличить ширину канала

до 7,5 сажень, длину – до 40 верст и построить 2 плотины и 14 шлюзов [9, с. 92; 13, с. 57]. Участники Совещания считали, что соединение Оби и Енисея позволило бы связать Сибирь с Европейским Севером и выйти в будущем на рынки Старого Света с сибирским хлебом, кожей, салом, лесом и полезными ископаемыми [8, с. 55]. Один из активных участников Совещания инженер Попов отмечал, что в будущем Обь-Енисейский канал можно соединить каналами с р. Амур через Байкал, откуда через р. Селенгу попасть в Еравинские озера [8, с. 174]. Однако его оппонент Гудков указывал на то, что при благоприятных обстоятельствах после реконструкции Обь-Енисейский канал окупился бы только через пять лет, а новый путь нужен в настоящее время, поэтому вместо капитальной реконструкции он предложил построить грунтовые линии, соединявшие Обь и Енисей, и начать более активно эксплуатировать волоки Алзамай – Мироново – Братско-Острожское и Мелецкое – Усть-Тунгазка. Полковник Репьев считал, что обводной канал будет удобен для решения стратегических задач по переброске армии и техники; поэтому начать строительство необходимо, но нужно построить сухопутный тракт вдоль канала по возможности.

В целом интерес к Обь-Енисейскому каналу в начале XX в. стал проявляться в связи с увеличением притока переселенцев за Урал и возрастанием потребностей в различных группах товаров. Теперь уже ни государство, ни предприниматели не могли решать транспортную проблему, так как даже Транссиб с трудом справлялся с нарастающим объемом перевозок. Один из выступавших привел данные об объемах грузоперевозок по грунтовым, железным дорогам и речным путям. Так, даже при эксплуатации двух железнодорожных веток в сутки могли проходить 45 поездов с общим объемом 15–20 тыс. пудов, в то время как на буксирно-товарном пароходе с двумя баржами можно было перевезти до 60 тыс. пудов [8, с. 93]. При этом железной дороге требовался ремонт, а речные пути не нуждались в больших капиталовложениях, к тому же большая часть речных пароходов

была частной. Отрицательным фактом называли то, что навигация в Сибири в среднем длится от 4 до 5 месяцев, в течение которых нужно перевезти более 70 % груза на удаленные территории. На реконструкцию Обь-Енисейского канала требовалось около 12 млн руб., еще 3 млн руб. – на соединение с Ангарой. Строительство второй ветки железной дороги длиной 300 верст оценивалось в 15 млн руб., но это, по мнению участников Совещания, позволило бы вывозить сибирский товар не только на российский, но и на европейский рынок.

На Совещании в Иркутске вспомнили один из проектов конца XIX в. о соединении разных водных систем с использованием Обь-Енисейского канала, что позволило бы организовать срочное пароходное сообщение с берегов Оби, Иртыша в Монголию [9, с. 42]. Также обсуждался более грандиозный проект Сибирского транзитного водного пути, который бы соединил Восточную Сибирь и Урал и посредством каналов дошел бы до Кяхты. Первая часть проекта предусматривала систематизацию водных путей протяженностью в 16 тыс. верст и включала маломощный Обь-Енисейский водный канал. На всем протяжении этого маршрута старый канал был единственным, который допускал прохождение большегрузных речных судов [8, с. 95]. Проект предусматривал введение принципа порто-франко для Иркутского порта, улучшение судоходных свойств р. Ангары, а также строительство вдоль водного пути сухопутного тракта от р. Томи до р. Енисей [9, с. 258]. Предполагалось, помимо казенных средств, использование частных инвестиций, а также тобольский, енисейский и иркутский губернаторы были готовы выделить около 1 180 903 руб.

Северный морской путь. На заседаниях объединенных II, III и IV секций Совещания обсуждалась возможность восстановления проекта Северного морского пути, который можно было бы пройти в течение 2–3 месяцев из Европы к устьям Оби и Енисея, также по Лене и Колыме [8, с. 86]. Представители Восточной Сибири отмечали, что канал заложил бы основу для развития Енисейского

края посредством привлечения коммерческого судоходства, которое получило бы поддержку и покровительство государственной власти [8, с. 89]. На Совещании даже наметили ряд мероприятий в этом направлении: 1) изучение продвижения льдов в Карском море; 2) обустройство предупредительных знаков и остановочных пунктов, связанных телеграфом; 3) учреждение порто-франко, что позволило бы распространить коммерческое пароходство на различных реках Сибири [8, с. 54]. Все стороны указывали, что Северный морской путь в соединении с Енисейским речным путем или без него будет иметь торговое и промышленное значение, так как активизирует товарный поток между северными регионами Сибири, Европейским Севером и странами Европы. По морскому пути из Сибири могли бы вывозиться товары, что положительно сказалось бы на появлении новых отраслей промышленного производства.

Группа «северян» отметила, что уже на данный момент часть сельскохозяйственной продукции, а также продукция пушного и рыбного промыслов по водным коммуникациям перевозилась через Урал на Печору [14, с. 162]. Это связано с тем, что купец А. М. Сибиряков в конце XIX в., оставив бизнес наследникам, стал активным популяризатором различных транспортных проектов, например, Северного морского пути. Поскольку это был большой проект, его реализация требовала разрешения промежуточных задач, имевших региональное значение, например, соединить Европейский и Обский Север. С этой целью проводились экспедиции для изучения уже существовавших оленьих троп, которыми пользовались местные жители [15, с. 5–6; 16, с. 112–114]. Так появились два тракта: первый, длиной 170 верст, начинался к северу от с. Ляпино, шел до р. Печоры и использовался инородцами для посещения ярмарок Обского Севера; второй, 120 верст, проходил по южной части Илыч-Сосьвинского участка, эксплуатировался во время кочевания и переселения. Для выполнения дорожных работ Сибиряков привлекал местное население, которое

получило право бесплатно использовать срубленный лес. Однако новые тракты проходили в удалении от старых населенных пунктов, поэтому предприниматель предложил властям заселить эти места.

Интересно, что для указанного периода было характерно появление проектов с различными видами транспорта: водного, сухопутного и железнодорожного. Например, в 1887 г. экспедиция А. Д. Голохвастова предложила проект строительства Обской железной дороги, которая должна была проходить от нижнего течения Оби до Мединского залива, что позволило бы избежать передвижения по Карскому морю с его сложными условиями судоходства из-за льда. Хотя в 1897 г. была объявлена государственная концессия на строительство железной дороги, желавших ее реализовать не оказалось [8, с. 54–58]. Помимо Северного морского пути во второй половине XIX в. стали появляться варианты соединения Обь-Енисейского водного канала с речной системой Китая. Подобные проекты предусматривали два подхода к транспортным проектам, связанным с территорией Обского Севера: первый вариант предполагал соединение сибирских и европейских рек посредством водных каналов и железной дороги; второй – организацию транспортного сообщения через Карское море, то есть Северный Ледовитый океан. Именно к последнему относился до конца нереализованный Северный морской путь, против которого выступали предприниматели центральной России [17, л. 11]. По мнению контр-адмирала Макарова: «Морской путь есть совершенно независимое средство для вывоза хлеба, а чем большим числом независимых средств располагает страна, тем ровнее держатся цены и тем солиднее стоит земледелие» [18, с. 17–18].

Развитие промышленного и сельскохозяйственного производства в Сибири способствовало не только строительству путей сообщения, но и появлению различных транспортных проектов. В тоже время интересы государства и собственника не всегда совпадали. После неудачной Русско-японской войны правительство стало уделять больше

внимания транспортным путям, имевшим исключительно стратегическое значение, но для предпринимателей более важным был экономический эффект. Проект магистрального транзитного пути от Байкала до Урала, который бы соединил рр. Ангару, Енисей, Обь, Иртыш, Тобол и Туру, был интересен для государства, но предприниматели не хотели вкладываться в столь масштабный проект [9, с. 252]. Также на Совещании в Иркутске в 1906 г. обсуждались региональные проблемы Обского Севера, например, результаты исследования судоходности рек в период с 1894 по 1900 гг.

Совещание Томского округа путей сообщения. На 1913 г. Томский округ путей сообщения был больше Киевского водного округа (7 805 верст) на 35,6 % и Казанского водного округа (5 523 версты) – на 55,4 % [12, с. 11]. Общая протяженность речных путей Томского округа на 1913 г. составляла 12 118 верст, из них 3 895 верст относилось к Иртышскому участку, 4 031 верст – к Обскому участку, 1 797 верст – к Верхне-Иртышскому участку, 2 395 верст – к Обь-Енисейскому участку [12, с. 9–10]. Совещания Томского водного округа играли важную роль в осуществлении транспортных перевозок как грузов, так и пассажиров. Участниками собрания стали представители региональной исполнительной власти, городских управ, общественных организаций и предприниматели. Кроме того, были приглашены представители городских дум, биржевых комитетов, переселенческих управлений и чиновники Томского водного округа [12]. В ходе Совещания (1914) обсуждались разные вопросы, но перспективы развития речной системы вызывали самые бурные дискуссии.

Председатель Совещания отмечал, что водные пути Западной Сибири эксплуатировались в основном в средней и частично в южной части, а остальные реки не получили должного внимания. При этом именно водные пути втягивали население удаленных территорий в товарно-денежные отношения [12, с. 7]. В своей речи Председатель назвал наиболее перспективные проекты и рассказал о проделанной работе по их реализации. Например,

с 1912 г. по проекту Северного морского пути проводились работы по оборудованию маяков и радиотелеграфных станций вдоль берегов Югорского шара, Карских ворот и Маточкина шара [12, с. 15–16]. Также упоминался Транс-Уральский проект, который предполагал соединить бассейны рр. Камы и Оби с ее притоками через Урал, Чусовую и Исеть.

На подобных совещаниях обсуждались общие проблемы устройства судоходства по рекам Томского водного округа: постройка затонов по маршрутам движения судов, обновление ведомственного флота, необходимость исследования судоходства притоков Оби и Иртыша, заготовка топлива и переход от дровяного на каменный уголь, необходимость чистки рек и приобретения землечерпальных судов и т. д. Так как Обский участок Томского водного округа был значительным по площади и имел массу проблем, обсуждался поставленный ранее вопрос об эксплуатации старых и строительстве новых затонов на Оби, например, Бобровского затона, который предполагалось реконструировать. В связи с ежегодной отправкой продовольствия и предметов первой необходимости на Обский Север в период навигации возрастало значение Тобольского зимнего затона, а также появилась необходимость в его расширении, в строительстве затона в Обской губе для ускорения начала эксплуатации Северного морского пути [12, с. 28]. Кроме того, в очередной раз был поднят вопрос о необходимости реконструкции и расширения Обь-Енисейского канала, для этого требовалось устроить эллинги, необходимые для подъема судов и их стоянки [8, с. 86].

На Совещаниях рассматривались предложения отдельных лиц. Так, березовский инженер оставил записку о необходимости развития судоходства в Западной Сибири, так как грунтовые дороги нужны скорее для перегонки скота, а водными путями могут пользоваться различные группы населения [9, с. 68, 96]. Инженер Крутиков вынес на обсуждение доходность судоходства в Сибири с учетом эксплуатации разных видов судов, в том числе дощаников [9, с. 240–241].

Примечательно, что на Совещании обсуждались как частично эксплуатируемые

проекты, так и новые. Например, маршрут Байкал – Урал должен был воскресить Обь-Енисейский канал, соединив Ангару, Енисей, Обь, Иртыш, Тобол и Туру [9, с. 37]. Поскольку на северных территориях судоходство на части рек затруднено в навигацию, поэтому требовались большие капиталовложения для развития грузового и пассажирского движения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На Совещаниях о развитии транспорта разного уровня решались как текущие вопросы, так и обсуждались перспективные проекты обустройства и усовершенствования речного движения. Была отмечена необходимость изменения отношения к водным путям, которыми особенно не занимались в Сибири, в то время как в Европе они считались народными путями из-за своей дешевизны. Это можно было сделать только обустроив речные маршруты, поэтому предполагалось устройство на реках удобных затонов, необходимых шлюзов и традиционных пристаней в низовьях Оби [9, с. 412].

Безусловно, интерес вызывали различные проекты новых объединений речного пространства, которые активно обсуждались в изучаемый период, например, Обь-Енисейский канал, Северный морской путь [19, с. 400–416]. Однако по каждому проекту для его реализации требовалось не только составить программу строительства с учетом возможных отчислений из ежегодного бюджета региона. Когда был поставлен вопрос на голосование о том, что важнее для развития Сибири – реконструкция Обь-Енисейского канала или строительство второй колеи Транссиба – большинство участников проголосовало за финансирование второго проекта [8, с. 174]. В отношении Обь-Енисейского канала было принято решение о возможном проведении Чунского и Чулымского волоков, а к полной реконструкции вернуться позже. Хотя участники Совещания отмечали, что Сибирь нуждалась в речном пути от Тихого океана до Урала, на текущий момент приоритетным было строительство новых речных пристаней и грузовых доков. Отмечалось, что крупные перевозчики оказа-

лись не заинтересованы в развитии Северного морского пути, так как основным источником их прибыли оставались речные перевозки.

Совещания по развитию транспорта хотя и становились инструментом взаимоотношений исполнительной власти и представителей делового мира, не имели полномочий для окончательного решения проблем развития. Только Совещание представителей Томского округа имело более практическое значение,

например, вопрос об организации рыбной ловли и рыбопромышленности затрагивал интересы крупных перевозчиков. Важно, что Совещание проводилось в Восточной Сибири, председателем Совещания был иркутский губернатор, а Тобольскую и Томскую губернии представляли незначительные чиновники, вместо владельцев крупных транспортных компаний были наемные служащие.

Список источников

1. Лаптев Н. М. Государственная политика и транспортное освоение Сибири во II второй половины XIX века // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2012. № 2–1. С. 96–99.
2. Шиловский М. В. Транспортные проекты Азиатской России до 1917 г. // Вестник Нижневартковского государственного университета. 2008. № 3. С. 8–13.
3. Распопина А. А. Иркутское совещание о путях сообщения в Сибири // Иркутский историко-экономический ежегодник. Иркутск : Байкальский государственный университет, 2014. С. 158–165.
4. Распопина А. А. Сибирские транспортные коммуникации во второй половине XIX в.: геополитическая экономия // Историко-экономические исследования. 2022. Т. 23, № 2. С. 354–388.
5. Сафронов С. А. Развитие системы речного транспорта Восточной Сибири в годы Столыпинской аграрной реформы (1906–1917 гг.) // Известия Алтайского государственного университета. 2010. № 4–2. С. 190–197.
6. Колесов Л. И. Развитие концепции формирования транспортной системы Сибири // Проблемы развития транспортной системы в районах Сибири : сб. науч. тр. Новосибирск, 1980.
7. Проблемные регионы ресурсного типа: экономическая интеграция Европейского Северо-Востока, Урала и Сибири. Новосибирск, 2002. 355 с.
8. Труды Совещания 1906 г. в Иркутске о путях сообщения в Сибири / под ред. В. Попова. Иркутск, 1907. Т. 1. 214 с.
9. Труды Совещания 1906 г. в Иркутске о путях сообщения в Сибири. Иркутск, 1908. Т. 2. 479 с.
10. Совещание о соединении сибирских рек с реками Европейской России // Сибирские вопросы : сб. СПб., 1911. № 17. С. 16–20.
11. Востротин С. Обь-Енисейский канал и внутренний водный сибирский транзитный путь // Сибирские вопросы : сб. СПб., 1906. № 2. С. 1–49.
12. Труды междудеятельного совещания с представителями общественных организаций и пароходоладельцев по рассмотрению сметных пред-

References

1. Laptev N. M. Gosudarstvennaya politika i transportnoe osvoenie Sibiri vo II vtoroi poloviny XIX veka. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya*. 2012;(2–1):96–99. (In Russ.).
2. Shilovskii M. V. Transportnye proekty Aziatskoi Rossii do 1917 g. *Vestnik Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2008;(3):8–13. (In Russ.).
3. Raspopina A. A. Irkutskoe soveshchanie o putyakh soobshcheniya v Sibiri. *Irkutskii istoriko-ekonomicheskii ezhegodnik*. Irkutsk: Baikal State University. 2014:158–165. (In Russ.).
4. Raspopina A. A. Sibirskie transportnye kommunikatsii vo vtoroi polovine XIX v.: geopoliticheskaia ekonomiya. *Journal of Economic History & History of Economics*. 2022;23(2):354–388. (In Russ.).
5. Safronov S. A. Razvitie sistemy rechnogo transporta Vostochnoi Sibiri v gody Stolypinskoi agrarnoi reformy (1906–1917 gg.). *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2010;(4–2):190–197. (In Russ.).
6. Kolesov L. I. Razvitie kontseptsii formirovaniia transportnoi sistemy Sibiri. In: *Collection of articles "Problemy razvitiia transportnoi sistemy v raionakh Sibiri"*. Novosibirsk; 1980. (In Russ.).
7. Problemye regiony resursnogo tipa: ekonomicheskaiia integratsiia Evropeiskogo Severo-Vostoka, Urala i Sibiri. Novosibirsk; 2002. 355 p. (In Russ.).
8. Popov V., editor. *Trudy Soveshchaniya 1906 g. v Irkutске o putyakh soobshcheniya v Sibiri*. Irkutsk; 1907. Vol. 1. 214 p. (In Russ.).
9. *Trudy Soveshchaniya 1906 g. v Irkutске o putyakh soobshcheniya v Sibiri*. Irkutsk; 1908. Vol. 2. 479 p. (In Russ.).
10. *Soveshchanie o soedinenii sibirskikh rek s rekami Evropeiskoi Rossii*. In: *Collection of articles "Sibirskie voprosy"*. Saint Petersburg; 1911. No. 17. p. 16–20. (In Russ.).
11. Vostrotin S. Ob-Eniseiskii kanal i vnutrennii vodnyi sibirskii tranzitnyi put. In: *Collection of articles "Sibirskie voprosy"*. Saint Petersburg; 1906. No. 2. p. 1–49. (In Russ.).
12. *Trudy mezhduvedomstvennogo soveshchaniya s predstaviteleyami obshchestvennykh organizatsii i parokhodovladeltsev po rassmotreniyu smetnykh predpolozheniy*

- положений Управления Томского округа путей сообщения на 1915 год. Томск, 1914. 146 с.
13. Труды совещания чинов Томского округа п. с. под председательством начальника Томского округа п. с. инженера Н. В. Попова с участием представителей других ведомств, городов и биржевых комитетов по вопросу о рассмотрении предположений о работах на путях Томского округа п. с., подлежащих внесению в смену на 1914 год. Томск, 1913. 119 с.
  14. Сибирский торгово-промышленный и справочный календарь на 1900 год. Томск, 1900. 944 с.
  15. Сибиряков А. М. Описание плавания парохода «Оскар Диксон» в 1880 году к устьям Енисея. СПб., 1881. 7 с.
  16. Сибиряков А. М. О путях сообщения Сибири и морских сношениях с другими странами. СПб. : тип. М. М. Стасюлевича, 1907. 199 с.
  17. РГИА. Ф. 499. Оп. 1. Д. 147.
  18. Макаров С. О. Отчет вице-адмирала Макарова об осмотре им летом 1897 года, по поручению министра финансов С. Ю. Витте, морского пути на реки Обь и Енисей. СПб., 1898. 81 с.
  19. Академическая история Югры: в 8 т. / под общ. ред. Р. Г. Пихоя. Ханты-Мансийск : Изд. дом «Новости Югры», 2024. Т. 5. 720 с.
13. Upravleniya Tomskogo okruga putei soobshcheniya na 1915 god. Tomsk; 1914. 146 p. (In Russ.).
  13. Trudy soveshchaniia chinov Tomskogo okruga p. s. pod predsedatelstvom nachalnika Tomskogo okruga p. s. inzhenera N. V. Popova s uchastiem predstavitelei drugikh vedomstv, gorodov i birzhevyykh komitetov po voprosu o rassmotrenii predpolozhenii o rabotakh na putiakh Tomskogo okruga p. s., podlezhashchikh vneseniiu v smenu na 1914 god. Tomsk; 1913. 119 p. (In Russ.).
  14. Sibirskiy torгово-promyshlennyi i spravochnyi kalendar na 1900 god. Tomsk; 1900. 944 p. (In Russ.).
  15. Sibiryakov A. M. Opisanie plavaniya parokhoda "Oskar Dikson" v 1880 godu k ustyam Eniseya. Saint Petersburg; 1881. 7 p. (In Russ.).
  16. Sibiryakov A. M. O putyakh soobshcheniia Sibiri i morskikh snosheniakh s drugimi stranami. Saint Petersburg: tip. M. M. Stasyulevicha; 1907. 199 p. (In Russ.).
  17. Russian State Historical Archives (RGIA). F. 499. Op. 1. D. 147. (In Russ.).
  18. Makarov S. O. Otchet vitse-admirala Makarova ob osmotre im letom 1897 goda, po porucheniyu ministra finansov S. Yu. Vitte, morskogo puti na reki Ob i Enisei. Saint Petersburg; 1898. 81 p. (In Russ.).
  19. Pikhoya R. G., ed. Akademicheskaya istoriya Yugry. In 8 vols. Khanty-Mansiysk: Izd. dom "Novosti Yugry"; 2024. Vol. 5. 720 p. (In Russ.).

Информация об авторе

О. А. Задорожня – кандидат исторических наук, доцент.

About the author

O. A. Zadorozhnyaya – Candidate of Sciences (History), Docent.

Научная статья

УДК 94(57)

<https://doi.org/10.35266/2949-3463-2024-4-6>

**Состояние медицинского обеспечения населения Сургутского уезда в 1919–1920 годы
в документальных источниках Муниципального архива города Сургута**

Елена Владимировна Лешукова

Сургутский государственный университет, Сургут, Россия

leshukova1971@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5698-5898>

Аннотация. Настоящая работа выполнена с целью восполнения существующего пробела региональной истории в понимании социальных процессов переломного для России периода Гражданской войны на территории современного Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. В ней зафиксированы результаты изучения документальных источников фонда Муниципального архива города Сургута, в большинстве своем представленных разнообразной документацией организационного, распорядительного и отчетного характера, отражающих состояние медицинского обеспечения населения Сургутского уезда в условиях завершения активной фазы военного противостояния сторонников и противников советской власти в 1919–1920 годы. Сделаны выводы об особенностях медицинского обслуживания жителей города Сургута и уезда в указанный период.

Ключевые слова: медицинское обеспечение населения, Гражданская война, Сургут, Югра, Сургутская уездная больница, Сургутский ревком, отдел здравоохранения, документальные источники

Шифр специальности: 5.6.1. Отечественная история.

Для цитирования: Лешукова Е. В. Состояние медицинского обеспечения населения Сургутского уезда в 1919–1920 годы в документальных источниках Муниципального архива города Сургута // Северный регион: наука, образование, культура. 2024. Т. 25, № 4. С. 58–64. <https://doi.org/10.35266/2949-3463-2024-4-6>.

Original article

**Medical provision state in Surgut uyezd in 1919–1920 in documentary sources
of Municipal Archive of Surgut**

Elena V. Leshukova

Surgut State University, Surgut, Russia

leshukova1971@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5698-5898>

Abstract. The work is intended to provide a comprehensive understanding of the social processes of the turning point for Russia, the Civil War, in the territory of the modern Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra. It describes the results of the study of documentary sources of the fund of Municipal Archive of Surgut, mostly represented by organizational, administrative and report documents, reflecting the state of medical care for the population of the Surgut uyezd in the context of the completion of the active phase of military confrontation between supporters and opponents of Soviet power in 1919–1920. The author draws conclusions about the features of medical care for Surgut city and uyezd residents during this period.

Keywords: medical provision for population, Civil War, Surgut, Yugra, Surgut Uyezd Hospital, Surgut Revkom, Health Department, documentary sources

Code: 5.6.1. Russian History.

For citation: Leshukova E. V. Medical provision state in Surgut uyezd in 1919–1920 in documentary sources of Municipal Archive of Surgut. *Severnoy region: nauka, obrazovanie, kultura*. 2024;25(4):58–64. <https://doi.org/10.35266/2949-3463-2024-4-6>.

ВВЕДЕНИЕ

Проблема медицинского обеспечения и обслуживания населения в условиях военно-политического противоборства сторонников и противников советской власти 1918–1922 гг. является одной из менее изученных в отечественной историографии Гражданской войны. В советский период преобладали исследования, раскрывавшие военную сторону борьбы, и к данному аспекту, не вписывавшуюся в созданную и в советской, и в зарубежной историографии политизированную концепцию Гражданской войны, авторы обращались крайне редко. Вопросы медицинского обслуживания и обеспечения населения в период Гражданской войны в основном были представлены в работах организаторов советской системы здравоохранения Н. А. Семашко [1], М. И. Барсукова [2], З. П. Соловьёва [3] и др. Как отметил Д. Л. Островкин, «советские историки акцентировали внимание на успехах медицины после Октябрьской революции и объявляли виновниками массовых эпидемий белогвардейские правительства. Данный тезис был введен в литературу еще в 1920 г. народным наркомом здравоохранения Н. А. Семашко» [4, с. 84].

В постсоветское время изменения политической обстановки активизация внимания исследователей к проблеме медицинского обеспечения в период Гражданской войны во многом обусловлена усилением антропологического и социокультурного подходов в исторических исследованиях. В первые десятилетия XXI в. появились работы Д. Л. Островкина [4], А. В. Посадского [5], В. А. Шаламова [6] и др., разносторонне изучавшие состояние отечественной медицины в 1917–1922 гг. Однако тема медицинского обслуживания и обеспечения в годы Гражданской войны на территории Тобольской (Тюменской) губернии оставалась на периферии научного интереса современных историков и не получила должного освещения в современной историографии.

Цель данной работы заключалась в анализе и оценке сведений, выявленных в неопубликованных документальных источниках Муниципального архива г. Сургута, о материаль-

ном и кадровом обеспечении, деятельности по оказанию медицинской помощи жителям г. Сургута и уезда в условиях завершения активной фазы Гражданской войны.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Предметом исследования являлись сведения из неопубликованных документальных источников фонда 158 Муниципального архива г. Сургута, большинство из которых являются рукописными текстами, что осложнило анализ содержащейся в них информации. При помощи историко-сравнительного и историко-типологического методов установлены основные обстоятельства функционирования медицины в Сургутском уезде в 1919–1920 гг., связанные с обеспечением квалифицированным персоналом, наличием медикаментов, оборудованных помещений, оказания лечебной помощи населению.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

В период Гражданской войны на территории современного Ханты-Мансийского автономного округа – Югры размещались два уезда – Сургутский и Березовский. Сургутский уезд занимал площадь «221 343 кв. версты с населением около 12 тысяч обоего пола», проживавших в 246 населенных пунктах и 10 сельских обществах [7, л. 1]. В состав уезда входило пять волостей: Ларьякская, Лумпокольская, Локосовская, Тундринская и Юганская. И как следует из доклада Сургутскому ревкому врача Павла Евгеньевича Суетина от 28 декабря 1919 г., «весь этот обширный край обслуживали семь медицинских работников: один врач, одна акушерка и пять фельдшеров, из которых трое – врач, акушерка и один фельдшер проживали в г. Сургут, работая при единственной на весь уезд больнице и оказывая помощь населению города и близлежащих к нему населенных пунктов» [7, л. 1 об.]. Остальные фельдшера имели постоянное жительство в сс. Ларьяк, Ново-Лумпокольское, Локосовское и Тундринское. Юганская волость и с. Вартовское «остаются совершенно без всякой медицинской помощи» [7, л. 1 об.]. Вычислено, что в Сургутском уезде на одного квалифицированного

медика приходилось более 1 700 человек. В письменном ответе врача П. Е. Суетина на запрос Сургутского ревкома от 2 апреля 1920 г. о предоставлении именного списка служащих в возрасте от 18 до 40 включительно [7, л. 11] сказано, что таких нет. Таким образом, весь квалифицированный медицинский персонал Сургутского уезда в 1919–1920 гг., учитывая самого врача, был старше 40 лет.

Устройство Сургутской уездной больницы отражено в «Опросном листе по топливу» [7, л. 26]. Больница имела четыре палаты, коридор, кухню и теплый туалет (клозет). Общая площадь всех помещений составляла 60 кв. саженей, освещавшихся шестью керосиновыми лампами и отапливавшихся семью голландскими и двумя кухонными печами. Также имелись две плиты и один куб. При горении в сутки в течение девяти часов расход керосина в каждой лампе в сутки в среднем составлял один фунт, в месяц – 30 фунтов. Средний суточный расход топлива на все печи составлял 2,2 аршин, месячный расход – 7,5 кв. сажен. Как следует из описания врачом П. Е. Суетиным «нужд местной больницы», включающего девять пунктов, здание Сургутской уездной больницы нуждалось в серьезном ремонте от деревянного фундамента, требовавшего замены на кирпичный, до крыши. Врач считал, что в здании больницы были необходимы и теплый клозет, и ванная комната, и баня, и новые печи, а также устройство элементарной вентиляции и заразного отделения.

Особый интерес представлял составленный П. Е. Суетиным «Список медикаментам, прочими аптечными предметами и инструментом, поступившим от ветеринарного фельдшера» 18 декабря 1919 г. Перечень из этого документа, включающий около 50 наименований препаратов на латыни, позволил считать указанный документальный источник уникальным, содержащим редкие сведения о медицинских препаратах, используемых в лечебных целях в период Гражданской войны. Так, среди медицинских препаратов в Сургутском уезде на момент составления данного документа, имелись: борная кислота, муравьиная кис-

лота, аспирин, камфора, опиум, мышьяк, хинин, йод, марганцовокислый калий (марганцовка), каломель и др.

О том, что в 1920 г. в Западной Сибири остро ощущался недостаток медикаментов, свидетельствует постановление Сибирского революционного комитета от 10 марта 1920 г., утвержденное М. И. Фрумкиным [7, л. 22], в котором предписывалось «всем учреждениям, советским и частным, а также частным лицам в течение 10 дней для губернских городов и 20 дней для других местностей губернии со дня опубликования настоящего постановления в местных органах печати представить в местные здравотделы точный список» [7, л. 22], включавший медикаменты, химические, химико-фармацевтические препараты, перевязочные средства, предметы ухода за больными, хирургические и зубоорудные инструменты и материалы, предметы госпитального и аптечного или лабораторного оборудования «с целью их учета и правильного распределения» [7, л. 22]. В указанный срок сведения о взятых на учет предметах должны были представляться «в двух экземплярах в губернских городах Губздравотделу, а в губернии – в соответствующий уездный Здравотдел, посылая немедленно один экземпляр описи в Губздравотдел. Губздравотделы ежемесячно представляют сводку учтенного и переданного им медсанимущества в Сибздравотдел» [7, л. 22]. Выполнять данное постановление Сибревкома и предоставлять сведения о наличии медсаноборудования, а затем получать от местного здравотдела особое разрешение на его использования также должны были и «вольнопрактикующие врачи, зубные врачи, фельдшера, акушерки» [7, л. 22 об.]. Сибревком налагал запрет на «всякий отпуск и передвижение вышеозначенных материалов без разрешения местного Здравотдела» [7, л. 22 об.], скупку «медицинских и фармацевтических имуществ учреждений и лицами, кроме Сиб. и Губздравотделов, а также передвижение или вынос таковых из пределов Сибири или губернии». Сокращение от учета медицинского имущества, рассматриваемое как спекуляция, в случае обнаружения конфисковывалось, а «виновные

в нарушении этого постановления привлекаются к суду Ревтрибуналов» [7, л. 22 об.]. Таким образом, особенно ценно наличие в Сургутском уезде разнообразного количества медикаментов при дефиците медицинских препаратов.

Из протоколов допросов граждан Сосунова Ивана Ильича [8, л. 52], Кибо Адама Адамовича, Рязанова Александра Сергеевича, Панкина Степана Ивановича [7, л. 14 об.] выявлено, что обретение Сургутской уездной больницы медикаментов в условиях их повсеместного дефицита и строжайшего учета является в некотором роде детективной историей, поскольку на многие вопросы, связанные с обстоятельствами их появления в сохранившихся документах, ответов нет. Единственным установленным фактом можно считать то, что до прихода красных аптечные препараты и инструменты хранились в архиве при «сургутской белогвардейской милиции» [8, л. 52] в нескольких ящиках. Однако в указанных документах нет сведений о том, откуда и кто их привез, почему в милицию, а не в больницу, по какой-то причине, «после эвакуации белых остались не увезенными» [8, л. 52], а также точное количество ящиков (два или три). Так, 23 марта 1920 г. на допросе И. И. Сосунов рассказал следователю Тобольской уездной чрезвычайной комиссии Кучинскому, что после отступления колчаковцев из «неизвестно кому принадлежавших» ящиков «покойным медицинским фельдшером Назаровым, в присутствии бывшего помощника начальника Розанова была сделана небольшая выемка некоторых медикаментов для Сургутской больницы» [8, л. 52], при этом «известь, карболка и зеленое мыло валялись в кладовой милиции» [8, л. 52]. Ставший начальником милиции Сургутского уезда С. И. Панкин передал медикаменты и медицинские инструменты в больницу под расписку врача П. Е. Суетина, который и составил их список.

К сожалению, в документальных источниках Муниципального архива г. Сургута сохранилось мало имен руководителей и сотрудников здравоохранения губернского и уездного уровней. Заведующим отделом здравоохранения Тобольской губернии был

Демьянов, заведующим санитарно-эпидемическим подотделом – И. Марейн [7, л. 29]. В некоторых документах встречаются имена сургутских фельдшеров: В. Нехаев, Назаров [8, л. 52], Куклин [9, л. 43]. Судя по заявлению фельдшера В. Нехаева, он был арестован, однако «вследствие крайне подавленного душевного состояния» отказался «воспользоваться предложенной Революционным Комитетом временной свободой», но в дальнейшем «убедившись, что воздух камеры в связи с тяжелым душевным состоянием оказывает разрушающее влияние на мой ослабленный болезнями, перенесенными за время моей многолетней служебной деятельности, организм» [8, л. 6–6 об.], изменил свое решение и просил Сургутский ревком «разрешить воспользоваться предлагаемой свободой» [8, л. 6 об.].

Многие документы, отражающие состояние медицинского обеспечения населения г. Сургута и Сургутского уезда в 1919–1920 гг., подписаны заведующим Сургутским здравотделом врачом Павлом Евгеньевичем Суетиным. О личности этого человека по документальным источникам известно немного. Сохранились два его заявления в Сургутский ревком. В одном из них от 30 мая 1920 г. он просил «сделать распоряжение оставить для нужд местной больницы из имеющихся в распоряжении местного райпрокома запасы», включавшие мед и чай. «Остальной запас прошу распределить между населением по Вашему усмотрению, избавив меня от всякого участия в этом деле», – отмечал врач [7, л. 21 об.]. В другом заявлении от 21 июня 1920 г. он написал: «При проезде моем на службу в г. Сургут в марте 1914 я вынужден был оставить часть своих домашних вещей (кухонные принадлежности, самовар и умывальник) – всего 4, весом 12–15 пуд, в г. Тобольск, в доме гр. Константина Васильевича Силина. Прошу ревком дать мне разрешение на вывоз этих вещей в г. Сургут» [7, л. 24 об.]. Оба заявления свидетельствуют о порядочности и законопослушности человека, возглавлявшего Сургутское здравоохранение в 1919–1920 гг., честно и добросовестно выполнявшего свой профессиональный долг, несмотря на происходившие перипетии, связанные со сменой власти.

О состоянии медицинского обслуживания Сургутского уезда в конце 1919 г. в документальном обзоре «К вопросу о постановке медицинского дела в Сургутском уезде Тобольской губернии» П. Е. Суетин сделал вывод о том, что «при указанной величине уезда и отсутствию удобных путей сообщения (летом в лодке)», имевшегося «количества медицинских сил недостаточно» [7, л. 1 об.], поскольку «отдаленность края, суровые условия службы и отсутствие элементарных культурных удобств служат препятствием для привлечения сюда на службу медицинских работников» [7, л. 1 об.], а «привилегиями службы в здешнем крае была в последнее время только 10 %-ная прибавка к жалованью: в настоящее время, при постоянно увеличивающейся дороговизне жизни, этого слишком недостаточно» [7, л. 2]. Для улучшения медицинского обеспечения Сургутского уезда П. Е. Суетин считал необходимым предпринять следующие меры: открыть фельдшерские пункты в сс. Юганском и Вартовском и три медицинских участка в Сургуте, и в сс. Тундринском и Ново-Лумпокольском с больницей и необходимым штатом медицинских работников в каждом (врач, два фельдшера и фельдшерица-акушерка). В Отдел здравоохранения при ревкоме, по мнению П. Е. Суетина, «должны войти с правом голоса по всем специальным вопросам Отдела по одному представителю от организации медико-санитарных работников, то есть хотя бы 1 фельдшер и 1 врач» [7, л. 2 об.]. После того, как заведующим здравотделом Сургутского уезда стал Анатолий Васильевич Тарасов, Павел Евгеньевич Суетин возглавил лечебный подотдел [9, л. 29]. Как показало исследование В. В. Цыся, во время дальнейших событий Гражданской войны в Сургутском уезде, связанных с Западно-Сибирским крестьянским восстанием 1921 г. (когда 9 марта власть в Сургуте перешла к повстанцам), в городе «действовал военный госпиталь», в котором трудились врач П. Е. Суетин и фельдшер В. И. Рассохин [10, с. 51].

В сохранившихся документах Муниципального архива г. Сургута также найдено отражение деятельности сургутских медиков

по борьбе с заразными заболеваниями, получившими широкое распространение в годы Гражданской войны. В 1920 г. в городе имели место тиф и корь. Как следует из «Доклада о деятельности уездного отдела здравоохранения за ноябрь месяц», к концу осени 1920 г. в Сургуте «коревые заболевания» носили массовый характер «преимущественно среди детей» [11, л. 43], имели место несколько смертельных случаев от осложнений (воспаления легких). В заразном отделении Сургутской уездной больницы на лечении находилось 12 больных корью, из которых к 1 декабря 1920 г. осталось трое, то есть большинство выздоровели, никто не умер. Всего амбулаторных больных в Сургуте в ноябре 1920 г. «состояло без повторных 334 человека, из которых 4 венерика, 29 коревых» [11, л. 43 об.]. Тифозных больных в это время на лечении в Сургутской уездной больнице, которых «находилось девять человек», из них к 1 декабря 1920 г. осталось двое, остальные выздоровели, «смертных случаев не было» [11, л. 43]. Однако на территории Сургутского уезда борьба с этим заболеванием осложнялась тем, что «никаких сведений от пунктов фельдшерских» в уездный отдел здравоохранения не поступало, и сургутским медикам часто приходилось ориентироваться на слухи, доходившие до города из волостей, которые иногда оказывались преувеличенными. В частности, «слухи о массовых тифозных заболеваниях» из Ваха «рассеял прибывший оттуда капитан парохода “Смелый”, который и выяснил, что эти слухи ложны» [11, л. 43]. Случаи заболевания возвратным тифом фиксировались в 18 км от Сургута в пос. Банное, в Ново-Никольской волости, на станции Галец. Судя по документальным источникам, заболеваемость тифом среди сургутян продолжалась с весны по осень 1920 г. В письме заведующего здравотделом П. Е. Суетина в Сургутский ревком отражено, что такая знакомая современной профилактике заразных заболеваний мера, как закрытие школ на карантин, имела место в Сургутском уезде с 24 марта по 20 апреля 1920 г., на основании заболеваемости «детей сыпным и возвратным тифом» [7, л. 8].

Сохранившиеся документы подтвердили, что Сургутский отдел здравоохранения имел двойное подчинение. С одной стороны, в качестве структурной единицы он подчинялся Сургутскому ревкому, с другой стороны – отделу здравоохранения Тобольской губернии, обязательные постановления которого он должен был выполнять. Так, постановление от 19 апреля 1920 г. предписывало «в связи с ослаблением эпидемии тифа» [8, л. 102] ликвидацию к 1 мая всех действовавших в губернии чекатифов и передачу права на их имущество здравотделам. Другой документ – обязательное постановление № 3 от 6 мая 1920 г., который предписывал «всем волостным исполкомам, кооперативным и общественным учреждениям, всем гражданам Тобольского уезда» содержать в чистоте кладбища, площади и улицы, дворы, свалки, частные жилища и жилые помещения, помещения учреждений, бань, водоемов, общественных колодцев, а также «все требования местных врачей и лекарских помощников, направленные к улучшению санитарно-гигиенического состояния местности» выполнять «точно и аккуратно» [7, л. 29].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основании анализа документальных источников Муниципального архива г. Сургута доказано, что несмотря на ожесточенный характер военно-политического противоборства Гражданской войны, медицина выполняла свою главную социальную функцию

защиты здоровья населения. В Сургутском уезде в указанный период осуществление этой функции легло на плечи малочисленного медицинского персонала. Первое время после восстановления советской власти им руководил Павел Евгеньевич Суетин, который является автором многих из сохранившихся документальных источников, запечатлевших уровень состояния медицинского обеспечения жителей Сургута и уезда. В 1919–1920 гг. среди населения уезда получили распространение инфекционные заболевания: корь, сыпной и возвратный тиф. Но оказание медицинской помощи в условиях завершения активной фазы Гражданской войны осложнялось рядом объективных обстоятельств: обширная территория, отсутствие надежных путей сообщения, нехватка квалифицированных кадров, всего одна больница. Пристальное внимание в сохранившихся документах уделено появлению в Сургуте разнообразных медикаментов и медицинских инструментов. Однако точных сведений об их появлении и дальнейшем употреблении документальные источники не содержат.

Несмотря на неполноту информации о состоянии медицинского обеспечения населения во время Гражданской войны, документальные источники Муниципального архива г. Сургута имеют существенное значение не только для понимания местной истории, но и способствуют осмыслению процесса Великой российской революции 1917–1922 гг. в общегосударственном масштабе.

Список источников

1. Семашко Н. А. Очерки по теории организации советского здравоохранения. М. : Изд-во Академии медицинских наук СССР, 1947. 47 с.
2. Барсуков М. И. Великая Октябрьская социалистическая революция и организация советского здравоохранения : автореф. дис. ... д-ра мед. наук. М. : Медгиз, 1950. 51 с.
3. Соловьев З. П. Строительство советского здравоохранения / под ред. М. Ландиса. М. : Медгиз, 1932. 333 с.
4. Островкин Д. Л. Становление советских органов здравоохранения на Урале и их роль в преодолении эпидемий в регионе в годы революции и Гражданской войны (1917 – начало 1921) // Вестник Академии наук Республики Башкортостан. 2019. Т. 32, № 3. С. 82–91.

References

1. Semashko N. A. Ocherki po teorii organizatsii sovetskogo zdravookhraneniya. Moscow: Izd-vo Akademii meditsinskikh nauk SSSR; 1947. 47 p. (In Russ.).
2. Barsukov M. I. Velikaya Oktyabrskaya sotsialisticheskaya revolyutsiya i organizatsiya sovetskogo zdravookhraneniya. Extended Abstract of Doctoral (Medicine) Thesis. Moscow: Medgiz; 1950. 51 p. (In Russ.).
3. Solovyov Z. P. Stroitelstvo sovetskogo zdravookhraneniya. Landis M., ed. Moscow: Medgiz; 1932. 333 p. (In Russ.).
4. Ostrovkin D. L. Formation of Soviet health authorities in the Urals and their role in tackling the epidemics in the region during the revolution and civil war (1917 – early 1921). *Vestnik Akademii nauk Respubliki Bashkortostan*. 2019;32(3):82–91. (In Russ.).

-
5. Посадский А. В. Медицина Белого Юга в Гражданской войне: структура, решения, повседневность // Новейшая история России. 2020. Т. 10, № 2. С. 315–329. 6. Шаламов В. А. Здравоохранение в Забайкальской области в начальный период Гражданской войны (весна–лето 1918 г.) // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2015. № 9. С. 287–294. 7. МКУ «Муниципальный архив города Сургута». Ф. 158. Оп. 1. Д. 26. 8. МКУ «Муниципальный архив города Сургута». Ф. 158. Оп. 1. Д. 47. 9. Государственный архив Тюменской области (ГАТО). Ф. 14. Оп. 1. Д. 57. 10. Цысь В. В. Сургут под властью участников Западно-Сибирского крестьянского восстания 1921 года // Вестник Нижневартковского государственного университета. 2014. № 2. С. 49–53. 11. МКУ «Муниципальный архив города Сургута». Ф. 158. Оп. 1. Д. 86.	5. Posadsky A. V. Medicine in the White South during the Russian Civil War: Structures, Solutions, Everyday Life. <i>Modern History of Russia</i>. 2020;10(2):315–329. (In Russ.). 6. Shalamov V. A. Healthcare service in the Trans-Baikal region in the initial period of the Civil war (spring–summer 1918). <i>Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta</i>. 2015;(9):287–294. (In Russ.). 7. Municipal Archive of Surgut (MAGS). F. 158. Op. 1. D. 26. (In Russ.). 8. Municipal Archive of Surgut (MAGS). F. 158. Op. 1. D. 47. (In Russ.). 9. State Archive of the Tyumen Oblast (GATO). F. 14. Op. 1. D. 57. (In Russ.). 10. Tsys V. V. Surgut under the West-Siberian 1921 Peasants' Revolt. <i>Bulletin of Nizhnevartovsk State University</i>. 2014;(2):49–53. (In Russ.). 11. Municipal Archive of Surgut (MAGS). F. 158. Op. 1. D. 86. (In Russ.).

Информация об авторе

Е. В. Лешукова – кандидат исторических наук, старший преподаватель.

About the author

E. V. Leshukova – Candidate of Sciences (History), Senior Lecturer.

Научная статья

УДК 342.26(091)(571.1)

<https://doi.org/10.35266/2949-3463-2024-4-7>

К вопросу о формировании западных границ проектируемой Западно-Сибирской области в 1923 году

Константин Брониславович Корженевский

Нижевартовский государственный университет, Нижневартовск, Россия

kOnstantin_lg@mail.ru

Аннотация. Несмотря на наличие в научной среде ряда работ, посвященных различным аспектам районирования Российской Советской Федеративной Социалистической Республики, в том числе и в Сибири, малоизученными являются вопросы реализации проекта Госплана на местах, особенно в отношении разграничения территорий. В исследовании рассмотрены процессы, в рамках которых велось обсуждение сибирскими властями в тесной связи с заинтересованными сторонами темы западной границы проектируемой области. В статье показана вся сложность определения статуса спорных территорий между Сибирью и Уралом, возникшая задолго до начала районирования. Отмечено, что исходя из твердой позиции уральских властей и решения центральных властей, вся Тюменская губерния, включая Тобольский Север и Ишимский уезд, отошла к созданной в 1923 году Уральской области. Раскрыты причины, согласно которым создание Западно-Сибирской области после 1923 года было не просто делом затруднительным, но и в целом невозможным.

Ключевые слова: Западно-Сибирская область, районирование, административно-территориальные границы, Сибирь, Урал, Омск, Тобольский Север, Ишимский уезд, Сибревком

Шифр специальности: 5.6.1. Отечественная история.

Для цитирования: Корженевский К. Б. К вопросу о формировании западных границ проектируемой Западно-Сибирской области в 1923 году // Северный регион: наука, образование, культура. 2024. Т. 25, № 4. С. 65–71. <https://doi.org/10.35266/2949-3463-2024-4-7>.

Original article

On issue of Western borders formation in projected Western-Siberian Oblast in 1923

Konstantin B. Korzhenevsky

Nizhnevartovsk State University, Nizhnevartovsk, Russia

kOnstantin_lg@mail.ru

Abstract. Despite several scientific works on zoning in the Russian Soviet Federative Socialist Republic (including Siberia), local implementation issues of the Gosplan project, particularly territorial delimitation, remain poorly researched. The study examines the processes within which the Siberian authorities discussed the topic of the Western border of the projected area hand in glove with interested parties. The article shows the complexity of determining the status of the disputed territories between Siberia and the Urals, which arose long before zoning began. It is noted that, based on the firm position of the Ural authorities and the decision of the central authorities, the whole Tyumen gubernia, including the Tobolsk North and Ishim uyezd, went to the Ural region created in 1923. The reasons for the impossibility, as well as the difficulty, of creating the West Siberian region after 1923 are revealed.

Keywords: West-Siberian Oblast, zoning, administrative borders, Siberia, Ural, Omsk, Tobolsk North, Ishim uyezd, Siberian Revolutionary Committee, Sibrevcom

Code: 5.6.1. Russian History.

For citation: Korzhenevsky K. B. On issue of Western borders formation in projected Western-Siberian Oblast in 1923. *Severny region: nauka, obrazovanie, kultura*. 2024;25(4):65–71. <https://doi.org/10.35266/2949-3463-2024-4-7>.

ВВЕДЕНИЕ

Советское государство на раннем этапе своего существования нуждалось в скорейшем изменении системы административно-территориального устройства страны. В первую очередь это было связано с необходимостью ухода от устаревшего царского губернского устройства с созданием такой системы, которая в полной мере отражала бы устремления новой власти в деле построения социализма и коммунизма. Во-вторых, важно было не просто уничтожить старую административно-территориальную систему, а выстроить ее в соответствии с экономическими потребностями молодого советского государства.

Несмотря на то, что большевики прекрасно понимали значимость скорейшего начала реформирования государства, вплоть до начала 1920-х гг. фактически никаких практических работ не проводилось. Связано это было непосредственно с тяжелой обстановкой в России в условиях Гражданской войны. Столь нужные изменения требовали в обязательном порядке серьезной подготовительной работы как теоретического, так и практического порядка. Кроме того, необходимо было разрешить сложную задачу совмещения национально-государственной политики с экономикой, определить то, какое место должны занять автономии в деле построения цельных экономически самостоятельных областей.

В Западной Сибири, согласно Госплану, предполагалось организовать две области: Западно-Сибирскую, охватывавшую обширнейшие территории за Уралом (от Северного Ледовитого океана до южных степей) и Кузнецко-Алтайскую (Томская губерния, Кузнецкий бассейн, российский Алтай и Барабинская степь).

При этом границы проектируемых областей были грубо обозначены на бумаге и далеко не всегда совпадали с реальным положением дел. Это же заключение справедливо и в отношении границ Западно-Сибирской области, предусмотренной Госпланом. Таким образом, властям в процессе реализации проекта Госплана в Сибири необходимо было четко определить границы создаваемых экономических областей, что было проблема-

тично, особенно в вопросе разграничения Сибири с Уралом, так как и сибирские, и уральские власти претендовали на огромные территории Западной Сибири.

Целью являлось изучение определения западной границы проектируемой Западно-Сибирской области. На момент написания статьи отсутствовали исследования подобного рода, посвященные проблеме формирования границ Западно-Сибирской области с Уралом.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

На сегодняшний день существует большое количество работ, затрагивавших с той или иной стороны проблематику формирования административно-территориальной системы Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (РСФСР) в ранний период существования советского государства.

Обобщенный характер имеют работы таких авторов, как А. В. Лужин, Е. А. Иванова, В. Н. Круглов [1–3]. В них ученые исследовали различные аспекты административно-территориального реформирования советского государства. Выделяются труды В. Н. Казарина, В. П. Мотревича, К. И. Зубкова, С. А. Шпагина, занимавшихся непосредственно проблематикой административного и хозяйственного районирования Сибири и Урала [4–7].

Источниковой базой исследования послужили документы, напечатанные в различных сборниках [8–10], содержащие подробную информацию о проведении административно-территориальной реформы в Советском государстве, принятии местными и центральными властями судьбоносных решений и т. д. Второй группой источников выступили неопубликованные материалы, хранящиеся в российских архивах: Государственном архиве Российской Федерации, Российском государственном архиве экономики, Историческом архиве Омской области, Государственном архиве Новосибирской области.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Непосредственный старт всем процессам районирования как по всей РСФСР, так и в Сибири дан в 1923 г. На XII съезде Российской Коммунистической партии (большевиков)

(РКП(б)), проходившем в апреле в Москве, была принята резолюция «О районировании» по докладу А. И. Рыкова [11, с. 697–698]. Постановление XII съезда Коммунистической партии признало устаревшим существовавшее на то время административное деление России и стало решительным толчком в деле начала реализации проекта Госплана по созданию на территории РСФСР ряда областей [12, л. 129]. В основу районирования был положен экономический принцип, при котором в виде области должна была выделиться обособленная и экономически замкнутая территория страны, которая благодаря комбинациям природных особенностей, культурных накоплений прошлого времени и населения с его подготовкой для производственной деятельности, представляло бы одно из звеньев общей цепи народного хозяйства советского государства [13, л. 6].

Районирование невозможно было осуществить одновременно на всей территории РСФСР, поэтому в качестве эксперимента было решено начать с районирования двух областей. В соответствии с этим в 1923 г. была создана Уральская область, в 1924 г. – Кавказский край.

На территории, подведомственной Сибирскому ревкому, Госпланом к концу 1922 г. было запроектировано создание четырех областей: Западно-Сибирской, Кузнецко-Алтайской, Енисейской и Ленско-Байкальской [14, л. 138]. В свою очередь, первые две области охватывали западносибирские территории.

В экономической основе Западно-Сибирской области в составе Тюменской и Омской губернии, части Челябинской и Акмолинской губерний, Нарымского края и северо-западной части Новониколаевской губернии лежало сельское хозяйство, лесное, пушное и рыбное дело.

Кузнецко-Алтайская область из Томской (без Нарымского края), Новониколаевской и Алтайской губерний и юго-западной части Енисейской губернии имела промышленную спецификацию (углепромышленность, промышленность черного металла, медь, золото, лесное дело, пушное и рыбное дело).

В феврале 1923 г. проект Госплана рассмотрен Сибирским экономическим совещанием, после чего в марте проведена встреча с представителями губпланов и губстатбюро губерний, на которой внесен ряд коррективов в границы проектируемых губерний [15, л. 31–32]. В окончательном виде одобренный проект по Западно-Сибирской области включил Омскую губернию, Курганский уезд, Тюменский, Ишимский и Тобольский уезды Тюменской губернии, Каинский уезд Новониколаевской губернии, а также Петропавловский уезд Киргизской АССР. Нарымский же край, отнесенный по проекту Госплана к Западно-Сибирской области, совещанием был отнесен к Кузнецко-Алтайской как экономически непрерывно с ней связанный [16, л. 242]. Предварительные работы по районированию Западно-Сибирской области было доверено вести Омскому губплану [16, л. 366].

В соответствии с этим решением западные границы Западно-Сибирской области было необходимо согласовать с Уралом. При этом ни о каком единодушии в определении границы между Сибирью и Уралом не было. Серьезные проблемы были с определением статуса как Тобольского Севера и Ишимского уезда, так и в целом всей Тюменской области.

Вопрос о спорности владения территориями Ишимского уезда и Тобольского Севера между Уралом и Сибирью стоял на обсуждении, начиная с 1920 г. С образованием Сибревкома в 1919 г. в его подчинение были включены Тюменская (Тобольская) губерния, а Ишимский уезд был передан из состава Тюменской в Омскую губернию [17, л. 68]. При этом по административно-территориальной линии Тюменская губерния подчинялась Сибревкому и Сиббюро РКП(б), а по военной линии – Совету 1-й Революционной армии труда, созданному в январе 1920 г. Это двойное подчинение создавало неудобства, поэтому весной 1920 г. возникла проблема передачи губернии из ведения Сибревкома Совету 1-й Революционной армии труда [9, с. 30].

Совет народных комиссаров (СНК) 13 апреля 1920 г. Тюменскую губернию вместе с Ишимским уездом в военно-хозяйственном отношении подчинил 1-й Революционной

армии труда и отправил данное постановление во Всероссийский центральный исполнительный комитет (ВЦИК) на утверждение [8, с. 27]. Постановлением от 21 апреля 1920 г. ВЦИК одобрил решение СНК, утвердив данное изменение [18, л. 58]. Сибревком пытался опротестовать данное решение, в особенности изъятие из состава Омской губернии Ишимского уезда, но все протесты были тщетны. Так, Ишимский уезд решением центральных властей был возвращен обратно в состав Тюменской губернии, а саму губернию переподчинили 1-й Революционной армии труда. Ревсовет 1-й трудовой армии распространял свою компетенцию на всю территорию Урала и Зауралья. После его расформирования в начале 1922 г. постановлением СНК был образован Уралэкономсовет, который в порядке исторической преемственности сохранил влияние на ту же территорию [19, с. 10].

Сибиряки, несмотря на потерю территории Тюменской губернии, продолжали вынашивать планы включения западносибирских земель в состав «Сибревкомовской Сибири». Так, в марте 1921 г. комиссия Сибревкома, рассмотрев вопрос о желательности отнесения части Тюменской губернии к территории Сибири с соответствующим подчинением ее административных и хозяйственных органов Сибревкому, пришла к заключению о необходимости Туринского, Шадринского и Тюменского уездов, важных для развития Урала, выделении их из состава Тюменской губернии и введении в состав непосредственно уральской территории. Остальные уезды Тюменской губернии по условиям климатическим, почвенным и хозяйственным, составлявшие единое целое с западносибирской территорией, предполагалось присоединить к последней, причем Ишимский уезд ввести в состав Омской губернии, а из Тобольского, Березовского и Сургутского уездов образовать Тобольскую губернию с подчинением ее Сибревкому [20, л. 24].

Власти Тюменской губернии считали, что она более тяготеет к Уралу, чем к Сибири. Так, пленум Тюменского губернского экономического совещания, рассматривая 1 сентября 1922 г. вопрос о районировании

Тюменской губернии, отмечал тяготение губернии к Уралу, но при этом признавал необходимость создания самостоятельной Зауральской губернии [21, л. 25–25 об.].

Летом 1923 г. омские губернские власти в соответствии с возложенными на них обязанностями занимались изучением внутренней проектной документации, прорабатывая различные вопросы, относившиеся к созданию Западно-Сибирской области. При этом восточные границы были согласованы на Сибирском съезде губплановых комиссий, а сам проект получил одобрение со стороны Сибревкома и Госплана, то в обязательном порядке было необходимо согласование в отношении западных и южных границ с представителями территорий, подлежащих вхождению в Западно-Сибирскую область [22, л. 32].

В Омске 6–7 августа 1923 г. состоялось межгубернское совещание по районированию Западно-Сибирской области, в рамках которого шло бурное обсуждение, в том числе и по вопросам определения границ будущей области [23, л. 10]. Наряду с властями Омской губернии в нем приняли участие представители Госплана, Уралплана, Сибплана, Киргизской АССР, Тюменской и Новониколаевской губерний, а также уездов, подлежащих вхождению в состав проектируемой области [23, л. 33].

В отношении разграничения с Уралом вернулся спор между сибирскими и уральскими властями. Представитель Уралплана Б. В. Дидковский, высказывая доводы уральской стороны, настаивал на важности оставления Тобольского Севера в силу наличия на его территориях богатств, а именно: полезных ископаемых, леса и пушного зверя, необходимых для Урала в деле развития промышленного потенциала [23, л. 11]. Однако, представитель Омского губисполкома Марковский, парируя доводы оппонента, утверждал, что Тобольский Север в продовольственном отношении всегда снабжался из Омска, тем самым отмечалась неотъемлемая связь Тобольска с Омском. В свою очередь делегат от Тюменской губернии придерживался мнения, что и Тобольску, и самой Тюмени выгоднее оставаться в крепкой связи с Уралом из-за лучшей организованности

системы управления территорий. Это же касалось Ишимского, Курганского уездов, которые по сути своей являлись сельскохозяйственными и имели тесную экономическую связь с Омском, но в культурном и административном плане тяготели к Уралу [23, л. 11]. Тем самым представители Урала и Тюмени резко возражали против установления границ Западно-Сибирской области в рамках проекта Госплана, считая их неправильными.

Несмотря на то, что совещание подразумевало под собой принятие важных решений по созданию будущей области, делегаты так и не вынесли никакой общей резолюции, тем самым совещание оказалось безрезультатным.

Сибревком 2 сентября 1923 г., рассматривая проблему границ Западно-Сибирской области, признал необходимым включить в состав проектируемого субъекта Ишимский, Ялуторовский, Тюменский, Курганский уезды и Тобольский Север, за исключением лесного района Тавды, который допускалось оставить в составе Уральской области [16, л. 286]. Сибирская секция по районированию при Сибплане 8 сентября 1923 г., обсудив установление границы Западно-Сибирской области, подтвердила решение Сибревкома [16, л. 233].

В сентябре 1923 г. также состоялось заседание Уральской секции Госплана, которая в отношении внешних границ проектируемой Уральской области посчитала целесообразным отнести к Западно-Сибирской области все спорные территории, настояв лишь на включении в Уральскую область района Тавды, освоенного Уралом, на что ранее было получено согласие Сибревкома [24, л. 90].

Мнения сибирских властей, как и Уральской секции Госплана, являлись значимыми и в целом соответствовали основным замыслам начатого в стране реформирования, но последнее слово оставалось за центральной властью.

Комиссия ВЦИК по районированию РСФСР 6 октября 1923 г. касательно границ Уральской области постановила Тюменскую губернию в полном составе оставить в Уральской области впредь до разрешения общего вопроса о районировании Сибири [25, л. 145]. Утверждая проект положения об Уральской обла-

сти 24 октября, СНК постановил временно оставить в ее составе Тобольский и Ишимский округа [24, л. 8].

В какой-то мере подобное решение в центре было обусловлено лучшей подготовленностью Урала к процессам районирования. Уральская область изначально была запроектирована к созданию одной из первых в качестве образца. Когда сибирские власти только обсуждали вопросы будущего создания сибирских экономических областей, уральские власти уже подготовили проект создания Уральской области. Вследствие этого центру было проще доверить управление спорными территориями уральским властям, включив временно всю территорию Тюменской губернии в состав Уральской области до общего районирования Сибири, которое только предстояло осуществить.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

При проведении подготовительных работ по созданию двух западносибирских областей под руководством сибиряков была создана Уральская область, в которую временно вошли территории, определенные проектом Госплана в Западно-Сибирскую область. Согласно постановлению ВЦИК от 3 ноября 1923 г. о введении в действие положения об Уральской области, территория, относимая к образованным Тобольскому и Ишимскому округам, должна была оставаться в составе Уральской области впредь до разрешения общего вопроса о районировании Сибири [10, с. 1], таким образом спорные ишимские и тобольские территории оставались закрепленными за Уралом.

Данный факт временного закрепления части территории Западной Сибири за Уралом сначала поставил под сомнение целесообразность формирования в Сибири областей, в том числе и Западно-Сибирской, а потом и полностью перечеркнул возможность создания ряда областей на территории, подведомственной Сибревкому. Вследствие этого появилась идея создать одну большую сибирскую область [26, с. 22].

Создание Уральской области в том виде, в котором она была создана в 1923 г., предрешила дальнейшее создание как Западно-

Сибирской области, так и Кузнецко-Алтайской. Можно с уверенностью утверждать, что несмотря на активную предварительную работу омских властей (на которых как раз и была возложена обязанность подготовить почву для формирования Западно-Сибирской области), согласие Сибирского ревкома и Сибплана с омичами по ключевым вопросам реформирования территории Западной Сибири, вся эта работа оказалась ненужной, так как уже с начала фактических работ по районированию Урала вся основа проекта Госплана касательно Западной Сибири была подорвана. Сибирское руководство придерживалось основ проекта Госплана, стараясь от него не отходить, чего нельзя сказать об уральских властях, которые при создании Уральской области сознательно отошли от принятого советской центральной властью проекта районирования государства.

Сибиряки еще долгое время настаивали на пересмотре решения центральной власти. Разрабатывая в конце 1924 – начале 1925 гг. проект Сибирского края и рассматривая формирование его границ с Уральской областью (западная граница Сибирского края совпала с границами Западно-Сибирской области), они настаивали на включении в Сибирь как всего Тобольского Севера или хотя бы его части, так и Ишимского округа. В отношении остальных территорий бывшей Тюменской губернии сибирские власти уступили Уралу. К сожалению сибирских властей, в Сибирский край, созданный 25 мая 1925 г., получилось включить только Александровский район и несколько сельсоветов Ишимского округа [15, л. 35], в то время как вся остальная территория бывшей Тюменской губернии так и осталась под контролем уральских властей.

Список источников

1. Лужин А. В. Административно-территориальное устройство Советского государства. М. : Юридическая литература, 1969. 174 с.
2. Иванова Е. А. Разработка программы районирования в годы гражданской войны (1918–1921) как этап административно-территориального реформирования РСФСР // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2008. № 2. С. 113–116.
3. Круглов В. Н. Формирование территориального устройства РСФСР: административные, экономические и национальные аспекты (1918–1992 гг.) // Труды Института российской истории РАН. 2015. № 13. С. 217–240.
4. Казарин В. Н. Административно-территориальные преобразования в период «Сибревкомовской Сибири» // Иркутский Историко-экономический ежегодник : сб. ст. Иркутск : Байкальский государственный университет, 2013. С. 65–78.
5. Мотревич В. П. Уральская область РСФСР (к 90-летию образования) // Аграрный вестник Урала. 2013. № 11. С. 45–49.
6. Зубков К. И. Между Уралом и Сибирью: Тобольский Север в фокусе межрегионального соперничества начала 1920-х гг. // Тобольск научный – 2016 : материалы XIII Всерос. науч.-практич. конф. с междунар. участием, 10–11 ноября 2016 г., г. Тобольск. Тобольск : ООО Принт-Экспресс, 2016. С. 213–216.
7. Шпагин С. А. Из истории районирования Сибири: образование районов в Нарымском крае Томской

References

1. Luzhin A. V. Administrativno-territorialnoe ustroystvo Sovetskogo gosudarstva. Moscow: Yuridicheskaya literatura; 1969. 174 p. (In Russ.).
2. Ivanova E. A. Development of the Program of division into districts within Civil War (1918–1921) as the stage of administrative-territorial reforming of RSFSR. *Belgorod State University Scientific bulletin. History Political science Economy*. 2008;(2):113–116. (In Russ.).
3. Kruglov V. N. Formation of the Russian Federation's territorial structure: administrative, economic, and national aspects (1918–1992). *Trudy institute Rossiyskoy istorii RAN*. 2015;(13):217–240. (In Russ.).
4. Kazarin V. N. Administrativno-territorialnye preobrazovaniya v period "Sibrevkomovskoy Sibiri". In: *Collection of Articles "Irkutskiy Istoriko-ekonomicheskij ezhegodnik"*. Irkutsk: Baikal State University; 2013. p. 65–78. (In Russ.).
5. Motrevich V. P. Ural Region of Russia (the 90th anniversary of the formation). *Agrarian Bulletin of the Urals*. 2013;(11):45–49. (In Russ.).
6. Zubkov K. I. MezhdU Uralom i Sibiryu: Tobolsky Sever v fokuse mezhhregionalnogo sopernichestva nachala 1920-kh gg. In: *Proceedings of the All-Russian International 13th Research-to-Practice Conference "Tobolsk nauchny – 2016"*, November 10–11, 2016, Tobolsk. Tobolsk: ООО Print-Ekspress; 2016. p. 213–216. (In Russ.).
7. Shpagin S. A. From the history of Siberia's zoning: formation of districts in the Narymsky territory of Tomsk province. *Tomsk State University Journal of History*. 2021;(71):59–65. (In Russ.).

- губернии // Вестник Томского государственного университета. История. 2021. № 71. С. 59–65.
8. Административное районирование РСФСР : сб. постановлений, касающихся административно-территориального деления России, за период 1917–1922 г. по данным административной комиссии ВЦИК к 10 ноября 1922 г. М. : ВЦИК, 1923. 90 с.
  9. Борьба за власть Советов в Тобольской (Тюменской) губернии. (1917–1920 гг.) : сб. докум. материалов. Свердловск : Средне-Уральское книжное издательство, 1967. 430 с.
  10. Материалы по районированию Урала. М. : Издание Уралэко, 1923. Т. 1. 30 с.
  11. Двенадцатый съезд РКП(б), 17–25 апреля 1923 года : стенографический отчет. М. : Политиздат, 1968. 903 с.
  12. РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 15. Д. 473.
  13. РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 15. Д. 140.
  14. ИАОО. Ф. Р-27. Оп. 1. Д. 618.
  15. ГКУ НСО ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1425.
  16. ГАРФ. Ф. Р-6984. Оп. 1. Д. 5.
  17. ИАОО. Ф. Р-26. Оп. 1. Д. 88.
  18. ГАРФ. Ф. Р-130. Оп. 4. Д. 509.
  19. Урал после районирования. Свердловск : Уралсовет, 1926. 149 с.
  20. ГКУ НСО ГАНО Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 537.
  21. ИАОО. Ф. Р-27. Оп. 1. Д. 259.
  22. ГАРФ. Ф. Р-6984. Оп. 1. Д. 33.
  23. ГАРФ. Ф. Р-5677. Оп. 4. Д. 174.
  24. ГАРФ. Ф. Р-6984. Оп. 1. Д. 48.
  25. ГАРФ. Ф. Р-6984. Оп. 1. Д. 8.
  26. Корженевский К. Б. Единая Сибирская область в системе реформирования административно-территориальной системы РСФСР в середине 1920-х гг.: от проекта к реализации // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2024. Т. 11, № 3. С. 22–28. [https://doi.org/10.24147/2312-1300.2024.11\(3\).22-28](https://doi.org/10.24147/2312-1300.2024.11(3).22-28).
  8. Administrativnoe rayonirovanie RSFSR. Sbornik postanovleniy, kasayushchikhsya administrativno-territorialnogo deleniya Rossii za period 1917–1922 g. po dannym administrativnoy komissii VTSIK k 10 noyabrya 1922 g. Moscow: Izdatelstvo VTSIK; 1923. 90 p. (In Russ.).
  9. Borba za vlast Sovetov v Tobolskoy (Tyumenskoy) gubernii. (1917–1920 gg.): Sbornik dokumentalnykh materialov. Sverdlovsk: Sredne-Uralskoe knizhnoe izdatelstvo; 1967. 430 p. (In Russ.).
  10. Materialy po rayonirovaniyu Urala. Moscow: Izdanie Uraleco; 1923. Vol. 1. 30 p. (In Russ.).
  11. Dvenadsaty syezd RKP(b). 17–25 Aprelya 1923 goda: Stenografichesky otchet. Moscow: Politizdat; 1968. 903 p. (In Russ.).
  12. Russian State Archive of Economics (RGAE). F. 4372. Op. 15. D. 473. (In Russ.).
  13. Russian State Archive of Economics (RGAE). F. 4372. Op. 15. D. 140. (In Russ.).
  14. Historical Archive of the Omsk Oblast (IAOO). F. R-27. Op. 1. D. 618. (In Russ.).
  15. State Archive of the Novosibirsk Oblast (GANO). F. R-1. Op. 1. D. 1425. (In Russ.).
  16. State Archive of the Russian Federation (GARF). F. R-6984. Op. 1. D. 5. (In Russ.).
  17. Historical Archive of the Omsk Oblast (IAOO). F. R-26. Op. 1. D. 88. (In Russ.).
  18. State Archive of the Russian Federation (GARF). F. R-130. Op. 4. D. 509. (In Russ.).
  19. Ural posle rayonirovaniya. Sverdlovsk: Uralsovet; 1926. 149 p. (In Russ.).
  20. State Archive of the Novosibirsk Oblast (GANO). F. R-1. Op. 1. D. 537. (In Russ.).
  21. Historical Archive of the Omsk Oblast (IAOO). F. R-27. Op. 1. D. 259. (In Russ.).
  22. State Archive of the Russian Federation (GARF). F. R-6984. Op. 1. D. 33. (In Russ.).
  23. State Archive of the Russian Federation (GARF). F. R-5677. Op. 4. D. 174. (In Russ.).
  24. State Archive of the Russian Federation (GARF). F. R-6984. Op. 1. D. 48. (In Russ.).
  25. State Archive of the Russian Federation (GARF). F. R-6984. Op. 1. D. 8. (In Russ.).
  26. Korzhenevsky K. B. Unified Siberian Region in the System of Reforming the Administrative-Territorial System of the RSFSR in the Mid-1920s: from Project to Implementation. *Herald of Omsk University. Series "Historical Studies"*. 2024;11(3):22–28. [https://doi.org/10.24147/2312-1300.2024.11\(3\).22-28](https://doi.org/10.24147/2312-1300.2024.11(3).22-28). (In Russ.).

Информация об авторе

К. Б. Корженевский – кандидат исторических наук, доцент.

About the author

K. B. Korzhenevsky – Candidate of Sciences (History), Docent.

Научная статья
УДК 94(47).084.8"1941/45"
<https://doi.org/10.35266/2949-3463-2024-4-8>

Визуальные репрезентации Великой Отечественной войны в фотографиях западносибирских городов 1941–1945 годов

Наталья Александровна Чиканова

*Сибирский государственный автомобильно-дорожный университет (СибАДИ), Омск, Россия
n-chikanova@mail.ru*

Аннотация. В статье проанализированы официальные фотографии западносибирских городов периода Великой Отечественной войны, которые через визуальные образы формировали идентичность советского народа. Автором предложена трактовка понятия «визуальная репрезентация», раскрыта специфика фотографий как исторических источников и обоснован выбор методики работы с ними, обозначен их официальный характер и значимость для формирования образов войны у сибирского населения. Рассмотрение оптических репрезентаций Великой Отечественной войны на фотографиях городов Западной Сибири выявило их влияние на складывание советского концепта коллективной идентичности в период 1941–1945 годов.

Ключевые слова: фотография, идентичность, Западная Сибирь, Великая Отечественная война
Шифр специальности: 5.6.1. Отечественная история.

Для цитирования: Чиканова Н. А. Визуальные репрезентации Великой Отечественной войны в фотографиях западносибирских городов 1941–1945 годов // Северный регион: наука, образование, культура. 2024. Т. 25, № 4. С. 72–87. <https://doi.org/10.35266/2949-3463-2024-4-8>.

Original article

Representations of West Siberian cities in photographs of the Great Patriotic War in 1941–1945

Natalya A. Chikanova

*Siberian State Automobile and Highway University, Omsk, Russia
n-chikanova@mail.ru*

Abstract. The article analyses official photographs of West Siberian cities during the Great Patriotic War period, which shaped the identity of the Soviet people through visual representations. The author proposes the interpretation of visual representations, reveals the specifics of photographs as historical sources and justifies the choice of methodology for working with them, indicates their official nature and significance for the formation of images of the war in the Siberian population. Considering the representations of the Great Patriotic War in the photographs of the Western Siberia cities, the author concludes about their influence on the formation of the Soviet concept of collective identity in the period of 1941–1945.

Keywords: photograph, identity, West Siberia, Great Patriotic War
Code: 5.6.1. Russian History.

For citation: Chikanova N. A. Representations of West Siberian cities in photographs of the Great Patriotic War in 1941–1945. *Severny region: nauka, obrazovanie, kultura*. 2024;25(4):72–87. <https://doi.org/10.35266/2949-3463-2024-4-8>.

ВВЕДЕНИЕ

Великая Отечественная война стала серьезным испытанием для всего советского народа, всех его территорий, как непосредственно принявших на себя огневой удар вермахта, так и для находившихся в глубоком тылу, но тоже внесших значительный вклад в победу над врагом. В отечественной исторической науке сложилась обширная традиция обращения к различным аспектам Великой Отечественной войны, а также изучения ее влияния на советское и мировое сообщество в письменных источниках (документальных, статистических, источника личного происхождения, периодической печати). В современных работах востребованным стал не только отход от «традиционных» исторических источников и тем, но также оперирование новыми понятиями, определяющими концепцию научного исследования. Таким можно считать термин «репрезентация».

Философские словари трактуют репрезентацию как «представление одного в другом и посредством другого», «вспомогательное понятие, служащее для выяснения сущности представления» [1]. Таким образом, на метапредметном уровне феномен репрезентации неразрывно связан с отражением реальности или определенной ее части в сознании познающего субъекта.

Лингвистическое понимание репрезентации как «конститутивной функции знака, которая задает смысл, и сама предстает как знаковый феномен» [2] позволяет представить ее как часть познавательной деятельности, раскрывающей содержательный аспект исследуемого объекта. В контексте исторического исследования актуальным становится социальное содержание репрезентации, которое трактуется как комплекс представлений, формирующих коллективное знание относительно широкого круга социальных проблем и тенденций [3]. Исследуя отображение реальности в фотоисточниках, востребована трактовка репрезентаций в медиадискурсе как «отражения реальности, замещающего в сознании индивида непосредственно воспринимаемую действительность» [4]. Таким образом, под репрезентацией в настоящем

исследовании понимался особый язык коммуникации, способный создавать и транслировать представления о реальности. Для достижения поставленной цели важно определить визуальную репрезентацию как предоставление информации о событиях в обществе и ее интерпретация посредством визуальных (оптических, зрительных) образов.

Цель статьи – исследовать визуальные репрезентации Великой Отечественной войны в фотографиях западносибирских городов для расширения представлений о складывании идентичности советского народа в 1941–1945 гг.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Фотографии как исторические источники имеют специфику применения и исследования. Являясь техническим отражением действительности, они способны наиболее объективно запечатлеть ее. С другой стороны, работы фотографов родственны другим видам искусства и содержат долю субъективности, поскольку способны интерпретировать исторические факты и процессы, фокусируя внимание зрителей на определенных деталях.

Привлечение фотографий в качестве источников научного знания признано и проблематизировано в современных гуманитарных исследованиях. Автором статьи была востребована концепция интерпретации фотографий, изложенная в работах немецкой исторической школы [5–9]. Ее исследователями предложена трехкомпонентная модель прочтения фотоисточников: 1) содержательный анализ изображения на основе социального контекста его создания; 2) анализ условий создания фотографий: технических возможностей, каналов распространения, характера съемки (профессиональная или любительская), наличие государственного и социального заказа; 3) интерпретация фотографии в соответствии с поставленными исследовательскими целями. В современном отечественном научном дискурсе появились работы, посвященные фотографиям как историческому источнику и методам работы с ними [10–14].

Великая Отечественная война представлена в профессиональных и любительских фото-

источниках, различающихся не только техническими характеристиками (свет, техническое качество самого изображения, композиция и т. д.), но и целями создания. Соглашаясь с Р. З. Хестановым [15], А. Х. Тлеужем [16], А. А. Грабельниковым [17], А. А. Ивановым [18] в том, что официальные фотографии были средством формирования советской идентичности, примечательно, что особую роль они играли на территории Сибири в связи с историческими особенностями ее развития: именно здесь еще в XIX в. возникли и получили развитие областнические идеи, в период Гражданской войны сформировался один из центров белого движения, образовалась отдельная от России (но непризнанная) республика, расположилась резиденция Верховного правителя А. В. Колчака. Сибирь привлекала пристальное внимание правительства в вопросах включения ее населения в общегосударственную систему мировоззрения и ценностей, воздействовавших на единство советского народа.

Транслируя визуальные образы войны, официальные фотографии стали средством формирования коллективной идентичности советских граждан, в том числе в Западной Сибири, которая, несмотря на положение глубокого тыла, принимала активное участие в войне и внесла вклад в победу трудовыми подвигами сибиряков. Профессиональные фотографии сопровождали тексты, опубликованные в «Правде», «Советской Сибири», «Красной звезде», «Красном флоте», «Фронтной иллюстрации» и других газетах военного времени. Отражение ими государственной позиции визуализации жизни фронта и тыла подтверждено рядом документов: директивы «О содержании фронтовой, армейской и дивизионной печати» и «О работе печати в связи с призывом в армию» от 23 июня 1941 г., изданные Главным управлением политической пропаганды Рабоче-крестьянской Красной армии, а также директива «Об организации партийно-политической работы во время войны» от 22 июня 1941 г. Во время Великой Отечественной войны периодическую печать называли «третий фронт», подчеркивая ее значительную роль как в воспи-

тании патриотизма и дискредитации образа врага, так и в формировании советской идентичности.

Источники профессионального происхождения иллюстрируют разные средства подачи, изображая города Западной Сибири в панорамных ракурсах или акцентируя внимание на отдельных аспектах и представляя крупные планы, используя концепции реализма, или, напротив, визуального поэтизма. Любительские фотографии военного времени были редкими в связи с тем, что необходимая техника была не у каждой семьи. Однако именно любительские снимки отражали неофициальную жизнь тыловых городов военного времени. Любительские фотографии вкладывались в письма и посылки, преследуя цель сообщить о всемерной поддержке фронта населением, оставшимся в тылу. В настоящее время непрофессиональные фотоисточники сохранились в частных, семейных коллекциях или переданы на хранение в сибирские музеи.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Советское правительство обратилось к народу 22 июня 1941 г. с призывом встать на защиту Родины. «Тыл – это половина победы, даже больше», – знаменитая фраза Г. К. Жукова о значимости материального обеспечения армии в период войны. Это направление тыловой работы стало ведущим для городов Западной Сибири. Быстрое продвижение вермахта по советской территории летом 1941 г. поставило перед советским руководством задачу эвакуации промышленных предприятий на восток страны, чтобы предотвратить захват противником оборудования, сырья и других ценностей, а также для налаживания выпуска продукции военного назначения в достаточном количестве. Фотоисточники сохранили панорамные кадры эвакуированных предприятий, например, «патронного» завода № 513 в Омске (прибыл из Ростова-на-Дону и Тулы, рис. 1) и «инструментального» завода в Томске (эвакуирован из Москвы, рис. 2). Ракурс съемки изображает заурядные одноэтажные здания, в которых в ближайшие годы предстояло трудиться сибирякам, выпуская фронтую

продукцию. Эта простота, с одной стороны, подчеркивала готовность власти организовать снабжение армии в любых условиях, подчас даже в непригодных для этого

помещениях, с другой – показывала потребность западносибирских городов в технико-технологическом обновлении.

Рис. 1. Завод № 513 в Омске
Примечание. Фотография из источника [19].

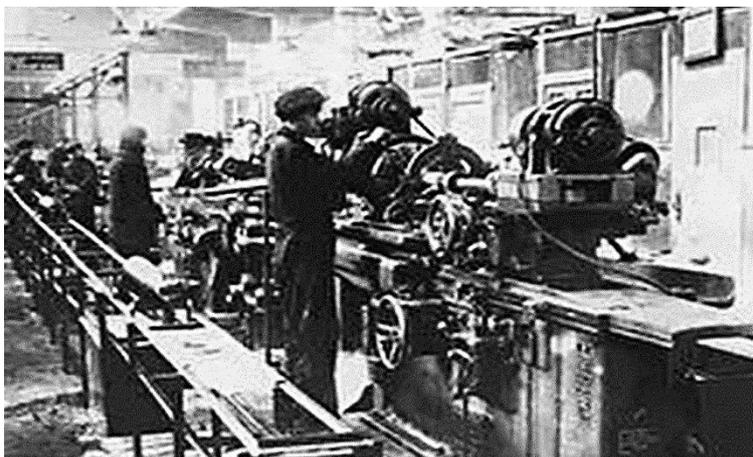
Рис. 2. «Инструментальный» завод в Томске
Примечание. Фотография из источника [20].

Общеизвестные образы женщин и подростков, производивших многочасовыми сменами снаряды для фронта, конкретизированы фотографиями Кемеровского механического завода. Ракурс съемки представляет неотопляемый цех, крупным планом изображено женское лицо, передающее огромную усталость, а ее напряженная поза – физическую тяжесть этого труда (рис. 3). Подростки сфотографированы сзади, чтобы акцентировать внимание зрителей на том, что они еще не выросли до заводских станков и вынуждены ис-

пользовать подставку под ноги, чтобы дотянуться до оборудования (рис. 4). Отраженный на фотографиях трудовой героизм позволил сделать вывод о высоком мотивационном и воспитательном потенциале этих источников. Этот ресурс может рассматриваться как вневременной, поскольку использовался как в советское время, так и сегодня для воспитания патриотизма, понимания огромных возможностей человека и важности коллективизма для достижения масштабной цели.

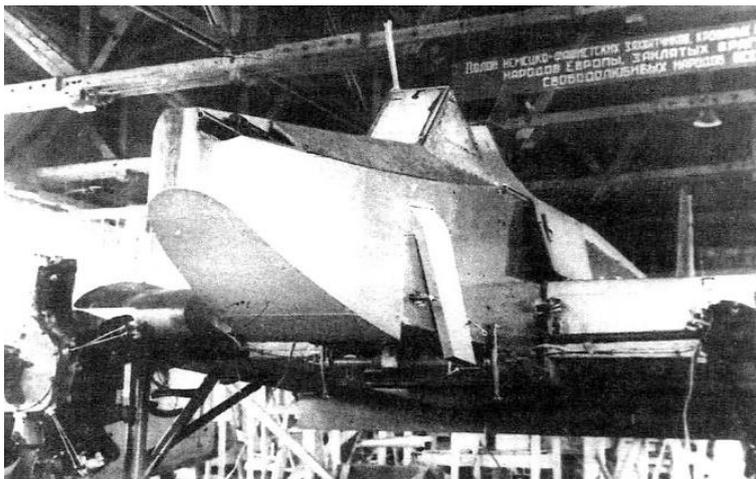
Рис. 3. Кемеровский завод
Примечание. Фотография из источника [21].

Рис. 4. Кемеровский завод
Примечание. Фотография из источника [22].

Первая мировая война продемонстрировала отставание отечественной авиационной отрасли, и фотографии 1920–1930-х гг. отразили ее существенную модернизацию, когда идеями авиации было охвачено буквально все советское население: от школьников, состоявших в кружках авиамоделирования и участников Осоавиахима, до конструкторских учреждений, занимавшихся серьезными разработками. Моделями самолетов снабжались специализированные авиационные учреждения и правительственные здания, а производившие самолеты советские заводы 1930-х гг. являлись гордостью отечественной индустриализации. Положительный результат этой политики стал заметен уже к началу Великой Отечественной войны: фотоисточники пер-

вой половины 1940-х гг. представили оптические репрезентации изготовления, сборки и поставки на фронт военной авиации. Омские фотографы сохранили финальный этап сборки опытного штурмовика «Пегас» (рис. 5) и готового бомбардировщика Ту-2 в цехе завода № 166 (рис. 6), новосибирские – конвейер сборки самолетов-истребителей Як-7 на заводе № 153 (Новосибирский авиационный завод им. В. П. Чкалова, рис. 7). Фотографии военных самолетов визуализировали идею последовательного прогресса советских вооруженных сил, повышения их боеспособности, подчеркивая вклад городов Западной Сибири в создание имиджа непобедимой Красной армии.

Рис. 5. Опытный штурмовик «Пегас» в Омске
Примечание. Фотография из источника [23].

Рис. 6. Бомбардировщики Ту-2 в Омске
Примечание. Фотография из источника [24].

Рис. 7. Конвейер сборки истребителей Як-7 в Новосибирске
Примечание. Фотография из источника [25].

Возросшую до гигантских размеров потребность страны в металле также удовлетворяли заводы и комбинаты западносибирских городов. В качестве иллюстрации можно привести фотографию Кузнецкого металлургического комбината, производившего колоссальное количество броневой стали, которой хватило бы на половину танков, самоходных орудий,

броневых автомобилей и другой военной техники. На них изображена подача ковшей к большегрузным доменным печам (рис. 8). Этот производственный процесс стал гордостью комбината, который впервые в мире освоил эту технологию и в сжатые сроки обеспечил Советский Союз необходимым для победы сырьем.

Рис. 8. Подача ковшей к доменным печам Кузнецкого металлургического комбината

Примечание. Фотография из источника [26].

Не только работа тяжелой промышленности, но и заготовка продовольствия, одежды и обуви легли на плечи сибиряков в годы Великой Отечественной войны. Крупнейшим рыбозаготовительным центром Западной Сибири стал Сургут, в котором за первую половину 1940-х гг. было выловлено около

280 000 центнеров рыбы и переработано на рыбоконсервном заводе, эвакуированном из Одессы в 1942 г. (рис. 9). Фотоисточники запечатлели отправку посылок с одеждой, обувью, варежками из западносибирских городов на фронт (рис. 10).

Рис. 9. Сургутские рыбаки

Примечание. Фотографии из источника [27].

Рис. 10. Загрузка эшелона с подарками из Омска
Примечание. Фотографии из источника [28].

Во время Великой Отечественной войны солдатами Красной армии было захвачено большое количество немецкой военной техники. В общесоюзном масштабе ее эксплуатировали для обороны и уничтожения ресурсов противника, изучали для модернизации собственной армии и использовали для обучения стрельбе в качестве мишеней. Но в далеких от фронта городах Западной Сибири была собственная специфика применения трофейной техники. Выставляя на городских улицах немецкие танки, самоходные артиллерийские установки и другие боевые орудия и озвучивая количество захваченной техники противника, советское руководство

воспитывало в сибиряках гордость за армию, демонстрировало результаты тылового труда и вдохновляло на дальнейшие производственные подвиги. Анализ фотоисточников позволил утверждать, что перечисленные цели реализовывались на массовом уровне, поскольку трофейная техника размещалась в местах высокой проходимости горожан и вызывала их интерес независимо от пола и возраста (рис. 11, 12). Сибиряки были включены в общесоветский патриотический дискурс, что способствовало сплочению всех народов и социальных групп в государстве и приобщало к единой культурной коммуникации.

Рис. 11. Трофейный паровоз в Новокузнецке
Примечание. Фотография из источника [29].

Рис. 12. Трофейные орудия в Омске
Примечание. Фотография из источника [30].

Триумф Красной армии в войне не состоялся бы без медиков, вылечивших огромное количество больных и раненых бойцов. Каждый крупный западносибирский город принимал в эвакуационные госпитали нуждавшихся в помощи солдат и офицеров, а также релоцированных из европейской части страны врачей. Красноармейцы, запечатленные на фотографиях, зачастую имели тяжелые травмы и увечья (в случае возможного быстрого восстановления их не направляли бы на лечение в глубокий тыл). На фотоисточниках, посвященных работе военных госпиталей в первой половине 1940-х гг., прослеживаются две линии визуального повествования. Одна из них раскрывает неустанную работу врачей, медицинских сестер и санитарок, производивших

лечебные манипуляции и демонстрировавших участливое отношение к подопечным. На фотографии изображены медики, сидящие у кровати неходячих больных, читающие пациентам книги и письма, заботящиеся о повышении комфорта красноармейцев (рис. 13). Вторая линия оптических репрезентаций сосредоточена на эмоциях раненых бойцов: их лица, как правило, не искажены страданиями, а готовы мужественно перенести испытания (рис. 14). Множество фотографий запечатлело момент выписки раненых, что было призвано вселить надежду в восстановление здоровья, повышало престиж медицинских работников и определяло общий позитивный настрой советского общества на победу.

Рис. 13. Эвакуационный госпиталь № 1495 в Омске
Примечание. Фотография из источника [31].

Рис. 14. Раненая водитель танка М. Лагунова
Примечание. Фотография из источника [32].

Великая Отечественная война в корне изменила культурную жизнь советского государства на всех уровнях: от повседневного до государственно-массового. Культура как социальный институт приобрела новое содержание. Искусство стало инструментом государственной пропаганды, вдохновлявшей советских граждан на подвиги – фронтовые и трудовые. Культура была отдушиной, способной на время отвлечь от ужасов войны с ее человеческими потерями, экономическим уроном и требованием предельного напряжения сил. Фотографии городов Западной Сибири проиллюстрировали серьезные изменения, коснувшиеся учреждений культуры: многие из них были эвакуированы на восток страны. Центральное место в этом процессе занял Новосибирск, который в первой половине 1940-х гг. принял коллективы Главного центрального театра кукол

им. С. В. Образцова, Центрального детского театра, ленинградского Государственного театра драмы им. А. С. Пушкина, Ленинградского театра юных зрителей, Белорусского государственного еврейского театра и Академического театра оперы и балета Украинской Советской Социалистической Республики. В распоряжении исследователей имелись многочисленные фотоисточники с фиксацией работы театральных коллективов на новом месте; ракурс съемки выбран таким образом, чтобы показать не только действие на сцене, но и высокую заполненность зала, одухотворенность лиц публики, большое количество офицеров и солдат среди зрителей. Именно на бойцах Красной армии сделан основной акцент фотографий, ведь они были главной надеждой страны в период Великой Отечественной войны (рис. 15).

Рис. 15. Солдаты у афиши первого исполнения Седьмой симфонии Д. Д. Шостаковича в Новосибирске
Примечание. Фотография из источника [33].

Изображения повседневной культуры западносибирских городов отразили ежедневное духовное единство фронта и тыла как залог высокой обороноспособности государства. Особый интерес в рамках указанной темы вызвали фотографии празднования Нового года, который еще с дореволюционных времен был одним из нарядных и любимых всеми социальными группами торжеств. В связи с этим советская власть осознавала идеологический потенциал новогодних инсталляций, которые были выполнены в патриотическом концепте.

На омских фотографиях зим 1941/42 гг. и 1942/43 гг. изображены снежные городки, в которых наряду со сказочными персонажами на фанерных щитах в виде раскрытой

книги присутствуют красноармейцы в зимнем обмундировании (ватной стеганой куртке и теплых штанах, валенках, варежках и шапке-ушанке). «Пощады фашистам нет и не будет!», «За полный разгром немецких захватчиков!» – гласят лозунги со страниц фанерной книги. Вход в снежный городок украшают образы танка и боевого корабля, гордости и опорной силы армии и флота (рис. 16). Фотографии одного из городских скверов представляют ледяную крепость, стены которой выполнены в виде знамен с надписью «За Родину!», многочисленная символика (красные звезды, серп и молот) олицетворяет самобытность советского государства и борьбу за его суверенитет (рис. 17).

Рис. 16. Зимний городок в Омске
Примечание. Фотография из источника [34].

Рис. 17. Первый военный Новый год в Омске
Примечание. Фотография из источника [35].

Еще один фотодокумент запечатлел огромную городскую елку, около которой вылеплена фигура Деда Мороза, держащего в руках автомат – символ борьбы всех сил за победу в Великой Отечественной войне, но он не главный герой, хоть и вооружен. Перед сказочным персонажем расположена ледяная фигура красноармейца – защитника государства, его жителей, культуры, включая праздники и повседневность (рис. 18). В честь новогодних праздников на площади Дзержинского в Омске были возведены снежные фигуры фольклорных персонажей – героев-

воинов, сказания о которых были заложены еще в Древней Руси и сохранились на протяжении более чем тысячелетнего периода существования государства, а потому приобрели стереотипное восприятие в качестве защитников Отечества. Преемственность культурных традиций дореволюционной России и Советского Союза прослеживалась также в популярных образах сказок А. С. Пушкина: витязя из поэмы «Руслан и Людмила», богатырей, их воеводы и других «воителей смелых, мечом раздвинувших пределы богатых киевских полей» (рис. 19).

Рис. 18. Первый военный Новый год в Омске
Примечание. Фотография из источника [36].

Рис. 19. На площади Дзержинского в Омске
Примечание. Фотография из источника [37].

Долгожданная победа стала всенародным праздником: 9 мая 1945 г. Ю. Б. Левитан

по радио объявил о безоговорочной капитуляции Германии, а также озвучил Указ об объяв-

лении Дня Победы общесоюзным торжеством и выходным днем. Фотоисточники каждого из западносибирских городов запечатлели народное ликование, объятия и радостные поздравления сибиряков. На городских площадях организовывались многотысячные митинги. Фотографии сохранили эмоции на лицах горожан – смесь общей радости

и взволнованности (рис. 20). Участники митингов несли портреты И. В. Сталина и красные знамена – государственные символы Победы. Как и война, так и победа в ней стали важными механизмами сплочения локальной общности сибиряков, осознания ими неразрывной связи с другими частями государства (рис. 21).

Рис. 20. Митинг 9 мая 1945 г. в Омске
Примечание. Фотография из источника [38].

Рис. 21. Митинг 9 мая 1945 г. в Новосибирске
Примечание. Фотография из источника [39].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Фотографии западносибирских городов периода Великой Отечественной войны не только воссоздали визуальные образы единства фронта и тыла. В довоенное и дореволюционное время Сибирь всегда осознавала собственный особый (географически отдаленный, ресурсный, ограниченный в политических правах) статус в рамках государства. Неслучайно именно здесь зародились и получили развитие областнические идеи, получившие самое радикальное оформление вплоть до создания собственной республики

с началом Гражданской войны. Как в предвоенные десятилетия, во время войны продолжалась работа власти по включению Сибири в советскую идентичность. Официальные фотографии, транслировавшие образы войны на страницах прессы, способствовали наиболее быстрому и прочному сплочению советского народа на основе иллюстрирования общенародного вклада в Победу, осознания единства фронта и тыла.

Все западносибирские фотоисточники военного времени можно разделить по содержанию по следующему принципу на следующие группы:

обучение кадровых офицеров и начальная военная подготовка рядовых Красной армии, производственная деятельность сибиряков на собственных и эвакуированных предприятиях, заготовка провианта и товаров народного потребления для нужд фронта, медицинская помощь больным и раненым бойцам в эвакуационных госпиталях, работа учреждений культуры и повседневное патриотическое воспитание населения, коллективная радость от новости о победе СССР в Великой Отечественной войне и общая скорбь по потерям родных и близких на фронте. Фотографии визуализировали схожие сценарии поведения сибиряков в разных городах, засвидетельствовав единение советского народа на территории Западной Сибири в первой половине 1940-х гг.

ческое воспитание населения, коллективная радость от новости о победе СССР в Великой Отечественной войне и общая скорбь по потерям родных и близких на фронте. Фотографии визуализировали схожие сценарии поведения сибиряков в разных городах, засвидетельствовав единение советского народа на территории Западной Сибири в первой половине 1940-х гг.

Список источников

1. Радионова С. А. Репрезентация // Новейший философский словарь. 3-е изд., испр. Мн.: Книжный Дом, 2003. С. 826–830.
2. Лукьянченко Е. А. К вопросу понимания ментальной репрезентации // Вестник МГИМО-Университета. 2013. № 2. С. 167–169. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2013-2-29-167-169>.
3. Емельянова Т. П., Шмидт Д. А. Социальные представления о брачном партнере: поколенческий подход // Социальная психология и общество. 2021. Т. 12, № 1. С. 126–142.
4. Донцов А. И., Асланов И. А. Термин «репрезентация» в дискурсе медиаисследователей: попытка концептуализации термина // Медиаскоп. 2022. Вып. 2. URL: <http://www.mediascope.ru/2769> (дата обращения: 15.10.2024).
5. Ayass R. An image of absence. The photograph from the Situation Room as a contradictory pointing gesture // *Hillarys Hand "On the political iconography of the present"*, Kauppert M., Leser I., eds. Bielefeld: transcript Verlag, 2014. p. 59–77. <https://doi.org/10.1515/transcript.9783839427491.59>.
6. Boehm G. The return of the images. What is an image. München, 1994. p. 11–38.
7. Bohnsack R. On the relation between image and text interpretation in qualitative social research // *Image and text "Methods and Methodologies of Visual Social Research in Educational Science"*. Opladen : Barbara Budrich, 2007. p. 21–46. <https://doi.org/10.2307/j.ctvdf09j2.4>.
8. Eberle T. S. Photography and Society: Approach from Phenomenological Perspectives and the Sociology of Knowledge // *Forum: Qualitative Social Research*. 2017. Vol. 19, no. 3. <https://doi.org/10.17169/fqs-19.3.3144>.
9. Raab J. Visual sociology of knowledge in photography // *Österreichische Zeitschrift für Soziologie*. 2012. Vol. 37, no. 2. P. 121–142.
10. Лавринова Н. Н. Фотография в современном культурном пространстве // *Colloquium journal*. 2019. № 22. С. 77–79.
11. Абилова Р. О., Кириллова Я. Ю. Фотографическое наследие казанского аптекаря Арнольда Бренинга: история и состав коллекции. 1904–1937 гг. //

References

1. Radionova S. A. Rezentatsiya. Noveyshiy filosofskiy slovar. 3d rev. ed. Minsk: Knizhny Dom; 2003. p. 826–830. (In Russ.).
2. Lukjanchenko E. A. Towards an understanding of mental representation. *MGIMO Review of International Relations*. 2013;(2):167–169. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2013-2-29-167-169>. (In Russ.).
3. Emelyanova T. P., Shmidt D. A. Social representations of the marriage partner: A generational approach. *Social Psychology and Society*. 2021;12(1):126–142. (In Russ.).
4. Dontsov A. I., Aslanov I. A. Term “representation” in the discourse of media researchers: attempt of conceptualization of the term. *Mediascope*. 2022;(2). URL: <http://www.mediascope.ru/2769> (accessed: 15.10.2024). (In Russ.).
5. Ayass R. An image of absence. The photograph from the Situation Room as a contradictory pointing gesture. In: *Hillarys Hand "On the political iconography of the present"*, Kauppert M., Leser I., eds. Bielefeld: transcript Verlag; 2014. p. 59–77. <https://doi.org/10.1515/transcript.9783839427491.59>. (In German).
6. Boehm G. The return of the images. What is an image. München; 1994. p. 11–38. (In German).
7. Bohnsack R. On the relation between image and text interpretation in qualitative social research. In: *Image and text "Methods and Methodologies of Visual Social Research in Educational Science"*. Opladen: Barbara Budrich; 2007. p. 21–46. <https://doi.org/10.2307/j.ctvdf09j2.4>. (In German).
8. Eberle T. S. Photography and society: Approach from phenomenological perspectives and the sociology of knowledge. *Forum: Qualitative Social Research*. 2017;19(3). <https://doi.org/10.17169/fqs-19.3.3144>. (In German).
9. Raab J. Visual sociology of knowledge in photography. *Österreichische Zeitschrift für Soziologie*. 2012;37(2):121–142. (In German).
10. Lavrinova N. N. Photography in modern cultural space. *Colloquium journal*. 2019;(22):77–79. (In Russ.).
11. Abilova R. O., Kirillova Ya. Yu. Photographic heritage of the Kazan pharmacist Arnold Brening:

- Вестник архивиста. 2023. № 3. С. 861–875. <https://doi.org/10.28995/2073-0101-2023-3-861-875>.
12. Гурьева М. М. Повседневная фотография в современном культурном контексте : дис. ... канд. философ. наук. СПб., 2009. 168 с.
  13. Андрианова Е. Н. Коллекция фотографий документального фонда государственного центрального музея современной истории России как источник по истории повседневности : дис. ... канд. ист. наук. М., 2012. 289 с.
  14. Иванова Е. Ю., Морозов И. И., Алексеева В. К. Профессиональная фотография в контексте культуры современного общества // Общество: философия, история, культура. 2023. № 6. С. 169–181. <https://doi.org/10.24158/fik.2023.6.26>.
  15. Хестанов Р. З. Чем собиралась управлять партия, создав Министерство культуры СССР // Время, вперед! Культурная политика в СССР / под ред. И. В. Глущенко, В. А. Куренного. М. : Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2013. С. 35–49.
  16. Тлеуж А. Х. Миф о войне и Победе в структуре массового сознания россиян // Теория и практика общественного развития. 2011. № 1. С. 35–38.
  17. Грабельников А. А. Фотожурналистика Великой Отечественной войны // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 8: Литературоведение. Журналистика. 2008. № 7. С. 123–130.
  18. Иванов А. А. Коммуникативное пространство войны: пропаганда и общественные настроения. СПб. : Санкт-Петербургский государственный университет, 2017. 72 с.
  19. Завод № 513 («Патронный») в Омске. URL: https://admomsk.ru/web/guest/news/gallery/-/asset_publisher/rZ0y/content/940988 (дата обращения: 15.10.2024).
  20. Томский инструментальный завод. URL: <https://pastvu.com/p/1578429> (дата обращения: 15.10.2024).
  21. Кемеровский механический завод. URL: <https://pastvu.com/p/1939466> (дата обращения: 15.10.2024).
  22. Подростки на Кемеровском механическом заводе. URL: <https://gazeta.a42.ru/lenta/articles/77946-boepripasy-iz-kuzbassa-kak-kemerovskiy-zavod-snabzhal-front> (дата обращения: 15.10.2024).
  23. Опытный штурмовик «Пегас» в цехе завода 166. URL: <https://pastvu.com/p/1859266> (дата обращения: 15.10.2024).
  24. Бомбардировщики Ту-2 на заводе № 166 в Омске. URL: <https://waralbum.ru/133832/> (дата обращения: 15.10.2024).
  25. Конвейер сборки самолетов – истребителей Як. URL: <https://pastvu.com/p/324158> (дата обращения: 15.10.2024).
  26. Подача ковшей к доменным печам Кузнецкого металлургического комбината. URL: <https://pastvu.com/p/2026837> (дата обращения: 15.10.2024).
  - History and composition of the collection (1904–1937). *Herald of an Archivist*. 2023;(3):861–875. <https://doi.org/10.28995/2073-0101-2023-3-861-875>. (In Russ.).
  12. Guryeva M. M. Povsednevnyaya fotografiya v sovremennom kulturnom kontekste: Cand. Sci. (History) Thesis. Saint Petersburg; 2009. 168 p. (In Russ.).
  13. Andrianova E. N. Kolleksiya fotografiy dokumental'nogo fonda gosudarstvennogo Tsentralnogo muzeya sovremennoy istorii Rossii kak istochnik po istorii povsednevnosti: Cand. Sci. (History) Thesis. Moscow; 2012. 289 p. (In Russ.).
  14. Ivanova E. Yu., Morozov I. I., Alekseeva V. K. Professional photography in the context of the modern society's culture. 2023;(6):169–181. <https://doi.org/10.24158/fik.2023.6.26>. (In Russ.).
  15. Khestanov R. Z. Chem sobiralas upravlyat partiya, sozdav ministerstvo kulturey SSSR. Vremya, vpered! Kulturnaya politika v SSSR. Glushchenko I. V., Kurennyy V. A. eds. Moscow: National Research University "Higher school of Economics"; 2013. p. 35–49. (In Russ.).
  16. Tleuzh A. Kh. Mif o voyne i pobede v strukture massovogo soznaniya rossiyan. *Theory and Practice of Social Development*. 2011;(1):35–38. (In Russ.).
  17. Grabelnikov A. A. Fotozhurnalistika Velikoy Otechestvennoy voyny. *Science Journal of Volgograd State University. Literary Criticism. Journalism*. 2008;(7):123–130. (In Russ.).
  18. Ivanov A. A. Communicative space of War: Propaganda and public attitudes. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University; 2017. 72 p. (In Russ.).
  19. Zavod No. 513 ("Patronnyy") v Omske. URL: https://admomsk.ru/web/guest/news/gallery/-/asset_publisher/rZ0y/content/940988 (accessed: 15.10.2024). (In Russ.).
  20. Tomskiy instrumentalniy zavod. URL: <https://pastvu.com/p/1578429> (accessed: 15.10.2024). (In Russ.).
  21. Kemerovskiy mekhanicheskiy zavod. URL: <https://pastvu.com/p/1939466> (accessed: 15.10.2024). (In Russ.).
  22. Podrostki na Kemerovskom mekhanicheskom zavode. URL: <https://gazeta.a42.ru/lenta/articles/77946-boepripasy-iz-kuzbassa-kak-kemerovskiy-zavod-snabzhal-front> (accessed: 15.10.2024). (In Russ.).
  23. Opytniy shturmovik "Pegas" v tsekhe zavoda 166. URL: <https://pastvu.com/p/1859266> (accessed: 15.10.2024). (In Russ.).
  24. Bombardirovshchiki Tu-2 na zavode No. 166 v Omske. URL: <https://waralbum.ru/133832/> (accessed: 15.10.2024). (In Russ.).
  25. Konveyer sborki samoletov – istrebiteley Yak. URL: <https://pastvu.com/p/324158> (accessed: 15.10.2024). (In Russ.).
  26. Podacha kovshey k domennym pecham Kuznetskogo metallurgicheskogo kombinata. URL: <https://pastvu.com/p/2026837> (accessed: 15.10.2024). (In Russ.).
  27. Povsednevnyaya zhizn surgutyay v gody voyny. Surgutskie rybaki. URL: <https://skmuseum.ru/pobeda/>

27. Повседневная жизнь сургутян в годы войны. Сургутские рыбаки. URL: <https://skmuseum.ru/pobeda/povsednevnaia-zhizn-surgutyian-v-godyi-voyni/> (дата обращения: 15.10.2024).
28. Загрузка эшелона с подарками для Ленинградского фронта. URL: <https://regnum.ru/article/2938708> (дата обращения: 15.10.2024).
29. Немецкий трофейный паровоз серии BR56-2651 на Сталинском металлургическом комбинате. URL: <https://pastvu.com/p/2127422> (дата обращения: 15.10.2024).
30. Омичи осматривают трофейные немецкие пушки, выставленные у здания Краеведческого музея. URL: <https://ngs55.ru/text/gorod/2017/05/06/50386781/> (дата обращения: 15.10.2024).
31. Эвакогоспиталь № 1495. Коридор-палата 2-го отделения. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=28120308> (дата обращения: 15.10.2024).
32. Раненая водитель танка Маруся Лагунова с гостем из бригады младшим лейтенантом Губерманом. URL: <https://alex-mistch.livejournal.com/76443.html?ysclid=m3w19yj7mf602904318> (дата обращения: 15.10.2024).
33. Солдаты в Новосибирске у афиши первого исполнения VII симфонии Д. Д. Шостаковича. URL: <https://pastvu.com/p/629042> (дата обращения: 15.10.2024).
34. Зимний городок для детей 1942 г. URL: <https://pastvu.com/p/549751> (дата обращения: 15.10.2024).
35. 1942. Знамена из снега и елка. Первый военный новый год. URL: <https://omsk.land/galleries/omsk-v-vov/> (дата обращения: 15.10.2024).
36. Первый военный Новый год в Омске. URL: <https://ngs55.ru/text/gorod/2017/05/06/50386781/> (дата обращения: 15.10.2024).
37. На площади Дзержинского в канун Нового года. URL: <https://pastvu.com/p/1105110> (дата обращения: 15.10.2024).
38. Митинг 9 мая 1945 г. у Драмтеатра в Омске. URL: <https://omsk-history.livejournal.com/18752.html?ysclid=m3wmevpe5m459787596> (дата обращения: 15.10.2024).
39. Многолюдный митинг 9 мая 1945 года на площади у облисполкома в г. Новосибирске. URL: <https://m-nsk.ru/istoriya-goroda/istoriya-razvitiya/1941-1945-gg#toggle-id-5> (дата обращения: 15.10.2024).
28. Zagruzka eshelona s podarkami dlya Leningradskogo fronta. URL: <https://regnum.ru/article/2938708> (accessed: 15.10.2024). (In Russ.).
29. Nemetskiy trofeyniy parovoz serii BR56-2651 na Stalinskom metallurgicheskom kombinatе. URL: <https://pastvu.com/p/2127422> (accessed: 15.10.2024). (In Russ.).
30. Omichi osmatrivayut trofeynye nemetskie pushki, vystavlennye u zdaniya Kraevedcheskogo muzeya. URL: <https://ngs55.ru/text/gorod/2017/05/06/50386781/> (accessed: 15.10.2024). (In Russ.).
31. Evakogospital No. 1495. Koridor-palata 2-go otdeleniya. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=28120308> (accessed: 15.10.2024). (In Russ.).
32. Ranenaya voditel tanka Marusya Lagunova s gostem iz brigady mladshim leytenantom Gubermanom. URL: <https://alex-mistch.livejournal.com/76443.html?ysclid=m3w19yj7mf602904318> (accessed: 15.10.2024). (In Russ.).
33. Soldaty v Novosibirske u afishi pervogo ispolneniya VII simfonii D. D. Shostakovicha. URL: <https://pastvu.com/p/629042> (accessed: 15.10.2024). (In Russ.).
34. Zimniy gorodok dlya detey 1942 g. URL: <https://pastvu.com/p/549751> (accessed: 15.10.2024). (In Russ.).
35. 1942. Znamyona iz snega i elka. Perviy voenniy noviy god. URL: <https://omsk.land/galleries/omsk-v-vov/> (accessed: 15.10.2024). (In Russ.).
36. Perviy voenniy Noviy god v Omske. URL: <https://ngs55.ru/text/gorod/2017/05/06/50386781/> (accessed: 15.10.2024). (In Russ.).
37. Na ploshchadi Dzerzhinskogo v kanun Novogo goda. URL: <https://pastvu.com/p/1105110> (accessed: 15.10.2024). (In Russ.).
38. Miting 9 maya 1945 g. u Dramteatra v Omske. URL: <https://omsk-history.livejournal.com/18752.html?ysclid=m3wmevpe5m459787596> (accessed: 15.10.2024). (In Russ.).
39. Mnogolyudnyi miting 9 maya 1945 g. na ploshchadi u oblispolkoma v g. Novosibirske. URL: <https://m-nsk.ru/istoriya-goroda/istoriya-razvitiya/1941-1945-gg#toggle-id-5> (accessed: 15.10.2024). (In Russ.).

Информация об авторе

Н. А. Чиканова – кандидат исторических наук, доцент.

About the author

N. A. Chikanova – Candidate of Sciences (History), Docent.

Научная статья

УДК 639.2/.3(091)(571.1/.5)

<https://doi.org/10.35266/2949-3463-2024-4-9>

Об объемах вылова рыбы на Сибирском Севере в годы Великой Отечественной войны

Любовь Васильевна Алексеева

Нижевартовский государственный университет, Нижневартовск, Россия

lvalexeeva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1870-4052>

Аннотация. В статье охарактеризована историографическая ситуация и выявлена степень изученности истории рыбного хозяйства четырех национальных округов Сибирского Севера в годы Великой Отечественной войны: Ханты-Мансийского, Ямало-Ненецкого, Эвенкийского и Таймырского; выделены особенности изучения темы по национальным округам северной части Западной и Восточной Сибири; установлена динамика вылова рыбы Эвенкийского и Таймырского национальных округов, объемы добычи в четырех национальных округах, их удельный вес в вылове рыбы восточных районов страны и Союза Советских Социалистических Республик.

Ключевые слова: Сибирский Север, национальный округ, война, рыбное хозяйство, вылов, рыба, удельный вес

Шифр специальности: 5.6.1. Отечественная история.

Для цитирования: Алексеева Л. В. Об объемах вылова рыбы на Сибирском Севере в годы Великой Отечественной войны // Северный регион: наука, образование, культура. 2024. Т. 25, № 4. С. 88–100. <https://doi.org/10.35266/2949-3463-2024-4-9>.

Original article

On levels of fish catch in the Siberian North during the Great Patriotic War

Lyubov V. Alekseeva

Nizhnevartovsk State University, Nizhnevartovsk, Russia

lvalexeeva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1870-4052>

Abstract. The article features the historiographical situation and reveals the degree of knowledge of the fish farming in four national okrugs of the Siberian North during the Great Patriotic War: Khanty-Mansi, Yamalo-Nenets, Evenk and Taymyr. The study features of the topic for the national okrugs of the northern part of Western and Eastern Siberia are highlighted. The dynamics of fish catch of Evenk and Taymyr national okrugs, the volumes of production in the four national okrugs and their specific weight in the fish catch of the eastern regions of the country and the USSR are established.

Keywords: Siberian North, national okrug, war, fish farming, fishing, fish, specific weight

Code: 5.6.1. Russian History.

For citation: Alekseeva L. V. On levels of fish catch in the Siberian North during the Great Patriotic War. *Severny region: nauka, obrazovanie, kultura*. 2024;25(4):88–100. <https://doi.org/10.35266/2949-3463-2024-4-9>.

ВВЕДЕНИЕ

Мобилизационная экономика военного времени обеспечила победу Союза Советских Социалистических Республик (СССР) в тяжелой войне против объединенных сил Европы во главе с Германией. В условиях военной экономики больше внимания в развитии

национальных округов Сибирского Севера уделялось рыболовству и охотничьему хозяйству, то есть тем отраслям, которые могли без особых затрат дать продукцию в условиях существовавших ограничений, уменьшить дефицит продуктов и создать фонды для экспорта рыбных товаров. Система государ-

ственного управления охватила самые отдаленные уголки страны и организовала работу так, чтобы каждый принял посильное участие в обеспечении победы над врагом. Сибирский Север не стал исключением.

Территориальные рамки исследования ограничены современными Ханты-Мансийским автономным округом – Югрой и Ямало-Ненецким автономным округом (Северо-Западная Сибирь), а также северной частью Восточной Сибири (Енисейский Север), где размещались Эвенкийский и Таймырский национальные округа (упразднены 1 января 2007 г. – прим. авт.), находившиеся в годы войны в административном подчинении Красноярского края. Автор объединил исследуемое пространство понятием «Сибирский Север». Следует напомнить, что известным специалистом Е. И. Гололобовым понятие «Сибирский Север» рассматривается как образ в природно-географическом и социально-экономическом пространстве СССР [1]. По мнению автора статьи, использование данного понятия применительно к указанным территориям корректно.

В работе рассмотрен период Великой Отечественной войны Советского Союза против фашистской Германии (1941–1945). Иногда автор вынужден выходить за обозначенные хронологические рамки, чтобы показать те или иные события и явления в развитии и сравнении.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Теоретические и фактографические материалы представлены преимущественно трудами Н. М. Ковязина, К. Г. Кузакова, Ю. П. Прибыльского, В. И. Федорченко, С. Т. Гайдина, Г. А. Бурмакиной, Л. В. Алексеевой, Н. В. Толкачевой. Их исследования составили основу историографического анализа, позволили выявить и систематизировать фактографический материал, касавшийся малоизученных аспектов темы. С помощью информативно-целевого метода стала доступной информация в соответствии с поставленной целью. Работа над источниковым материалом осуществлялась при помощи методов последовательно-текстуального и семиотического анализа. Возможности последнего способствовали эффективной работе по извлече-

нию информации из знаковых систем при обилии работы с цифровыми данными. Методом сопоставительного анализа источников, содержащих статистические данные, при обращении к математическим методам, проведены подсчеты, с помощью которых установлена динамика вылова рыбы в Таймырском и Эвенкийском национальных округах. Источниковый и историографический материал позволил синтезировать данные и определить удельный вес в добыче рыбы Сибирского Севера применительно к территории восточных районов страны и СССР.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Рыболовство в столь труднодоступных районах и суровых климатических условиях Крайнего Севера нуждалось в развитии в годы тяжелейшей войны.

Историографический обзор. В изучении истории рыбного хозяйства (РХ) Крайнего Севера СССР военной поры традиционно выделяется два периода: советская (1941–1991) и постсоветская историография (1992–2024). Для первого периода характерна исследовательская деятельность отечественных историков в русле марксистско-ленинской теории общественного развития и идеологии, сформированной Коммунистической партией. В освещении истории национальных округов исследователи придерживались концепции перехода коренных народов Севера «от патриархальщины к социализму». Для второго периода, характеризующегося (вплоть до 2022 г.) либерализмом идей, многоконцептуальностью и полипарадигмальностью, в исторических исследованиях очевидна реализация критического подхода в советских преобразованиях на Крайнем Севере и исследование закрытых ранее тем. В настоящее время проявляется тенденция к более глубокому анализу фактографического материала с целью переосмысления исторического опыта, объективной интерпретации исторической реальности на основе государственно-патриотического подхода. В соответствии с выделенными периодами приобрело значимость изучение основополагающих трудов на предмет выявления дискуссионных вопросов темы.

Созданные на территории Сибирского Севера национальные автономии (округа) вступили в сложный процесс модернизации, начав переход от традиционного общества к современному в предвоенное десятилетие. Грандиозные изменения в жизни коренных народов Севера отмечались не только в советской историографии [2], но и в зарубежной, что детально исследовано Д. А. Ананьевым [3].

За послевоенное сорокалетие советские историки опубликовали почти 130 научных и научно-популярных работ, однако к середине 1980-х гг. крупных обобщающих трудов, посвященных Крайнему Северу военной поры, в отечественной историографии создано не было. Именно к такому выводу пришел Ю. П. Прибыльский, осуществивший тщательный анализ трудов предшественников [4, с. 3].

В работах советского периода некоторые сюжеты истории РХ получили отражение в комплексных работах по истории Сибири (включая и ее северную часть), а также специальных трудах, посвященных национальным округам, но в целом они не содержали целостной фактографической основы по исследуемой теме. Так, в пятом томе академического издания «История Сибири» РХ Севера отведен лишь один абзац [5, с. 158]. Заслуживает внимания материал, приведенный М. И. Беловым, о рыбном и зверобойном деле на Крайнем Севере в годы Великой Отечественной войны [2, с. 446–451].

Событием в научной жизни стало появление монографии Ю. П. Прибыльского, где автор описал трудовой подвиг рыбаков Севера Западной Сибири. Однако исследователем не приведена динамика и не выявлены общие объемы вылова по национальным округам. Автор ограничился указанием, что за период войны рыбаки Обь-Иртышья выловили 14,5 млн пудов рыбы [6, с. 52–73], то есть в перерасчете – 23 000 т. На том этапе Ю. П. Прибыльским совместно с В. И. Федорченко была подготовлена специальная работа о РХ Севера Сибири в 1941–1945 гг. (на материалах национальных округов Севера Западной Сибири и Севера Красноярского края) [7]. В монографии показаны основные направления работы, осуществлен анализ ряда проблем

и результаты развития РХ. Признанный специалист С. Т. Гайдин и его соавтор Г. А. Бурмакина справедливо отметили, что в этой работе отсутствовал анализ комплекса проблем развития РХ в Красноярском крае, который имел свои специфические особенности [8, с. 30]. Несмотря на важное значение указанных трудов в разработке истории Севера военной поры, в них не удалось реализовать систематическое и разностороннее изложение истории РХ Сибирского Севера.

К концу советского периода сложились группы специалистов-североведов, изучавших Крайний Север Сибири и Дальнего Востока в годы войны: М. И. Броднев, М. Е. Бударин, Г. А. Мазуренко, Л. Е. Киселев, Ю. П. Прибыльский (Обь-Иртышский Север); В. Н. Увачан, В. Е. Носов, Д. З. Соболев, А. В. Подлесный, В. И. Федорченко (Енисейский Север); Д. Д. Петров и З. В. Гоголев (Якутский Север); Н. А. Жихарева, Г. Г. Рошупкина, Б. И. Мухачева, К. Г. Кузакова (Колымский, Чукотский, Камчатский края).

Важно подчеркнуть, что в советской историографии были заложены основы изучения темы. Больше внимание в работах советского времени уделено руководству Коммунистической партии (большевиков) (ВКП(б)) перестройкой РХ на военный лад и выполнению Постановления Совета народных комиссаров (СНК) СССР, Центрального комитета (ЦК) ВКП(б) от 06.01.1942 № 19 «О развитии рыбных промыслов в бассейнах рек Сибири и на Дальнем Востоке» [9]. Были обозначены некоторые проблемы и трудности в положении рыбной отрасли, сформулирован вывод о необходимости создания на Сибирском Севере комплексного РХ. Вне поля зрения историков той поры остались вопросы принудительного труда в отрасли. Требовали детальной разработки вопросы объемов вылова рыбы по годам, выяснение их динамики, анализ причин снижения добычи рыбы в 1944–1945 гг., удельный вес региона и отдельных округов применительно к объемам вылова в Сибири и СССР.

На постсоветском этапе разработкой вопросов истории РХ Крайнего Севера занимался известный тобольский историк Ю. П. При-

быльский [10], некоторые факты о развитии рыбной отрасли представил Б. У. Серазетдинов [11–13]. Продолжают работать в данном направлении признанные специалисты С. Т. Гайдин, Л. В. Алексеева, Г. А. Бурмакина, а также И. Г. Геценко [14–16]. Много сделано указанными исследователями, но степень изученности темы и разработка отдельных ее сюжетов, вопросов и проблем различаются по национальным округам (НО) Северной Сибири. Достаточно разносторонне изучено РХ Югры и Ямала военных лет [17–21].

Один из интересующих показателей результатов деятельности РХ – объем вылова рыбы. Автором данной статьи в предшествующих работах установлено, что в 1941–1945 гг. Югра и Ямал выловили в 1941 г. 264 тыс. ц; в 1942 г. – 390,08 тыс. ц; в 1943 г. – 525 тыс. ц; в 1944 г. – 417,8 тыс. ц; в 1945 г. – 322,3 тыс. ц [20, с. 79]. Общий объем выловленной рыбы составил 1 млн 919 тыс. 238 ц (или почти 200 тыс. т) В опубликованной статье [20, с. 79] допущена техническая ошибка: указан объем выловленной рыбы как «2 тыс. т» вместо корректного «200 тыс. т». Чрезвычайно важно установить удельный вес округов в вылове восточных районов и СССР. По двум национальным округам Западно-Сибирского Севера доля в добыче рыбы выразилась в следующих показателях: в 1941 г. – 1,64 %, в 1942 г. – 2,28 %, в 1943 г. – 2,41 %, в 1944 – 1,98 %, в 1945 г. – 1,72 % [20, с. 79]. В суммарном выражении доля Югры и Ямала в общесоюзном объеме уловов пресноводных водоемов составила 1/10 (10,03 %). Ранее Л. В. Алексеевой был сделан ошибочный вывод о размере доли в вылове рыбы в масштабах страны:

он был завышен, так как указывалось, что эта доля составила 1/5 [19, с. 76].

Малоизученные вопросы рыбного хозяйства Сибирского Севера. Среди результатов деятельности РХ важнейшее место занимает вопрос об объемах вылова. Сегодня исследователи располагают научными данными об объемах добычи рыбы в НО Севера Западной Сибири. Выявление объемов уловов в НО Енисейского Севера было более трудоемким. Специальных работ, посвященных истории рыбной промышленности военного времени Таймырского и Эвенкийского национальных округов, не выявлено. Некоторые фактографические данные о РХ региона представлены в ряде работ о Красноярском крае, Енисейском Севере за длительный исторический период. Здесь следует выделить монографию С. Т. Гайдина и Г. А. Бурмакиной, в которой специальный параграф посвящен рыбной промышленности Красноярского края в годы Великой Отечественной войны, отражены некоторые фактографические данные о ее состоянии в Таймырском и Эвенкийском национальных округах [8, с. 145–146]. На сегодняшний день это единственная работа в отечественной историографии, в которой систематизированы сведения по теме РХ округов Енисейского Севера.

Несмотря на схожие природно-климатические условия, малонаселенность и слабое развитие социальной, транспортной, промышленной, энергетической инфраструктуры, между НО, расположенными в пределах Сибирского Севера, имелись отличия. Общие данные о НО к началу Великой Отечественной войны представлены в табл. 1.

Таблица 1

Общие сведения об округах Сибирского Севера накануне Великой Отечественной войны

Округ и административный центр	Район и административный центр	Площадь (тыс. км ²)	Население по переписи 1939 г.
Ханты-Мансийский / Ханты-Мансийск	Березовский (Березово), Самаровский (Ханты-Мансийск), Сургутский (Сургут), Кондинский (Нахрачи), Ларьякский (Ларьяк), Микояновский (Кондинское)	534,8	93 274

Окончание табл. 1

Округ и административный центр	Район и административный центр	Площадь (тыс. км ²)	Население по переписи 1939 г.
Ямало-Ненецкий / Салехард	Шурышкарский (Мужи), Приуральский (Щучье), Ямальский (Яр-Сале), Надымский (Ныда), Тазовский (Хальмер-Седе), Пуровский (Тарко-Сале)	750,3	45 840
Таймырский / Дудинка	Авамский (Волосянка), Дудинский (Дудинка), Хатангский (Хатанга), Усть-Енисейский (Караул)	862,1	28 711
Эвенкийский / Тура	Илимпийский (Тура), Байкитский (Байкит), Тунгусско-Чунский (Стрелка-Чуни, позднее – Ванавара)	745,0	9 498

Примечание. Составлено автором.

Сведения табл. 1 показали, что Сибирский Север – это огромная территория, площадь которой составляла без малого 3 млн км², чрезвычайно малонаселенная. Особенно малочисленными являлись Таймырский и Эвенкийский национальные округа (ТНО и ЭНО), что безусловно являлось важнейшим фактором, затруднявшим хозяйственное освоение региона в сложных климатических условиях при полном отсутствии транспортной и энергетической инфраструктуры. Административное деление также отличалось. В Ханты-Мансийском округе (ХМНО) и Ямальском округе (ЯННО) имелось по 6 районов, в ТНО – 4, а в ЭНО – 3. Таймырский округ имел самую большую территорию, располагался за Полярным кругом. Наименьшим по территории являлся Ханты-Мансийский округ.

Анализ трудов историков выявил, что следует выделить недостаточно изученные проблемы, а именно: установление динамики объемов добычи рыбы Таймырского и Эвенкийского НО в годы войны; сравнение объемов вылова в исследуемых четырех НО; выявление доли Сибирского Севера и отдельных НО в рыбодобыче восточных районов страны и СССР применительно к пресноводным водоемам России. Важно рассмотреть указанные вопросы в намеченной последовательности.

Проблема установления вылова рыбы в Таймырском и Эвенкийском национальных округах в годы войны. В исторической науке при-

знано, что новым этапом в развитии РХ Сибирского Севера стало принятие Постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О развитии рыбной промышленности в бассейнах рек Сибири и Дальнего Востока» (от 6 января 1942 г.). Исследователь М. И. Белов считал, что главная цель этого постановления заключалась в решении задачи частичной компенсации сокращения добычи в западной части страны, охваченной войной, а также удовлетворении увеличившегося спроса на рыбу на самом Севере [2, с. 447]. Схожие выводы характерны и для последующих работ отечественных историков. Если об объемах добычи рыбы в ХМНО и ЯННО сформировалось довольно полное представление, то о вылове в ТНО и ЭНО в годы войны такой информации нет, хотя С. Т. Гайдиным и Г. А. Бурмакиной проделана значительная работа в этом направлении.

В журнале «Рыбное хозяйство» (№ 1 за 1941 г.), номер которого был посвящен итогам 1940 г. и задачам на 1941 г., сообщалось, что богатые рыбой сибирские реки, в том числе Обь, Иртыш, Енисей, озера Красноярского края использовались очень слабо. Там же указан довоенный объем добытой рыбы в Красноярском крае – 38 тыс. ц. Автор статьи был убежден, что там можно добыть 150 тыс. ц [22, с. 7–8]. По январскому постановлению 1942 г. план для Красноярского рыбопромышленного треста на 1942 г. по вылову составил 300 тыс. ц, с доведением добычи

рыбы в 1943 г. до 600 тыс. ц [23, с. 7]. Народному комиссариату внутренних дел (НКВД) предписывалось в первом полугодии 1942 г. направить 15 тыс. человек и в 1943 г. – 10 тыс. спецпереселенцев в Гальчиху, Усть-Порт, Дудинку, на рр. Хатангу и Пясину для лова рыбы [23]. Для округов Красноярского края была поставлена задача организовать массовый вылов рыбы в северных водоемах для экстренного продовольственного снабжения фронта и тыла [24, с. 116].

В научной литературе распространен вывод о том, что в годы Великой Отечественной

войны рыбная промышленность Красноярского края, как и других регионов Сибири и Дальнего Востока, работала на обеспечение продовольственных потребностей армии и гражданского населения страны. Она внесла значительный вклад в деятельность фронта и тыла по достижению победы [25, с. 229].

Опубликованные материалы о вылове рыбы за 1942–1945 гг. в ЭНО впервые приведены в работе Н. М. Ковязина и К. Г. Кузакова [26, с. 128]. Подсчеты суммарных объемов добычи рыбы по каждому из районов и в целом по этому округу отражены в табл. 2.

Таблица 2

Добыча рыбы в Эвенкии по районам (в ц) в 1942–1945 гг.

Район	1942	1943	1944	1945	Всего
Илимпейский	4 259	6 871	4 217	3 565	18 912
Байкитский	686	598	467	433	2 184
Тунгусско-Чунский	748	728	419	252	2 147
Итого	5 693	8 197	5 103	4 250	23 243

Примечание. Составлено автором.

Анализ динамики вылова по районам ЭНО показал, что больше всего рыбы добывали в Илимпейском районе. Он являлся основным поставщиком рыбы в этом округе (81,73 %).

В Эвенкийском округе работали три рыбзавода: Нижне-Тунгусский, Ессейский, Байкитский. С учетом имеющихся данных суммарный вылов рыбы за 1942–1944 гг. составил 18 993 ц. Эта информация необходима для того, чтобы установить, сколько рыбы выловили в 1941 г., затем вычислить общий вылов за военный период. Исследователи С. Т. Гайдин и Г. А. Бурмакина подсчитали, что в рыбопро-

мысловых водоемах ЭНО за 1941–1944 гг. выловлено около 21 500 ц рыбы, а за 1942–1945 гг. в округе уловы составили 23 243 ц рыбы. Далее при вычитании (21 500 – 18 993 = 2 507 ц) стал известен недостающий годовой показатель вылова за 1941 г. (2 507 ц). Сложив этот результат с данными за 1942–1945 гг. Н. М. Ковязина и К. Г. Кузакова, был установлен объем вылова за весь военный период в Эвенкийском округе – 25 750 ц. Таким образом определен объем вылова за военный период в ЭНО (табл. 3).

Таблица 3

Вылов рыбы в Эвенкийском национальном округе (в ц) в 1941–1945 гг.

1941	1942	1943	1944	1945	Всего
2 507	5 693	8 197	5 103	4 250	25 750

Примечание. Составлено автором.

По сведениям табл. 3, в 1942 г. вылов по сравнению с 1941 г. увеличился почти в 2 раза, в 1943 г. по сравнению с 1941 г. – в 3,2 раза. Ученые Н. М. Ковязин, К. Г. Кузаков справедливо утверждали, что увеличение добычи в ЭНО произошло в 1942 г. в связи с извест-

ным постановлением 1942 г., а пик вылова в этом НО пришелся на 1943 г. [26, с. 129], как и в округах Севера Западной Сибири, но затем начался спад.

Далее выявлены объемы добычи рыбы для ТНО. Отмечено, некоторые данные

о вылове военного времени по Енисейскому Северу содержатся в работах С. Т. Гайдина и Г. А. Бурмакиной. По подсчетам авторов, в рыбопромысловых водоемах ТНО за 1941–1944 гг. выловили 120 250 ц рыбы [8, с. 158]. Динамика уловов по годам не приведена. В другой работе указанные исследователи привели общую цифру по вылову в ТНО за 1942–1945 гг., а показатель добычи, как и в первом случае, составил 120 250 ц, то есть количественно он одинаковый, но хронологический период разный. Сравнительный анализ доступных данных и проведенная верификация позволили вычислить отсутствующую информацию по годам. По сведениям архивистов, в 1942 г. в Таймырском округе организовано несколько мелких рыбозаводов: Лескинский, Ошмаринский, Толстоносовский, Хатангский, Дудинский, Хантайский [16]. Кроме них рыбодобычу вел и Морзверкомбинат. Данные о видах и объемах продукции Таймырского ГРТ опубликованы С. Т. Гайдиным, Г. А. Бурмакиной за 1940–1944 г. и за 10 месяцев 1945 г. [8]. Важно уточнение И. И. Кузнецова о том, что Таймырский госрыбтрест создан в 1943 г. [27, с. 207]. Историками С. Т. Гайдиным, Г. А. Бурмакиной данные о вылове Таймырского ГРТ не представлены, но есть статистика вылова рыбы Красноярского рыбтреста по рыбзаводам за 1943–1945 гг.; общий вылов составил: в 1943 г. – 90 544 тыс. ц; в 1944 г. – 81 408 тыс. ц; в 1945 г. – 62 634 тыс. ц [8, с. 351]. Речь идет о вылове рыбы суммарно в отношении всего

Красноярского края. В структуре Красноярского рыбтреста работало 17 рыбозаводов, в том числе и рыбзаводы, находившиеся в составе Таймырского рыбтреста, то есть расположенные на территории ТНО (автором статьи обнаружено 8 рыбзаводов). По сведениям Р. В. Павлюкевича, Красноярский рыбопромышленный трест образован путем объединения в 1936 г. двух действовавших трестов: Красноярского и Эвенкийского [28, с. 136]. В архивной справке Государственного архива Красноярского края (Ф. Р-1441) указано, что в 1936 г. на базе Таймырского и Красноярского (Туруханского) рыбтрестов был образован Красноярский рыбопромышленный трест (Красноярскрыбпром) с подчинением Главному управлению рыбной промышленности Сибири [29]. Приказом от 25.06.1942 № 129 «А» по Красноярскому РПТ Таймырский рыбный завод преобразован в Таймырский государственный рыбопромышленный, а Усть-Портовский рыбконсервный завод ликвидирован. В 1944 г. Усть-Портовский рыбконсервный завод восстановлен как предприятие [30].

Группировка рыбзаводов по их местоположению позволила установить на основе имевшихся сведений об уловах объем добычи рыбы в ТНО. Объем добычи рыбы в ТНО за военный период составил в этом округе 148 201 ц. Ниже представлена табл. 4 со сводными данными по уловам рыбы в ТНО и ЭНО.

Таблица 4

Вылов в Таймырском и Эвенкийском национальных округах в 1941–1945 гг. (в ц)

Год	1941	1942	1943	1944	1945	Всего
Улов в Таймырском округе	21 500	27 951	34 114	36 485	27 381	148 201
Улов в Эвенкийском округе	2 507	5 693	8 197	5 103	4 250	25 750
Итого	24 007	33 644	42 311	39 217	31 631	173 951

Примечание. Составлено автором.

Общий вылов за военный период в двух округах Енисейского Севера составил 173 951 ц рыбы. В работе С. Т. Гайдина и Г. А. Бурмакиной вылов на Енисейском Севере оценен в 141 750 ц рыбы [14, с. 220]. В материалах к конференции 1958 г. приводились данные

о вылове рыбы по отдельным экономическим районам Восточной Сибири. В этом источнике сообщались размеры добычи рыбы по Бурят-Монгольскому, Иркутскому, Красноярскому и Якутскому экономическим районам. В частности, по Красноярскому району

значимы данные о вылове военного времени: 1941–1942 гг. – сведений нет; 1943 г. – 115,6 тыс. ц; 1944 г. – 104,4 тыс. ц; 1945 г. – 77,4 тыс. ц; всего – 207,4 тыс. ц (без учета 1941 г.) [31, с. 8]. Эти же сведения привели С. Т. Гайдин и Г. А. Бурмакина в монографии. Речь идет о территории всего Красноярского края [8, с. 355]. Сопоставление данных позволило приблизительно оценить долю добытой рыбы в ЭНО и ТНО, составившую 1/3 от уловов Красноярского края. Исследователь И. И. Кузнецов привел информацию об объемах вылова всей Восточной Сибири. Он указал, что в 1940 г. добыли 21,3 тыс. т, а в 1945 г. – 33,9 тыс. т [27, с. 507]. Отдельно сведения о северной части упомянутым автором не приводились.

В историографии существуют разные точки зрения о причинах снижения добычи рыбы в округах Енисейского Севера в 1944–1945 гг. Так, Н. М. Ковязин, К. Г. Кузаков снижение уловов связывали с уменьшением значения труднодоступного региона для страны, так как началось освобождение временно оккупиро-

ванных территорий, и возобновился процесс рыбодобычи в них [26, с. 129]. Историк М. И. Белов придерживался утверждения, что развитие региона происходило преимущественно за счет внутренних ресурсов [2, с. 432], которых не хватало для развития отрасли. Местное население и спецпереселенческая рабочая сила, материальные возможности рыбзаводов, рыбные ресурсы водоемов уже не позволяли наращивать объемы уловов. По заключению С. Т. Гайдина и Г. А. Бурмакиной, меры, предпринятые в крае (завоз рабочей силы, открытие новых предприятий, государственная поддержка), способствовали увеличению вылов рыбы в два, а не в семь раз, как следовало из государственного задания [8, с. 156].

Вылов рыбы в национальных округах Сибирского Севера в 1941–1945 гг. В рамках исследования важно сравнение объемов вылова в НО Сибирского Севера. Анализ по удельному весу каждого из НО осуществлен при помощи сведений табл. 5.

Таблица 5

Вылов рыбы в национальных округах Сибирского Севера в 1941–1945 гг. (в ц)

Округ	1941	1942	1943	1944	1945	Итого	Удельный вес (в %)
Ханты-Мансийский	148 300	233 380	311 000	247 300	171 600	1 111 580	53,11
Ямало-Ненецкий	115 700	156 700	214 000	170 500	150 700	807 600	38,58
Таймырский	21 500	27 951	34 114	36 485	27 381	148 201	7,08
Эвенкийский	2 507	5 693	8 197	5 103	4 250	25 750	1,23
Итого	–	–	–	–	–	2 093 131	100

Примечание. Составлено автором.

Общие объемы добычи рыбы по Сибирскому Северу за военный период составили 2 093 131 ц (209,1 тыс. т). Приведенные статистические данные обозначили лидирующую позицию в добыче рыбы ХМНО (1 111 580 ц) с долей в улове Сибирского Севера 53,11 %. Таймырский округ добыл в 7,5 раз меньше, чем Ханты-Мансийский (148 201 ц), его доля выражена в показателе 7,08 %. Вторым по объемам уловов являлся ЯННО – 807 600 ц или 38,58 % улова Сибирского Севера. В Эвенкийском округе выловили 25 750 ц или 1,23 %.

Показатели совокупного объема по вылову за каждый военный год в НО Сибирского

Севера подтвердили, что все четыре округа увеличили добычу рыбы в 1942 г. по сравнению с 1941 г.: Ханты-Мансийский округ – на 36,46 %, Ямало-Ненецкий – на 26,16 %, Таймырский – на 23,08 %, Эвенкийский – на 45,96 %. В 1943 г. все округа увеличили добычу по отношению к предыдущему году: ХМНО – на 33,26 %, ЯННО – на 36,57 %, ТНО – на 22,05 %, ЭНО – на 43,97 %. В 1944 г. произошло снижение рыбодобычи в трех округах кроме Таймырского. Наибольший спад наблюдался в уловах ЭНО – на 37,75 %, при этом в ХМНО – на 21,48 %, в ЯННО – на 20,23 %. В 1945 г. наибольшее сокращение

уловов обнаружено в ХМНО – на 30,61 %. В ТНО уловы уменьшились на 25 %, в ЭНО – на 16,72 %, в ЯННО – на 11, 61 %.

Проблема установления удельного веса национальных округов Сибирского Севера в вылове рыбы в восточных районах страны и СССР. Известный ученый Н. М. Кузнецов писал, что еще до войны СССР по количеству вылова занимал третье место в мире. Эти показатели обеспечивались преимущественно рыбной отраслью России. Исследователь не относил водоемы Сибирского Севера к основным рыбодобывающим в СССР [32, с. 5]. Тем не менее роль региона в поставках рыбы в советский период заметно возросла. Так, в статистическом сборнике «Крайний Север к 1934 г.» указано, что удельный вес Крайнего Севера в добыче рыбы по СССР составлял 23,9 %. В этом источнике оценка региона в значении для союзного рыболовства изменилась в лучшую сторону. Север Западной Сибири был отнесен к районам большого рыболовства, а Север Восточно-Сибирского края – малого [33]. Эта оценка прослеживается и в трудах региональных историков послевоенного периода. В работах М. Е. Бударина и Ю. П. Прибыльского подчеркнута решающая роль рыбаков ХМНО и ЯННО

в освоении рыбных богатств Сибири. Так, М. Е. Бударин отметил, что накануне войны Сибирский бассейн по уловам рыбы занимал первое место среди внутренних пресноводных водоемов страны, а доля НО Севера Западной Сибири составляла около 40 % рыбы пресноводных водоемов [34, с. 229]. По утверждению Ю. П. Прибыльского, Обь-Иртышскому бассейну среди внутренних водоемов страны нет равных по запасам лососевых рыб, он давал около 50 % добычи СССР [6, с. 3]. Эти данные не подтверждены источниками.

Январским постановлением 1942 г. предписывалось в указанном году установить план добычи рыбы по бассейнам Сибири в размере 1 550 тыс. ц (155 тыс. т) и довести его в 1943 г. до 2 500 тыс. ц (250 тыс. т) [23]. Увеличение добычи рыбы требовалось от НО Сибирского Севера вначале в два раза, а в 1943 г. – в три раза. В условиях временной оккупации европейской части территории страны основными рыбодобывающими бассейнами являлись Каспийский, Дальневосточный и Сибирский, объем последнего в вылове и удельный вес в добыче рыбы представлены в монографии Ю. П. Прибыльского и В. И. Федорченко (табл. 6) [7, с. 142].

Таблица 6

Вылов рыбы Сибирского бассейна в 1941–1945 гг. по Наркомату рыбной промышленности СССР

Год	1941	1942	1943	1944	1945
В тыс. т	51	89	120	92	72
В %	4,4	9,9	11,0	8,3	7,2

Примечание. Составлено по источнику [7, с. 142].

Общий объем уловов этого бассейна составил за военный период 424 тыс. т. Исследователи Ю. П. Прибыльский и В. И. Федорченко указали, что удельный вес Севера в заготовках рыбы в Сибири в годы войны – 75,4 % [7, с. 143].

Удельный вес Сибирского бассейна можно увидеть исходя из сравнительного анализа данных по другим регионам восточной части страны (табл. 7).

Таблица 7

Вылов рыбы в Сибири и на Дальнем Востоке в годы Великой Отечественной войны

Регион	Вылов
Сибирский бассейн	424 тыс. т
Сибирский Север	209,2 тыс. т
Дальний Восток	173 тыс. т
Камчатский край	78,9 тыс. т

Окончание табл. 7

Регион	Вылов
Корякский национальный округ	78,9 тыс. т
Якутия	40 тыс. т
Итого	1 004 тыс. т

Примечание. Составлено по источникам [7, с. 142; 35; 36, с. 116; 37, с. 99].

За годы войны вылов по основным рыбодобывающим районам Сибири, включая Дальний Восток, составил 1 млн 4 тыс. т, в четырех национальных округах Сибирского Севера – 2 092 361 ц (или 209 236 т). Установив общий вылов, выявлена доля региона в вылове Сибирского бассейна – 49,29 %.

Удельный вес добычи рыбы национальных округов Сибирского Севера относительно всей Сибири и Дальнего Востока составил за военный период 20,89 %, то есть 1/5 всей рыбы, добытой в восточной части страны.

С помощью полученных данных выявлены доли вылова национальных округов Сибирского Севера в объемах добычи рыбы СССР военного периода. Стоит напомнить, что до войны 38 % рыбы добывали в аквато-

риях Баренцева, Балтийского, Черного и Азовского морей, а основным регионом добычи рыбы в войну являлся Волго-Каспийский рыбопромышленный район. Вылов рыбы в 1940 г. составил в стране 1 127 тыс. т [38, с. 1], что составляло, по утверждению Е. Сямина, почти 20 % от всей мировой добычи [39]. Официальные статистические данные по вылову рыбы подтвердили, что в 1940 г. в СССР было добыто 1 404 тыс. т, а всего за военный период в стране выловили рыбы: 1941 г. – 1 281 тыс. т; 1942 г. – 962 тыс. т; 1943 г. – 1 208 тыс. т; 1944 г. – 1 235 тыс. т; 1945 г. – 1 125 тыс. т [40, с. 61]. Ниже представлена табл. 8, сведения которой проиллюстрировали удельный вес вылова на Сибирском Севере по отношению к вылову рыбы в СССР.

Таблица 8

Доля вылова рыбы национальных округов Сибирского Севера в объемах вылова СССР (1941–1945)

	1941	1942	1943	1944	1945	Итого
СССР (в т)	1 281 000	962 000	1 208 000	1 235 000	1 125 000	5 811 000
Сибирский Север (четыре НО) (в ц)	288 007	423 724	567 311	459 388	353 931	2 092 361
Сибирский Север (в т)	28 800	42 370	56 731	45 938	35 393	209 236
Доля в %	–	–	–	–	–	3,6

Примечание. Составлено автором.

Удельный вес национальных округов Сибирского Севера в общем объеме вылова рыбы в СССР составил 3,6 %, а удельный вес восточных районов страны в добыче рыбы в стране – 17,28 %. Значение добычи рыбы в Сибири и на Дальнем Востоке состояло в том, что удалось частично компенсировать сокращение объема рыбной продукции из-за потерь промыслов в связи с временной оккупацией территории, что оказало помощь государству в снабжении армии и населения в военное время.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сибирский Север стал одной из важных рыбодобывающих территорий в СССР, осуществлявшей поставку рыбной продукции не

только на фронт, но и для питания населения. В отечественной историографии качественнее изучено рыбное хозяйство Ямало-Ненецкого и Ханты-Мансийского национальных округов, в меньшей степени разработана систематическая история данной отрасли указанного периода применительно к Таймырскому и Эвенкийскому округам.

Благодаря проведенному исследованию установлены объемы вылова рыбы по Эвенкийскому (25 750 ц), Таймырскому (148 201 ц) национальным округам и по Сибирскому Северу в целом. Вылов составил 2 093 131 ц (209,1 тыс. т) – 20 % всей рыбы, добытой в восточной части страны, и 3,6 % в общем объеме вылова рыбы в СССР.

Сибирский Север – стратегический регион России и в прошлом, и в настоящем. Важно подойти критически к накопленному исто-

рическому знанию исследуемой темы, осуществить его верификацию и обозначить направления дальнейших изысканий.

Список источников

1. Гололобов Е. И. Сибирский Север: динамика образа – от Barren Grounds к Northern Plain // *Quaestio Rossica*. 2017. Т. 5, № 1. С. 137–152.
2. Белов М. И. Научное и хозяйственное освоение Советского Севера 1933–1945 гг. Л. : Гидрометеоздат, 1969. 615 с.
3. Ананьев Д. А. Проблемы освоения Советской Арктики в освещении англо-американских исследователей 1930–1950-х гг. // *Историко-экономические исследования*. 2019. Т. 20, № 3. С. 454–479.
4. Прибыльский Ю. П. Советский Север в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) / под ред. В. А. Зибарева. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1986. 279 с.
5. История Сибири с древнейших времен до наших дней. Сибирь в период завершения строительства социализма и перехода к коммунизму : в 5 т. Л. : Наука, 1969. Т. 5. 470 с.
6. Прибыльский Ю. П. Подвиг рыбаков Обь-Иртышья. Коммунистическая партия – организатор рыбного хозяйства Севера Западной Сибири / под ред. А. Н. Петкевича и Г. И. Мингалева. Тюмень : Средне-Уральское книжное изд-во, 1970. 139 с.
7. Прибыльский Ю. П., Федорченко В. И. Рыбное хозяйство Сибири в годы Великой Отечественной войны. Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1988. 160 с.
8. Гайдин С. Т., Бурмакина Г. А. История охотничьего и рыбного хозяйства Приенисейского региона (1822–1991 гг.) : моногр. Красноярск : Краснояр. гос. аграрный ун-т, 2015. 369 с.
9. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИТО). Ф. П-107. Оп. 1. Д. 655. Л. 105–110.
10. Прибыльский Ю. П. Рыбное хозяйство Обь-Иртышья в XX в. : моногр. М. : Наука, 2008. 233 с.
11. Серазетдинов Б. У. Югра в годы войны. Екатеринбург : ПАКРУС, 2005. 221 с.
12. Серазетдинов Б. У. Патриотические почины и ударный труд в рыбном хозяйстве Ханты-Мансийского округа в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // *Северный регион: наука, образование, культура*. 2000. № 1. С. 117–121.
13. Серазетдинов Б. У. Рыбный фронт и его роль в смягчении продовольственной проблемы в СССР. 1941–1945 гг. М., 2010. 335 с.
14. Гайдин С. Т., Бурмакина Г. А. Основные этапы развития рыбной промышленности в Приенисейском регионе в XIX–XX вв. // *Гришаевские чтения : мат-лы II национ. науч. конф.*, 15 октября 2019 г., г. Красноярск. Красноярск : Краснояр. гос. аграр. ун-т, 2019. С. 214–220.

References

1. Gololobov E. I. The Siberian North and the dynamics of an image: from Barren Grounds to a Northern Plain. *Quaestio Rossica*. 2017;5(1):137–152. (In Russ.).
2. Belov M. I. Nauchnoe i hozyaystvennoe osvoenie Sovetskogo Severa 1933–1945 gg. Leningrad: Gidrometeoizdat; 1969. 615 p. (In Russ.).
3. Anan'ev D. A. Problems of the Soviet Arctic Development in the works by Anglo-American researchers of the 1930s-1950s. *Journal of Economic History & History of Economics*. 2019;20(3):454–479. (In Russ.).
4. Pribylsky Yu. P. Sovetskii Sever v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (1941–1945 gg.). Zibareva V. A., ed. Tomsk: Tomsk University Press; 1986. 279 p. (In Russ.).
5. Istoriya Sibiri s drevneyshikh vremen do nashikh dney. Sibir v period zaversheniya stroitelstva sotsializma i perekhoda k kommunizmu: in 5 vols. Leningrad: Nauka; 1969. Vol. 5. 470 p. (In Russ.).
6. Pribylsky Yu. P. Podvig rybakov Ob-Irtyshya. Kommunisticheskaya partiya – organizator rybnogo hozyaystva Severa Zapadnoi Sibiri. Petkevich A. N., Mingaleva G. I., eds. Tyumen: Sredne-Uralskoye knizhnoe izd-vo; 1970. 139 p. (In Russ.).
7. Pribylsky Yu. P., Fedorchenko V. I. Rybnoe hozyaystvo Sibiri v gody Velikoy Otechestvennoy voyny. Krasnoyarsk: Izd-vo Krasnoyarsk State Agrarian University; 1988. 160 p. (In Russ.).
8. Gaidin S. T., Burmakina G. A. Istoriya okhotnichego i rybnogo hozyaystva Prieniseyskogo regiona (1822–1991 gg.). Monograph. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Agrarian University; 2015. 369 p. (In Russ.).
9. State Archive of Social and Political History of the Tyumen Region (GBUTO GASPITO). F. P-107. Op. 1. D. 655. L. 105–110. (In Russ.).
10. Pribylsky Yu. P. Rybnoe hozyaystvo Ob-Irtyshya v XX v. Monograph. Moscow: Nauka; 2008. 233 p. (In Russ.).
11. Serazetdinov B. U. Yugra v gody voyny. Yekaterinburg: PACRUS; 2005. 221 p. (In Russ.).
12. Serazetdinov B. U. Patrioticheskie pochiny i udarny trud v rybnom hozyaystve Khanty-Mansiyskogo okruga v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (1941–1945 gg.). *Severny region: nauka, obrazovanie, kultura*. 2000;(1):117–121. (In Russ.).
13. Serazetdinov B. U. Rybny front i ego rol v smyagchenii prodovolstvennoy problemy v SSSR. 1941–1945 gg. Moscow; 2010. 335 p. (In Russ.).
14. Gaidin S. T., Burmakina G. A. Osnovnye etapy razvitiya rybnoy promyshlennosti v Prieniseyskom regione v XIX–XX vv. In: *Proceedings of 2nd national scientific conference, dedicated to the memory of Dr. of Historical Sciences, Professor, Honored Worker of Higher School V. V. Grishaev "Grishaev Readings"*, October 15, 2019, Krasnoyarsk. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Agrarian University; 2019. p. 214–220. (In Russ.).

15. Гайдин С. Т., Бурмакина Г. А. «Построение социализма» на территории Таймырского национального округа в 1930–1941 гг. // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2019. № 6. С. 103–113.
16. Геценко И. Г. Вклад Таймыра в победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. // архивы Красноярского Края : офиц. сайт. URL: https://красноярские-архивы.рф/articles/stati_arhivistov/436 (дата обращения: 29.09.2024).
17. Алексеева Л. В. Рыбное хозяйство Ханты-Мансийского национального округа в годы Второй мировой войны (1939–1945 гг.). Нижневартовск : НВГУ, 2014. 142 с.
18. Алексеева Л. В. Рыбное хозяйство Ямало-Ненецкого национального округа в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Нижневартовск : НВГУ, 2015. 169 с.
19. Алексеева Л. В. О некоторых итогах изучения истории рыбного хозяйства Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого национальных округов в годы Второй Мировой войны // Клио. 2015. № 6. С. 74–77.
20. Алексеева Л. В. Рыбные угодья и уловы на Севере Западной Сибири накануне и в годы Великой Отечественной войны // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2022. № 6. С. 71–81.
21. Алексеева Л. В. Экономика и трудовой подвиг жителей Югры // Академическая история Югры : в 8 т. / под общ. ред. Р. Г. Пихоя. Ханты-Мансийск : Изд. дом «Новости Югры», 2024. Т. 6. С. 383–400.
22. Сиволап И. Развернуть рыболовство в местных водоемах // Рыбное хозяйство. 1941. № 1. С. 7–8.
23. О развитии рыбных промыслов в бассейнах рек Сибири и на Дальнем Востоке : постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 06.01.1942 № 19. Доступ из СПС «Гарант».
24. Гайдин С. Т., Бурмакина Г. А. Высшее руководство страны и Красноярский край: основные этапы взаимоотношений в советский период // Гришаевские чтения : мат-лы VI Междунар. науч. конф., 29–30 ноября, г. Красноярск. Красноярск : Красноярск. гос. аграр. ун-т, 2024. С. 114–120.
25. Гайдин С. Т., Бурмакина Г. А. Организация рыбного промысла в Красноярском крае в послевоенный период (1946–1990 гг.) // Вестник Красноярского государственного аграрного университета. 2014. № 11. С. 229–238.
26. Ковязин Н. М., Кузаков К. Г. Советская Эвенкия : экономико-географический очерк / под общ. ред. В. Н. Увачана. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1963. 188 с.
27. Кузнецов И. И. Восточная Сибирь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1974. 509 с.
28. Павлюкевич Р. В. Развитие рыбной промышленности Красноярского экономического района
15. Gaidin S. T., Burmakina G. A. “Building of socialism” on the territory of Taymyr national district in 1930–1941. *Bulletin of Surgut State Pedagogical University*. 2019;(6):103–113. (In Russ.).
16. Getsenok I. G. Vklad Taymyra v pobedu v Velikoy Otechestvennoy voyne 1941–1945 gg. Arkhivy Krasnoyarskogo kraya. URL: <https://красноярские-архивы.рф> (accessed: 29.09.2024). (In Russ.).
17. Alekseeva L. V. Rybnoe hozyaystvo Khanty-Mansiyskogo natsionalnogo okruga v gody Vtoroy mirovoy voyny (1939–1945 gg.). Nizhnevartovsk: Nizhnevartovsk State University; 2014. 142 p. (In Russ.).
18. Alekseeva L. V. Rybnoe hozyaystvo Yamalo-Nenetskogo natsionalnogo okruga v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (1941–1945 gg.). Nizhnevartovsk: Nizhnevartovsk State University; 2015. 169 p. (In Russ.).
19. Alekseeva L. V. O nekotorykh itogakh izucheniya istorii rybnogo hozyaystva Khanty-Mansiyskogo i Yamalo-Nenetskogo natsionalnykh okrugov v gody Vtoroy Mirovoy voyny. *Clio*. 2015;(6):74–77. (In Russ.).
20. Alekseeva L. V. Fish grounds and catches in the North of Western Siberia before and during the Great Patriotic War. *Bulletin of Surgut State Pedagogical University*. 2022;(6):71–81. (In Russ.).
21. Alekseeva L. V. Ekonomika i trudovoy podvig zhitel'ey Yugry. *Akademicheskaya istoriya Yugry: in 8 vols. Pikhoy R. G., ed. Khanty-Mansiysk: Izd. dom “Novosti Yugry”*; 2024. Vol. 6. p. 383–400. (In Russ.).
22. Sivolap I. Razvernuto rybolovstvo v mestnykh vodoe-makh. *Rybnoye khozyaystvo*. 1941;(1):7–8. (In Russ.).
23. Resolution of the USSR SPK, Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks (b) of 06.01.1942 No. 19 “On the development of fisheries in the river basins of Siberia and the Far East”. Accessed through Law assistance system “Garant”. (In Russ.).
24. Gaidin S. T., Burmakina G. A. The country’s top leadership and the Krasnoyarsk territory: the main stages of relations in the Soviet period. In: *Proceedings of the 6th International Scientific Conference dedicated to the memory of Doctor of Historical Sciences, Professor, Honored Worker of Higher Education Vasily Vasilievich Grishaev “Grishaev Readings”*. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Agrarian University; 2024. p. 114–120. (In Russ.).
25. Gaidin S. T., Burmakina G. A. Organizatsiya rybnogo promysla v Krasnoyarskom krae v poslevoenny period (1946–1990 gg.). *Vestnik Krasnoyarsk State Agrarian University*. 2014;(11):229–238. (In Russ.).
26. Kovyazin N. M., Kuzakov K. G. Sovetskaya Evenkiya (ekonomiko-geograficheskiy ocherk). Uvachan V. N., ed. Moscow-Leningrad: Izd. of the USSR Academy of Sciences; 1963. 188 p. (In Russ.).
27. Kuznetsov I. I. Vostochnaya Sibir v gody Velikoy Otechestvennoy voyny 1941–1945 gg. Irkutsk: Vostochno-Sibirskoye knizhnoye izdatel'stvo; 1974. 509 p. (In Russ.).
28. Pavlyukevich R. V. The development of fish industry in Krasnoyarsk economic district in 1957–1964.

- в 1957–1964 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 448. С. 136–141.
29. Государственный архив Красноярского края. URL: <https://alertino.com/ru/444964> (дата обращения: 08.08.2024).
  30. Муниципальное казенное учреждение «Таймырский архив». URL: <https://alertino.com/ru/423303> (дата обращения: 08.08.2024).
  31. Егоров А. Г. Внутренние водоемы Восточной Сибири, как база для развития высокопродуктивного рыбного хозяйства. Иркутск, 1958. 14 с.
  32. Кузнецов Н. М. Рыболовство на Европейском Севере СССР. Архангельск : Арханг. обл. гос. изд., 1952. 36 с.
  33. Крайний север к 1934 г. : сб. мат-лов по хоз. и культурному строительству. М. : Власть советов, 1934. 176 с.
  34. Бударин М. Е. Путь малых народностей Крайнего Севера к коммунизму: КПСС – организатор соц. преобразований в нац. районах севера Западной Сибири. Омск : Зап.-Сиб. кн. изд-во. Ом. отд-ние, 1968. 474 с.
  35. Бухтеев А. Как рыбаки спасали страну от голода. URL: <https://news.kmnsoyuz.ru/news/5675> (дата обращения: 29.09.2024).
  36. Толкачева Н. В. Корякский автономный округ в годы Великой Отечественной войны. В труде – как в бою // Вестник Камчатского государственного технического университета. 2011. № 16. С. 111–122.
  37. Толкачева Н. В. Рыбная промышленность Камчатки в годы Великой Отечественной войны // Вестник Камчатского государственного технического университета. 2015. № 33. С. 89–103.
  38. Уверенно двинуться вперед // Рыбное хозяйство. 1941. № 1. С. 1–2.
  39. Сямин Е. Они приближали Победу // Русская рыба. 2020. № 2. URL: <https://rusfishjournal.ru/publications/они-приближали-победу/> (дата обращения: 09.08.2024).
  40. Великая Отечественная война : юбилейный стат. сб. М. : Федеральная служба гос. статистики, 2020. 299 с.
  29. State Archive of Krasnoyarsk Krai. URL: <https://alertino.com/ru/444964> (accessed: 08.08.2024). (In Russ.).
  30. Taymyr Archive Municipal State Institution. URL: <https://alertino.com/ru/423303> (accessed: 08.08.2024). (In Russ.).
  31. Egorov A. G. Vnutrennie vodoemy Vostochnoy Sibiri, kak baza dlya razvitiya vysokoproduktivnogo rybnogo hozyaystva. Irkutsk; 1958. 14 p. (In Russ.).
  32. Kuznetsov N. M. Rybolovstvo na Evropeyskom Severe SSSR. Arkhangelsk: Arkh. obl. gos. izd.; 1952. 36 p. (In Russ.).
  33. Krainiy sever k 1934: sbornik materialov po khoz. i kulturnomu stroitelstvu. Moscow: Vlast Sovetov; 1934. 176 p. (In Russ.).
  34. Budarin M. E. Put malykh narodnostey Kraynego Severa k kommunizmu: KPSS – organizator sots. preobrazovaniy v nats. rayonakh severa Zapadnoy Sibiri. Omsk: Zap.-Sib. kn. izd-vo. Omsk otd-niye; 1968. 474 p. (In Russ.).
  35. Bukhteev A. Kak rybaki spasali stranu ot goloda. URL: <https://news.kmnsoyuz.ru/news/5675> (accessed: 29.09.2024). (In Russ.).
  36. Tolkacheva N. V. The Koryak autonomic region in the years of the Great Patriotic war. In labor like in battle. *Vestnik Kamchatskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*. 2011;(16):111–122. (In Russ.).
  37. Tolkacheva N. V. The fishing industry of Kamchatka during the years of the Great Patriotic war. *Vestnik Kamchatskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*. 2015;(33):89–103. (In Russ.).
  38. Uverenno dvinutsya vpered. *Rybnoye khozyaystvo*. 1941;(1):1–2. (In Russ.).
  39. Syamin E. Oni priblizhali Pobedu. *Russkaya ryba*. 2020;(2). URL: <https://rusfishjournal.ru/publications/они-приближали-победу/> (accessed: 09.08.2024). (In Russ.).
  40. Velikaya Otechestvennaya voyna. Yubileyny statistichesky sbornik. Moscow: Federal State Statistics Service; 2020. 299 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Л. В. Алексеева – доктор исторических наук, профессор.

About the author

L. V. Alekseeva – Doctor of Sciences (History), Professor.

Научная статья
УДК [94(57) + 711](571.122)
<https://doi.org/10.35266/2949-3463-2024-4-10>

Нефтеразведочная экспедиция Фармана Курбановича Салманова в истории строительства города Сургута

Александр Иванович Прищеп

*Сургутский государственный университет, Сургут, Россия
aiprishcha@yandex.ru*

Аннотация. В статье проанализирован процесс обустройства прибывшей в Сургут геологоразведочной экспедиции Фармана Курбановича (Курбан-оглы) Салманова. Основная цель исследования состояла в научном отражении процесса гражданского и промышленного строительства на восточной окраине Черного Мыса как начала последующего интенсивного градостроения. Основываясь на публикациях сургутских краеведов Ивана Прокопьевича Захарова и Флегонта Яковлевича Показаньева, воспоминаниях Фармана Салманова, документальных источниках, применяя общенаучные и конкретно-исторические методы исследования, автор выявил значение деятельности и личности начальника Юганской нефтеразведочной экспедиции Фармана Салманова в организации и руководстве строительных работ. Он отметил, что усилиями сформированных им строительных бригад были построены важные производственные и социальные объекты городской инфраструктуры первой половины 1960-х годов.

Ключевые слова: нефтеразведочная экспедиция, материально-техническая база, строительная бригада, передовики производства, жилищное строительство, финансовое обеспечение, народная стройка, социалистическое соревнование

Шифр специальности: 5.6.1. Отечественная история.

Для цитирования: Прищеп А. И. Нефтеразведочная экспедиция Фармана Курбановича Салманова в истории строительства города Сургута // Северный регион: наука, образование, культура. 2024. Т. 25, № 4. С. 101–108. <https://doi.org/10.35266/2949-3463-2024-4-10>.

Original article

Farman K. Salmanov's oil exploratory expedition in the history of Surgut construction

Aleksandr I. Prishchepa

*Surgut State University, Surgut, Russia
aiprishcha@yandex.ru*

Abstract. The article analyses the process of settlement of the geological exploratory expedition of Farman K. Salmanov, which had arrived in Surgut. The main goal of the research is to scientifically reflect the process of civil and industrial construction on the eastern edge of the Chernyi Mys, initiating the subsequent intensive urban development. The publications of Surgut local historians Ivan P. Zakharov and Flegont Ya. Pokazaniev, memoirs of Farman K. Salmanov, and documentary sources. General scientific and specific-historical methods of research are applied. The author reveals the importance of the activity and personality of the Yugansk oil exploratory expedition chief Farman K. Salmanov in the organisation and management of construction works. It is noted that the efforts of the construction teams formed by him built important industrial and social facilities for urban infrastructure in the first half of the 1960s.

Keywords: oil exploratory expedition, material and technical resources, construction team, productivity leaders, house construction, financial support, people's construction, narodnaya stroika, socialist competition

Code: 5.6.1. Russian History.

For citation: Prishchepa A. I. Farman K. Salmanov's oil exploratory expedition in the history of Surgut construction. *Severnnyy region: nauka, obrazovanie, kultura*. 2024;25(4):101–108. <https://doi.org/10.35266/2949-3463-2024-4-10>.

ВВЕДЕНИЕ

Основанный в 1594 г. князем Ф. П. Барятинским и письменным головой В. В. Аничковым как укрепленная военная база продвижения Московского государства на Восток и место сбора пушной подати коренных жителей, являвшейся весомым источником пополнения государственной казны, Сургут играл заметную роль в «прирастании Российского могущества Сибирью». После утраты Сургутом своего положения как одного из важнейших форпостов освоения Сибири в конце XVII в. в связи с ростом южных городов региона ему суждено было обрести второе рождение во второй половине XX в. после сенсационного открытия за Уралом крупнейшей в стране нефтегазоносной провинции.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

В процессе подготовки статьи автор активно использовал материалы воспоминаний И. П. Захарова «Моя земля», изданных в 1999 г. в Сургуте, и П. А. Мунарева «Так было, так начиналось (Записки председателя)», вышедших там же в 1997 г. и переизданных в 2008 г., В. В. Бахилова «Дорога к нефти», опубликованных в Тюмени в 1975 г., В. Ф. Редикульцева «Первооткрыватели», напечатанные в «Тюменской правде» 3 апреля 2021 г. и «Сургут рождался в муках», обнародованных в газете «В центре событий» в июне 2006 г. в 26-м номере. Большую ценность для автора представляли мемуары Ф. К. Салманова «Сибирь – судьба моя», изданные в Москве в 1986 г. Важные исторические факты были почерпнуты из краеведческого исследования Л. В. Петровой и Ф. Я. Показаньева «Сургут», вышедшего в свет в Свердловске в 1987 г.

Интерес для исследования представляли источники, отражающие эволюцию первых геологоразведочных и нефтедобывающих поселений в городские агломерации. Так, Галина Батищева в статье «Урбанист, геолог и старожилы – про сценарии развития Сургута, которым не суждено было сбыться»

справедливо отметила: «Открытия первых нефтяных месторождений в Шаиме, Усть-Балыке, Мегионе способствовали стихийному возведению пунктов расселения рабочих кадров. Уже в начале шестидесятых годов стали появляться вахтовые поселки – прообразы “нефтяных городов” Западной Сибири...» [1].

На трудности возведения поселка геологов в Сургуте, связанные с отсутствием строительных материалов и механизмов, удаленностью от транспортных коммуникаций, указывала Ольга Маслова [2]. Трудовой энтузиазм, высокие темпы и масштабы строительства социальных объектов отразила в своей статье краевед Людмила Захарова [3], о решающей роли Ф. К. Салманова в его организации писала Юлия Шадевская [4].

Особенности исторических источников, предмета исследования и его задач определили выбор автором методов научного изучения. Использовались универсальные методы, в числе которых необходимо назвать синтез, анализ, обобщение, дедукцию и индукцию. Вместе с тем специфика тематики научного направления требовала особого внимания к конкретно-историческим методам. В ходе подготовки публикации широкое применение нашел идеографический метод, позволивший выявить особенности организации строительства в условиях его слабого материального и технического обеспечения, а также историко-генетический, представивший возможность понять связь строительных работ с геологоразведочным поиском и их эволюцию, историко-сравнительный, ставший основой анализа сходства и различия организации строительства на разных этапах его осуществления и ряд других конкретно-исторических методов, необходимых для проведения качественного исторического исследования.

Историография. Изучение истории градостроения нашло определенное отражение в работах ряда исследователей. Среди них следует прежде всего назвать изданную

в 2010 г. монографию «Западно-Сибирский нефтегазовый район: экономическое и социальное развитие (1960–2000-е гг.)» Г. Ю. Колевой, в которой отражен ряд аспектов истории формирования строительной индустрии на севере Тюменской области [5], продуктивным оказалось стремление показать в статье «Строительство городов нового промышленного освоения в 1960–1980-е гг.» специфику градостроения в Западно-Сибирской энергетической провинции [6].

Научный интерес представляет работа Н. П. Розанова «Крупнопанельное домостроение», в которой процесс жилищного строительства на Севере рассмотрен с позиции общероссийского градостроения [7].

Для формирования социального контекста городского строительства на севере Тюменской области значима изданная в 2002 г. в Тюмени монография Н. Ю. Гавриловой «Социальное развитие нефтедобывающих районов Западной Сибири (1964–1985 гг.)», в которой исследователю удалось воспроизвести модели расселения рабочих кадров на новой территории нефтегазового освоения и отразить некоторые специфические черты формирования индустриальной базы городского строительства [8].

Однако, несмотря на впечатляющую фундированность данных публикаций, вопрос о роли поселений нефтегазовых экспедиций в строительстве новых городов не нашел в них должного освещения. Связь процесса локализации нефтегазовых экспедиций, создания рабочих поселений и строительства новых нефтяных городов отметил И. Н. Стась в монографии «От поселков к городам и обратно: история градостроительной политики в Ханты-Мансийском округе (1960 – нач. 1990-х гг.)», вышедшей в свет в Сургуте в 2016 г. [9].

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

В новейшей истории Сургута особое место занимает 13 сентября 1957 г. Глобальное значение происшедшим в этот день событиям придавал талантливый краевед И. П. Захаров, который считал, что прибытие нефтегазовой экспедиции Фармана Курбановича

Салманова «является главным событием XX века» [10, с. 24].

Вопреки утвердившемуся мнению о радостной встрече прибывшего из Кузбасса десанта нефтегазовиков автор статьи предположил, что решение о формировании в Сургуте базы развертывания в Среднем Приобье поисковых работ на нефть большого оптимизма у местных руководителей не вызвало. Об этом недвусмысленно писал другой известный сургутский историк, очевидец тех событий, Ф. Я. Показаньев: «Когда Салманов в июне (мае – прим. авт.) впервые появился в Сургутском райкоме партии, его доводам о высокой нефтеносности территории верили с трудом» [11, с. 60].

Об этом первом и самом важном для принятия стратегических решений о размещении геологоразведочной экспедиции визите в Сургут Ф. К. Салманов вспоминал с теплотой и подчеркивал его дружеский характер. Однако реакция руководителей районного центра на известие о намерении производить здесь геологоразведочные работы была весьма скептической. Он писал: «Первый секретарь районного комитета партии Виктор Гаврилович Бахмат взглянул на меня с недоверием» [12, с. 49].

Критично на заявление Ф. К. Салманова отреагировал директор рыбокомбината Г. С. Максимов, который вспоминал: «В Покуре два года бурили-бурили и, ничего не найдя, смотались» [12, с. 49]. Особенно категорично высказал свое негативное отношение к предполагаемому приезду нефтегазовой экспедиции председатель райисполкома, решительно заявивший: «Геологи здесь пробудут недолго, испортят площадку, а для расширения райцентра места и так мало» [12, с. 49].

Несмотря на столь сдержанное отношение к предполагаемому прибытию нефтегазовой экспедиции, общий итог первого совместного совещания первооткрывателей будущей нефтегазовой провинции завершилось компромиссным решением. «Мы выбрали другую площадку в конце Черного Мыса и получили окончательное разрешение местных властей на ее производственное обу-

стройство и жилищную застройку», – вспоминал Фарман Курбанович [12, с. 60].

Для решения этой задачи он предлагал использовать административный ресурс районного центра, объединить имевшиеся строительные мощности его производственных структур и доставленных из Кузбасса машин и механизмов нефтеразведочного подразделения. Однако его планам не суждено было сбыться. Сургут, имевший статус села и только в 1958 г. провозглашенный рабочим поселком, не располагал таким производственным потенциалом.

Основными производителями материалов для строившихся объектов в Сургутском районе являлись Райпромкомбинат и Промартель им. С. М. Кирова. Но они работали крайне неудовлетворительно. В 1957 г. в условиях острой потребности в столярных изделиях Райпромкомбинат не смог обеспечить стройки необходимыми оконными переплетами и другими столярными и плотницкими комплекующими изделиями.

Хроническую потребность строители испытывали в обеспечении кирпичом. Сургутский кирпичный завод был не в состоянии его производить. Он представлял собой печальное зрелище. Сохранившееся оборудование и механизмы были занесены снегом и требовали ремонта. Сушильные сараи нуждались в реконструкции. Рабочие бригады были не укомплектованы, бытовые помещения отсутствовали. Доставка кирпича осуществлялась из Ханты-Мансийска, но производилась нерегулярно в силу отсутствия надежных транспортных коммуникаций [13].

Знакомство с транспортными возможностями с. Сургут произвело на Ф. К. Салманова гнетущее впечатление. Он оценивал их так: «Как выяснилось, транспорт мощностью в одну лошадиную силу был самым распространенным в Сургуте. Автомшины здесь совсем не водились» [12, с. 69].

Эмоциональный начальник экспедиции преувеличивал. Известно, что машинно-тракторная станция в Сургуте была создана в 1940 г. Первый грузовой автомобиль ЗИС-5 появился в 1952 г. Электроэнергией в 1928 г. было обеспечено строительство рыбзавода,

а в 1954 г. к ней был подключен весь Черный Мыс [14, с. 24]. Он прав в том, что это было маломощное патриархальное хозяйство, строительный и транспортный потенциал которого не мог стать основой формирования в городе базового центра развертывания масштабной геологоразведки.

Показательно то, что ездить поначалу было не на чем. Тогда Салманов купил в колхозе «Верный путь» выездного коня Казбека [6, с. 22], на котором, как он вспоминал, в день проезжал по 200 км [15].

Даже в мае 1964 г., судя по мемуарам прибывшего тогда в Сургут руководителя Главтюменнефтегазстроя (основного строительного главка Западной Сибири), наделенного чрезвычайными полномочиями, А. С. Барсукова, «там ничего не было. Ни-че-го». Он вспоминал: «Есть такой город Сургут. Теперь это город. Тогда там было три лошади, один самосвал и тридцать четыре или тридцать пять человек. Условия снабжения были тяжелейшими. Например, кислород для газосварки приходилось возить за полторы тысячи километров из Томска и Новосибирска» [16, с. 75].

Экономические возможности и состояние бюджета райцентра проиллюстрировала докладная записка Председателя Сургутского райсовета А. Заева, который в январе 1957 г. для приобретения коммутатора и кабеля для ремонта линии телефонной связи слезно просил у Тюменского облисполкома включить в месячный бюджет 50 тыс. руб. [17].

В Сургуте ощущался острый дефицит жилья. Значительная часть жилищного фонда составляли непригодные под северные условия, прогнившие строения. В балках и бараках размещалась подавляющая часть тружеников лесной и рыбной отраслей промышленности. Рабочий Сургутского рыбоконсервного завода располагал в среднем только 4 кв. м жилой площади, тогда как по стране средняя обеспеченность жильем составляла 9 кв. м на человека. Чтобы достичь этого показателя, предприятию необходимо было построить 7 764 кв. м жилой площади.

Такую же насущную потребность в жилье испытывали работники бюджетной сферы.

Чтобы обеспечить им всех преподавателей, необходимо было ввести в эксплуатацию квартир общей площадью 918 кв. м. Однако хозчасть исполкома была в состоянии предоставить только 500 кв. м коммунального жилья [18].

Райисполком не располагал необходимыми для такого масштабного жилищного строительства финансовыми возможностями. За два года до прибытия экспедиции Ф. К. Салманова Сургутский рыбоконсервный завод сумел построить только четыре четырехквартирных дома. Всего два дома и десять квартир за этот период заселил райпотребсоюз. Сургутский леспромхоз, который испытывал хронический дефицит рабочих кадров по причине отсутствия элементарных условий проживания, в 1957 г. из предоставленных ему в наводнение двадцати щитовых домов собрал только два. Остальные комплекты сборных конструкций были брошены на берегу р. Черной и оставались бесхозными зимовать до следующего года [19].

Несмотря на отсутствие производственных возможностей у администрации района оказать необходимое экономическое содействие в обустройстве территории размещения прибывших геологов, начальник Юганской нефтеразведочной экспедиции Ф. К. Салманов не терял уверенности в успехе задуманного им предприятия. На состоявшейся в сентябре 1957 г. IX партийной конференции Сургутского района он с воодушевлением посвящал ее участников в казавшиеся многим невыполнимыми планы открытия новых нефтяных месторождений в Западной Сибири и обустройства Сургута. Завершая свое выступление под аплодисменты партийно-хозяйственного актива района, Ф. К. Салманов уверенно заявил: «Здесь будет создано третье Баку!» [20].

Планы строительства начальника экспедиции значительно превосходили полученные им официальные задания. В восточной части Черного Мыса практически с нуля, полагаясь только на собственную «строительную базу» и технику, развернулось невиданное для многовекового патриархального села интенсивное гражданское и производственное строи-

тельство. Сверх запланированных Управлением геологии строительных объектов Ф. К. Салманов принял решение ввести в эксплуатацию не 5, а 10 тыс. кв. м жилой площади, построить общежитие и клуб нефтяников на 135–150 мест, столовую и детский сад. Сургутская экспедиция выступила с инициативой реконструкции Затонской начальной школы, одобренной Сургутским райкомом Коммунистической партии Советского Союза (КПСС). В 1959 г. Юганской нефтеразведочной экспедиции было поручено строительство аэродрома для приема самолетов Ли-2 [21].

Работы начались с формирования бригад из строителей, потому что среди прибывших геологов их насчитывалось небольшое количество. В рабочей силе строительство недостатка не испытывало. «К нам шли люди. На работу уже устроились более пятидесяти человек. Первое, что мы сделали, из принятых рабочих создали несколько плотничьих бригад, которые сразу же приступили к подготовке площадки под строительство на восточном краю Черного Мыса», – вспоминал Фарман Курбанович [12, с. 69].

В этом районе находилось заросшее лесом моховое болото. На нем осуществили дренаж, проложили лежневую дорогу, свалили лес, выкорчевали пни, вырыли траншеи под водопровод и паропровод, укладывали и утеплили трубы, смонтировали резервуары для воды, протянули электролинию. Первыми производственными объектами стали дизельная электростанция и пилорама. Высокими темпами возводились жилые дома и производственные помещения. Среди строителей лучшими по праву являлись пилорамщик Я. К. Фрайденберг, плотники С. В. Пидру и И. С. Шевчук [21].

Спустя пять месяцев после высадки десанта, к февралю 1958 г., в «городке нефтяников» уже были две улицы – Новая и Сосновая, где проживало 19 семей. В первый рубленый дом заселилась многодетная семья дизелиста Е. Демина и его супруги Марии Григорьевны, заведующей материальным отделом [22].

По объемам строительных работ салмановские бригады значительно опережали все

имевшиеся в Среднем Приобье геологоразведочные партии. В 1959 г. Сургутская нефтегазразведочная экспедиция выполнила план по строительству жилых домов на 153 %, а по вводу жилья – на 243 %. Эти показатели были существенно выше, чем у Александровской геологоразведочной партии Томской области, с которой был подписан договор о социалистическом соревновании [23].

Выполняя взятые на себя важные социалистические обязательства, к лету 1958 г. были построены помещение конторы, гараж, механическая мастерская. Ускоренными темпами велось строительство детского сада и клуба, соорудили который нелегально, по смете одного из производственных складов, так как средства на культурно-бытовые объекты выделялись мизерные.

Фактическим прорабом при возведении клуба, как и всего Черного Мыса, являлся Фарман Курбанович, успешно совмещая эти функции с руководством геологоразведочных работ. При поддержке сургутского райкома партии он объявил строительство общепоселкового клуба народной стройкой, стремясь скооперировать и сосредоточить на ней средства, технику и рабочих. Воспоминания соратников Ф. К. Салманова засвидетельствовали высокий профессионализм проводимых им планерок и производственных совещаний. Он лично расставлял рабочих, следил за качеством производства работ, проявляя себя не только руководителем геологического предприятия, но и главным строителем поселка. Этот клуб открыл свои двери в канун майских праздников 1959 г. [24].

Всего на обустройство поселка Салманов официально предполагал выделить в 1957 г. 4 млн руб. [25]. Однако расходы экспедиции были значительно больше, судя по тем объектам, которые вводились в эксплуатацию.

Застройка территории Черного Мыса расширялась, вместе с ним преобразался весь Сургут. Появилось автобусное движение, были построены поселковый стадион, спортивный зал, взлетно-посадочная площадка [26].

Метод «народной стройки» начальник экспедиции использовал и при проблемном строительстве аэродрома. В связи с чрезмерным

уклоном и расположением взлетной площадки без учета «розы ветров» комиссией Уральского Управления гражданской авиации был отвергнут предложенный Ф. К. Салмановым совместно с П. П. Коровиным проект расширенной взлетной площадки. Этот проект предусматривал возможность приема не только легких летательных аппаратов типа самолетов Ан-2, но и значительно более мощных грузоподъемных самолетов и вертолетов за счет намыва водой в зимнее время.

Другое предложение о размещении взлетной площадки в заливе Оби не удалось согласовать с Министерством рыбной промышленности. Однако неудача не остудила Салманова и Коровина. Они настойчиво продолжали лоббировать во властных структурах идею строительства капитального аэропорта, начало которого знаменовалось высокими темпами.

После перевода Ф. К. Салманова из Сургута на другой геологоразведочный участок, работы по строительству аэровокзала утратили былую динамику. В сентябре 1964 г. бюро Сургутского райкома КПСС констатировало то, что «работы по расширению аэропорта ведутся крайне медленно. Руководство аэропорта ...а также руководство СУ-2 и НПУ безответственно отнеслись к выполнению решения бюро обкома партии. До последнего времени работы по расширению аэропорта были поставлены на самотек, конкретно этими работами никто не руководил и не контролировал ...» [27].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Юганская геологоразведочная экспедиция под руководством Ф. К. Салманова сыграла ведущую роль в обустройстве села, а впоследствии рабочего поселка Сургут, на начальном этапе поисковых работ на нефть и промышленного освоения ее месторождений в Среднем Приобье. Усилиями строительных бригад экспедиции были построены новые улицы, позднее ставшие центральными магистралями городского района Черный Мыс, которые сохранились до настоящего времени.

Возведенные геологами жилищные, социально-культурные и медицинские объекты долгое время являлись основными пунктами жизнеобеспечения сургутян. Трудно переоценить инициативу начальника Юганской геологоразведочной экспедиции Ф. К. Салманова

в возведении Сургутского аэропорта, которому в 2019 г. было присвоено его имя [28].

Строительная деятельность Юганской экспедиции положила начало градостроения в Сургуте и во всем Ханты-Мансийском автономном округе – Югре.

Список источников

1. Батищева Г. Урбанист, геолог и старожилы – про сценарии развития Сургута, которым не суждено было сбыться. URL: https://ugra-news.ru/article/urbanist_arkhitekto_r_i_starozhily_pro_stsenarii_razvitiya_surguta_kotorym_ne_suzhdeno_bylo_sbytsya/?ysclid=m2d680c41p276507603 (дата обращения: 12.10.2024).
2. Маслова О. 17 мгновений из жизни Фармана Салманова. URL: https://ugra-news.ru/article/17_mgnoveniy_iz_zhizni_farmana_salmanova/?ysclid=m2d68zkom0865456580 (дата обращения: 12.10.2024).
3. Захарова Л. Салманов в Сургуте. URL: <https://surgut.bezformata.com/listnews/salmanov-v-surgute/49020432/?ysclid=m2d69le3qf859924177> (дата обращения: 12.10.2024).
4. Шадевская Ю. Подвиг геологов. Что значит для современников имя Фармана Салманова. URL: <https://sitv.ru/arhiv/news/podvig-geologov-chto-znachit-dlya-sovremennikov-imya-farmana-salmanova/?ysclid=m2d709q3oy999039954> (дата обращения: 12.10.2024).
5. Колева Г. Ю. Западно-Сибирский нефтегазовый район: экономическое и социальное развитие (1960–2000-е гг.). Тюмень : Вектор Бук, 2010. 258 с.
6. Колева Г. Ю. Строительство городов нового промышленного освоения в 1960–1980-е гг. // Вестник Тюменского государственного университета. 2007. № 1. С. 237–244.
7. Розанов Н. П. Крупнопанельное домостроение. М., 1982. 224 с. URL: <https://tehne.com/library/rozanov-n-p-krupnpanelnoe-domostroenie-moskva-1982?ysclid=m2d64fcp7b657982916> (дата обращения: 12.10.2024).
8. Гаврилова Н. Ю. Социальное развитие нефтедобывающих районов Западной Сибири (1964–1985 гг.). Тюмень : Нефтегазовый ун-т, 2002. 282 с.
9. Стась И. Н. От поселков к городам и обратно: история градостроительной политики в Ханты-Мансийском округе (1960-е – начало 1990-х гг.). Сургут : Дефис, 2016. 258 с.
10. Захаров И. П. Моя земля. Сургут : Нефть Приобья, 1999. 216 с.
11. Петрова Л. В., Показаньев Ф. Я. Сургут. Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1987. 110 с.
12. Салманова Ф. К. Сибирь – судьба моя. М. : Мол. гвардия, 1988. 318 с.
13. Муниципальный архив города Сургута (МАГС). Ф. 71. Оп. 112. Д. 7. Л. 80.

References

1. Batishcheva G. Urbanist, geolog i starozhily – pro stsenarii razvitiya Surguta, kotorym ne suzhdeno bylo sbytsya. 2019. URL: https://ugra-news.ru/article/urbanist_arkhitekto_r_i_starozhily_pro_stsenarii_razvitiya_surguta_kotorym_ne_suzhdeno_bylo_sbytsya/?ysclid=m2d680c41p276507603 (accessed: 12.10.2024). (In Russ.).
2. Maslova O. 17 mgnovenii iz zhizni Farmana Salmanova. URL: https://ugra-news.ru/article/17_mgnoveniy_iz_zhizni_farmana_salmanova/?ysclid=m2d68zkom0865456580 (accessed: 12.10.2024). (In Russ.).
3. Zakharova L. Salmanov v Surgute. URL: <https://surgut.bezformata.com/listnews/salmanov-v-surgute/49020432/?ysclid=m2d69le3qf859924177> (accessed: 12.10.2024). (In Russ.).
4. Shadevskaya Yu. Podvig geologov. Chto znachit dlya sovremennikov imya Farmana Salmanova. URL: <https://sitv.ru/arhiv/news/podvig-geologov-chto-znachit-dlya-sovremennikov-imya-farmana-salmanova/?ysclid=m2d709q3oy999039954> (accessed: 12.10.2024). (In Russ.).
5. Koleva G. Yu. Zapadno-Sibirskiy neftegazovy rayon: ekonomicheskoe i sotsialnoe razvitie (1960–2000-e gg.). Tyumen: Vektor Buk; 2010. 258 p. (In Russ.).
6. Koleva G. Yu. Stroitelstvo gorodov novogo promyshlennogo osvoeniya v 1960–1980-e. *Tyumen State University Herald*. 2007;(1):237–244. (In Russ.)
7. Rozanov N. P. Krupnpanelnoe domostroenie. Moscow; 1982. 224 p. URL: <https://tehne.com/library/rozanov-n-p-krupnpanelnoe-domostroenie-moskva-1982?ysclid=m2d64fcp7b657982916> (accessed: 12.10.2024). (In Russ.).
8. Gavrilova N. Yu. Sotsialnoe razvitie neftedobyvayushchikh rayonov Zapadnoi Sibiri (1964–1985 gg.). Tyumen: Industrial University of Tyumen; 2002. 282 p. (In Russ.).
9. Stas I. N. Ot poselkov k gorodam i obratno: istoriya gradostroitelnoi politiki v Khanty-Mansiiskom avtonomnom okruge (1960-e – nachalo 1990-kh gg.). Surgut: Defis; 2016. 258 p. (In Russ.).
10. Zakharov I. P. Moya zemlya. Surgut: Neft Priobya; 1999. 216 p. (In Russ.).
11. Petrova L. V., Pokazanev F. Ya. Surgut. Sverdlovsk: Sred.-Ural. kn. izd-vo; 1987. 110 p. (In Russ.).
12. Salmanova F. K. Sibir – sudba moy. Moscow: Mol. Gvardiya; 1988. 318 p. (In Russ.).
13. Municipal Archive of Surgut (MAGS). F. 71. Op. 112. D. 7. L. 80. (In Russ.).

14. Мунарев П. А. Так было, так начиналось (записки председателя). Воспоминания о становлении Сургута в 60–70-х годах. Сургут : Сургутская типография, 2008. 153 с.
15. Новый город. 1993. 4 сентября.
16. Рычков Б. Сибирь–Ирак // Соратники: поколение Виктора Муравленко. Тюмень : Изд-во Юрия Мандрики, 2002. 400 с.
17. МАГС Ф. 1. Оп. 1 Д. 113. Л. 30.
18. МАГС. Ф. 71. Оп. 112. Д. 7. Л. 80.
19. МАГС. Ф. 71. Оп. 112. Д. 7. Л. 18.
20. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИТО). Ф. 113. Оп. 1. Д. 220. Л. 30.
21. К победе коммунизма. 1958. 28 марта. URL: <http://pub.lib48.ru/images/newspapers/za-pobedu-kom-zadonsk/1958/HTML/141/#zoom=z> (дата обращения: 12.10.2024).
22. Редикульцев В. Первооткрыватели // Тюменская правда. 2001. 3 апреля.
23. ГАСПИТО. Ф. 113. Оп. 8. Д. 283. Л. 64.
24. За победу коммунизма. 1959. 15 мая. URL: <http://pub.lib48.ru/images/newspapers/za-pobedu-kom-zadonsk/1959/HTML/221/#zoom=z> (дата обращения: 12.10.2024).
25. ГАСПИТО. Ф. 113. Оп. 8. Д. 220. Л. 35.
26. ГАСПИТО. Ф. 113. Оп. 12. Д. 9. Л. 23.
27. ГАСПИТО. Ф. 113. Оп. 16. Д. 32. Л. 58.
28. Стрегла А. Житель Сургута о том почему аэропорт должен быть назван именем Фармана Салманова. URL: https://ugra-news.ru/article/zhitel_surguta_o_tom_pochemu_aeroport_goroda_dolzhen_byt_nazvan_zhitel_surguta_o_tom_pochemu_aeroport/?ysclid=m2d4jqxfw2522207945 (дата обращения: 12.10.2024).
14. Munarev P. A. Tak bylo – tak nachinalos (zapiski predsedatelya) Vospominaniya o stanovlenii Surguta v 60–70kh godakh. Surgut: Surgutskaya tipografiya; 2008. 153 p. (In Russ.).
15. Novy gorod. 1993. September 4. (In Russ.).
16. Rychkov B. Sibir–Irak. Soratniki: Pokolenie Viktora Muravlenko. Tyumen: Izd-vo Yuriya Mandriki; 2002. 400 p. (In Russ.).
17. Municipal Archive of Surgut (MAGS). F. 1. Op. 1. D. 113. L. 30. (In Russ.).
18. Municipal Archive of Surgut (MAGS). F. 71. Op. 112. D. 7. L. 80. (In Russ.).
19. Municipal Archive of Surgut (MAGS). F. 71. Op. 112. D. 7. L. 18. (In Russ.).
20. State Archive of Social and Political History of the Tyumen Oblast (GASPITO). F. 113. Op. 1. D. 229. L. 30. (In Russ.).
21. K pobede kommunizma. 1958. March 28. URL: <http://pub.lib48.ru/images/newspapers/za-pobedu-kom-zadonsk/1958/HTML/141/#zoom=z> (accessed: 12.10.2024). (In Russ.).
22. Redikultsev V. Pervootkryvateli. Tyumenskaya Pravda. 2001. April 3. (In Russ.).
23. State Archive of Social and Political History of the Tyumen Oblast (GASPITO). F. 113. Op. 8. D. 283. L. 64. (In Russ.).
24. Za pobedu kommunizma. 1959. May 15. URL: <http://pub.lib48.ru/images/newspapers/za-pobedu-kom-zadonsk/1959/HTML/221/#zoom=z> (accessed: 12.10.2024). (In Russ.).
25. State Archive of Social and Political History of the Tyumen Oblast (GASPITO). F. 113. Op. 8. D. 220. L. 35. (In Russ.).
26. State Archive of Social and Political History of the Tyumen Oblast (GASPITO). F. 113. Op. 12. D. 9. L. 23 (In Russ.).
27. State Archive of Social and Political History of the Tyumen Oblast (GASPITO). F. 113. Op. 16. D. 32. L. 58. (In Russ.).
28. Stregla A. Zhitel Surguta o tom pochemu aeroport dolzhen byt nazvan imenem Farmana Salmanova. URL: https://ugra-news.ru/article/zhitel_surguta_o_tom_pochemu_aeroport_goroda_dolzhen_byt_nazvan_zhitel_surguta_o_tom_pochemu_aeroport/?ysclid=m2d4jqxfw2522207945 (accessed: 12.10.2024). (In Russ.).

Информация об авторе

А. И. Прищепина – доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, Почетный профессор Сургутского государственного университета Ханты-Мансийского автономного округа – Югры.

About the author

A. I. Prishchepina – Doctor of Sciences (History), Professor, Honored Scientist of Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra, Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation, Honored Professor of Surgut State University of Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra.

Научная статья

УДК 352.075.2(571.122)

<https://doi.org/10.35266/2949-3463-2024-4-11>

Горсовет Сургута в борьбе за благоустройство города (вторая половина 1960-х – 1970-е годы)

Артём Валентинович Михалишин

Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия

МАУК города Тюмени «Централизованная городская библиотечная система», Тюмень, Россия

mihalishin1985@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0001-5026-4667>

Аннотация. В статье автор проанализировал действия депутатов и активистов города Сургута в вопросах благоустройства. Анализ выявил, что проблемы городского благоустройства сводились к конфликту между городскими депутатами и руководителями местных предприятий. Конфликт заключался в том, что руководители занимались самоуправством и отказывались реагировать на решения горисполкома, направленные на благоустройство города. Для выхода из сложившейся ситуации депутаты местного городского совета выработали практики воздействия на руководителей предприятий республиканского подчинения: привлечение населения к коллективному благоустройству, обращение в обком, облисполком. Эти действия не возымели большого успеха, что объяснимо спецификой административного и промышленного управления. Главы предприятий считали, что единственными органами, которым они подчинялись, были министерства Союза Советских Социалистических Республик, заведовавшие их отраслью. Несмотря на активную борьбу за благоустройство, горсовету не удалось достичь поставленных целей. В то же время достижением сургутских депутатов стало привлечение внимания к проблеме «хозяйничества» руководителей предприятий среди местных жителей и областных функционеров.

Ключевые слова: благоустройство, город Сургут, горсовет, горисполком, ведомственные предприятия, конфликт, экологическая субъективность, городской дискурс

Финансирование: исследование подготовлено при поддержке Российского научного фонда, проект № 23-78-10123 «Право на город при социализме/постсоциализме: городской дискурс, практики гражданства и place attachment».

Шифр специальности: 5.6.1. Отечественная история.

Для цитирования: Михалишин А. В. Горсовет Сургута в борьбе за благоустройство города (вторая половина 1960-х – 1970-е годы) // Северный регион: наука, образование, культура. 2024. Т. 25, № 4. С. 109–119. <https://doi.org/10.35266/2949-3463-2024-4-11>.

Original article

Surgut City Council in fight for urban improvement (second half of the 1960s–1970s)

Artem V. Mikhailishin

University of Tyumen, Tyumen, Russia

Centralized City Library System, Tyumen, Russia

mihalishin1985@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0001-5026-4667>

Abstract. The author analyzed the actions of deputies and activists of the city of Surgut in matters of improvement. The analysis revealed that the problems of urban improvement were reduced to a conflict between city deputies and heads of local enterprises. The heads abused their power and refused to respond to the decisions of the city executive committee aimed at improving the city. To get out of this situation, the deputies of the local city council developed practices for influencing the heads of enterprises of republican

subordination: involving the population in collective improvement, appealing to the regional committee (obkom), regional executive committee (oblispolkom). These actions did not have much success, which can be explained by the specifics of administrative and industrial management. Enterprise heads believed that only the USSR Ministries overseeing their industries held authority over them. Despite the active struggle for improvement, the city council failed to achieve its goals. At the same time, the achievement of the Surgut deputies was to draw attention to the problem of “management” of enterprise heads among local residents and regional functionaries.

Keywords: urban improvement, Surgut, city council, gorispolkom, departmental enterprise, conflict, environmental subjectivity, city discourse

Funding: the study is supported by the Russian Science Foundation within the project No. 23-78-10123 “The Right to the City under Socialism/Post-Socialism: Urban Discourse, Citizenship Practices and Place Attachment”.

Code: 5.6.1. Russian History.

For citation: Mikhailishin A. V. Surgut City Council in fight for urban improvement (second half of the 1960s–1970s). *Severnoy region: nauka, obrazovanie, kultura*. 2024;25(4):109–119. <https://doi.org/10.35266/2949-3463-2024-4-11>.

ВВЕДЕНИЕ

Данная работа является исследованием практик, посредством которых депутаты сургутского горсовета осуществляли свою власть. В процессе анализа источников, в частности протоколов и решений сессий горсовета, воспоминаний современников событий, выпусков сургутской газеты, автором была обнаружена тенденция обращения акторов к теме благоустройства г. Сургута. Благоустройство для сургутских депутатов было полем для дискуссии в активно строившемся городе. Оппонентами горсовета являлись руководители нефтяных, строительных и геологических предприятий, не подчинявшиеся требованиям местной власти следить за городским благоустройством. Столкнувшись с данной проблемой, сургутские депутаты обращались в окружные и областные исполнительные комитеты, организовывали субботники, месячники благоустройства для достижения цели. С помощью практик благоустройства сургутский горсовет стремился усилить свою власть над городом. Важно обратиться к историографии данной проблемы и выяснить роль практики благоустройства в осуществлении советскими депутатами управления над городами.

Необходимо рассмотреть концепт экологической субъективности, автором которой являлся историк Э. Бруно (*Bruno A.*). Название термина восходит к родственному теоретическому построению – советской субъективности. По мнению историков И. Хал-

фина (*Halpin I.*), Й. Хелльбека (*J. Hellbeck*) и Д. Хоффманна (*Hoffmann D.*), советский гражданин не был полностью подавлен властью. В поле авторитетного дискурса критиковалось личное «я», которое должно было быть присоединенным к коллективу. Сам процесс выковывания советского самощущения исследователи назвали субъективизацией (*subjectivization*) [1]. Цель процесса со стороны власти заключалась в приобщении граждан к великим свершениям государства, то есть она стремилась добиться активного участия населения в политической жизни страны. Авторитетный дискурс представлял гражданам язык самоописания, которым они пользовались как инструментом и подходили к этому творчески, что и являлось советской субъективностью (*soviet subjectivity*) [2]. По мнению А. Юрчака, авторитетный дискурс является основным в дискурсивном режиме какой-либо эпохи (в данном случае позднесоветской). Он организован на основе неподдающейся сомнению и критике политической/религиозной/научной идеи. Все остальные дискурсы могут существовать до тех пор, пока ссылаются и соглашаются с авторитетным дискурсом [3, с. 54]. Приобщаясь к авторитетному дискурсу и выказывая свою лояльность, советские граждане получали возможность высказываться, продвигаться по служебной лестнице и пр. По мнению С. Екельчика, для исследователя важен не факт искренности высказываний и дей-

ствий граждан, а их обращение к авторитетному дискурсу [4, с. 19].

Экологическая субъективность является одним из видов советской субъективности. Согласно Э. Бруно, советская экологическая субъективность (*environmental subjectivity*) заключала в себе несколько дискурсивных структур. Одна из них кроется в преобразовании дикой природы для службы социализму и борьбе за ее сохранение. Вторая концентрировалась на воспитании граждан (наказание с использованием суровых погодных условий) [5]. Автор указал на то, что советский авторитетный дискурс использовал окружающую среду для воздействия на своих граждан.

В контексте советского города экологическая субъективность проявлялась через коллективные практики благоустройства [6]. Под руководством местной администрации горожане очищали свой город от мусора, облагораживали скверы, парки и т. д. Через массовые мероприятия власть прививала населению любовь к городу. Согласно исследованию А. Касаткиной, позднесоветские практики благоустройства являлись технологией не только воспитания горожан, но и поддержания социальности города. Посредством представленных практик формировалась и городская идентичность [7]. Исследователи Н. Л. Пушкарёва и А. В. Жидченко определили данные практики как «сопричастие», утверждая, что любовь к городу основывалась на сопричастности к подобным общегородским мероприятиям [8]. Помимо коллективных практик важна была роль активизма горожан и их видения развития благоустройства города, его оценка [9]. В контексте исследований практик благоустройства раскрыто понятие городского дискурса, которое связано с концепциями советской субъективности и гражданства. По мнению И. Н. Стася, советский городской дискурс был окном возможностей для политически активных горожан в борьбе за город. Выполняя предписанные авторитетным дискурсом функции в создании социалистического города, жители в обмен требовали улучшения своего населенного пункта [6]. В понимании автора статьи городской дискурс – совокупность смыслов,

связанных с городом, которые аккумулировались местными СМИ, депутатами и горожанами. Частью городского дискурса являлась риторика о благоустройстве. Данная тематическая риторика входит в понятие экологической субъективности, которая представляет собой оценку состояния городской среды. Из этого следует, что исследовательский интерес сосредоточен на формировании городской субъективности через практики благоустройства. Благоустройство с его дуальной стороной являлось частью городского дискурса и экологической субъективности. В этом ключе внимание обращено к акторам, которые были задействованы в данном процессе, и их мотивация.

С точки зрения автора статьи, акторы, культивировавшие экологическую субъективность через практики благоустройства, были двух типов: депутаты горсовета и активисты из числа горожан. Согласно исследованиям последних лет, уже с момента становления советской власти горсоветы обращали свое внимание на материальное состояние городов. По мнению О. Г. Зубковой, в 1920-е гг. роль горсоветов возрастала. Это было связано с созданием Главного управления коммунальным хозяйством (ГУКХ). Благодаря этому местные управленцы получали широкий спектр прав (например, получение налоговых поступлений). На примере г. Ижевска автором проиллюстрировано, что быстрорастущий город приходил в упадок, и местные депутаты пытались благоустроить его своими силами [10]. К сожалению, даже расширенные права не решали городских проблем.

Ситуация стала меняться в 1930-х гг. По мнению ряда исследователей, централизация хоть и лишала местные советы значительных полномочий, но в то же время позволяла улучшить состояние городов [10]. Управленцы прибегали к новым формам достижения целей. Например, функционеры г. Вятки пошли дальше. Узнав о смерти С. М. Кирова, депутаты и партийцы приняли решение о переименовании города в честь убитого наркома [11]. В первые десятилетия советской власти горсоветы стремились благоустроить города: в период НЭП – своими

силами, а с момента начала правительственного курса на централизацию прибегали к практике бустеризма, то есть пытались сделать свой город значимым для центрального аппарата власти.

В послесталинский период городские управленцы стали получать больше прав. Например, в таких закрытых городах, как Озерск были сформированы горсоветы [12, с. 406]. Получив возможность самоуправления, городские активисты и функционеры стали заниматься улучшением своего быта. Подробно данная практика описана на примере новосибирских академгородков: претендовавшие на более высокий уровень жизни советские ученые предлагали создание комфортных городов-лесов [13]. В исследовании И. Н. Стася описан конфликт сургутского горсовета с проектировщиками из Государственного института съемки и планировки городов и проектирования гражданских сооружений НКВД РСФСР (Гипрогор). Городские функционеры выступали за сохранение уже существовавших зеленых зон и запретов на строительство будущих микрорайонов в неблагоприятной для благоустройства местности [14]. Представленные автором исследования во многом посвящены изучению того, что можно определить как городскую субъективность в советском городе. Эта категория анализа рассмотрена в качестве способа достижения городскими депутатами своих целей через лоббирование интересов посредством обращения в вышестоящие инстанции, организацию практик коллективного благоустройства, публикации на данную тему в городских СМИ. Основным фактором городской субъективности для изучаемого аспекта являлся уровень благоустройства городской среды.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Точка зрения автора статьи встроена в общую канву исследований, посвященных борьбе горсоветов за благоустройство своих городов. Проблема благоустройства в деятельности сургутского горсовета выделена как одна из основных. Местная власть стремилась облагородить город, сделать его более

эстетичным и привлекательным [14, 15]. Анализ основан на материалах делопроизводства горисполкома г. Сургута, местной газеты «К победе коммунизма» и воспоминаниях жителей. Хронологические рамки исследования – с 25 июля 1965 г., когда Сургут получил статус города, и до этапа качественного перехода к городскому планированию в 1970 г. Актуализация тематики генерального плана города на сессиях горсовета была связана с тем, что 27 декабря 1968 г. тюменский облисполком принял новый план развития г. Сургута, который отвечал требованиям сургутских депутатов [16, с. 171]. В поле зрения автора статьи также входит конфликт между ведомственными предприятиями и депутатами горсовета. Стоит отметить, что Сургут в изучаемый период был продуктом освоения Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (ЗСНГК), и большую роль в его жизни играли предприятия. Данный феномен соотносим с исследованием А. Баренбергера о г. Воркуте, где автор раскрыл город как корпоративную систему, завязанную на Воркутлаге [17]. Проблема всевластия ведомств отражена и в историографии, рассмотренной во введении настоящего исследования [15, 18]. К сожалению, проблема борьбы сургутского горисполкома за благоустройство города ранее не получила конкретного исследования. Стоит выделить исследования Е. И. Гололобова, Э. С. Красовитовой и М. С. Мостовенко, в которых затронуты проблемы охраны природы в период форсированного освоения ЗСНГК [19, 20].

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Практики благоустройства в городском дискурсе. Сургут получил статус города 25 июня 1965 г., в скором времени был сформирован горсовет и горисполком. Председателем был выбран П. А. Мунарев [21, л. 3]. Городской статус стал значимым событием для жителей. Местная газета «К победе коммунизма» пестрила статьями и заметками на эту тему: «Пройдись, сургутянин, по западным окраинам своего деревянного поселка – не узнать тебе прежних мест. Повсюду большая стройка. Первый пятиэтажный дом – это

начало будущего города покорителей нефтяной целины». Уже в эти первые дни в статусе горожан жители начали мечтать о будущем: «Сургут будущего – последние достижения градостроения. Полоса зеленых насаждений отделит жилой массив от промышленной зоны... в Сургуте уже изыскиваются трассы под водоснабжение, автомагистрали» [22, с. 1].

К тематике мечтаний обращались не только рядовые жители города, но и функционеры. Секретарь районного комитета (РК) КПСС В. В. Бахиллов выступил с речью, в которой заявил, что районному комитету партии и горсовету совместно предстоит проделать огромную работу по благоустройству существовавших улиц, кварталов и микрорайонов: «Чтобы они превращались в районы настоящего города!» [23, с. 2]. Также в городской газете появилась актуальная рубрика «Каким ты видишь свой город?». В ней жители сходились во мнениях, что г. Сургут они хотели видеть с бетонными улицами, озелененным, красивым [22, с. 1]. Жители отмечали и реальное положение дел: пока город деревянный, пыльный, без скверов и парков. По воспоминаниям одного из жителей, г. Сургут в 1960-е гг. называли Бухенвальдом из-за тяжелых условий жизни [24, с. 8]. Критиковались работники магазинов, не убиравшие территорию [25, с. 2] и строители, разрывавшие малочисленные дороги [26, с. 2].

Проблемы захламленности набирали обороты в городском дискурсе при наступлении осени. Из-за частых дождей и постоянного движения спецтранспорта улицы, со слов горожан, становились все менее проходимыми, превращались в болото: «По городу трудно пройти без болотных сапог». Ситуация ухудшалась из-за проезда по городским улицам крупногабаритной спецтехники [24, с. 208]. Этому стали придавать все больше огласки. Авторы статей указывали на халатность руководителей предприятий, город не был к этому приспособлен. Решением проблемы считалось создание инфраструктуры в виде дорог с твердым покрытием [27, с. 2]. К дискуссии подключился секретарь РК В. В. Бахиллов. С его слов, строительство дорог в Сургуте по настоящему «не планировалось и не плани-

руется». Центральной проблемой строительства дорог секретарь видел в отсутствии финансирования со стороны Главтюменнефтегаза и Тюменского территориального геологического управления [28, с. 1–2].

О проблеме финансирования вспоминал председатель горисполкома П. А. Мунарев. Дискуссия началась летом 1965 г. Горисполком требовал от предприятий создания сети дорог с твердым покрытием. Руководители же противились требованиям председателя и жаловались на его самоуправство. По их мнению, администрация города не имела полномочий вмешиваться в финансово-хозяйственную деятельность организаций республиканского подчинения [29, с. 76].

Исходя из описанных сюжетов, выявлена тенденция обращения акторов к тематике благоустройства. Более того, в первые месяцы после получения Сургутом статуса города, жители делились своими мечтами о его будущем. Нередко представления о будущем сопровождалась критикой настоящего. В контексте проблемы упоминались городские предприятия, которые только ухудшали и без того плачевное состояние. Особенно недовольства стали возрастать в осенний период. Городские функционеры присоединялись к дискуссии корреспондентов о плохом состоянии дорог. В словах того же В. В. Бахилова зафиксировано обращение к основным предприятиям города, а воспоминания председателя горисполкома позволили предположить, что руководители этих предприятий не собирались идти на уступки и прислушиваться к мнению сургутской администрации.

Уже в начале 1966 г. к дискуссии присоединился начальник СУ-9 А. Г. Кошман. Во время интервью у руководителя спросили о планах строительного управления. Кошман указывал, что задумано строительство новой бетонированной дороги, которая свяжет промышленные и жилые районы города [30, с. 1]. О важности этой проблемы говорит и тот факт, что строительство дороги часто освещалось в городской газете [31, с. 3]. Со слов горожан, дорог не было совсем и лишь «природный» асфальт, как они называли снег, улучшал ситуацию. С начала распутицы все

дороги смывало. Так, начальник пассажирского автохозяйства А. Ржанников написал о проблемах движения автобусов по городу. Главным препятствием невыполнения плана по перевозке пассажиров он считал бездорожье. Ржанников отмечал, что с этим вопросом он обращался лично к председателю горсовета, но помощи не последовало – руководители города не хотели заниматься этим важным делом [32, с. 3].

Интересна позиция по вопросам благоустройства «отмалчивавшихся» депутатов. Приближалось 50-летие советской власти, городские депутаты и руководители предприятий решали проблему подготовки города к празднику [33, л. 61]. В газете появлялись статьи от городских депутатов, сообщавших о важности благоустройства. Со стороны горсовета, как частично указано выше, проблема заключалась в безответственном отношении руководителей предприятий к благоустройству. По мнению депутатов, именно предприятия «захламляли» город [33, л. 98]. Иллюстративна прямая цитата одного из депутатов: «Необходимо им [руководителям] проявить заботу о городе, поскольку они считают себя хозяевами его» [33, л. 99]. Автор статьи интерпретировал это как борьбу с самоуправством, если кто-то и может считать себя хозяином города, то только при условии заботы о нем. В этом контексте показательным выступлением председателя горисполкома П. А. Мунарева. Он указывал, что многие руководители продолжали разрушать уже созданное до них в городе. Так начальник СУ-6 Собсович вырубал зеленую зону для размещения палаток студентов. В выступлении Мунарев пригрозил: «У горисполкома хватит сил и власти, чтобы поставить на место завравшегося руководителя» [33, л. 101]. В решениях был установлен штраф за порчу зеленых насаждений [33, л. 106].

Несмотря на предпринятые действия, горсовету не удалось избавить г. Сургут от озвученных проблем. В статье секретаря обкома КПСС А. Протозанова говорилось, что город по внешнему облику и эстетическому наполнению мало отличался от плохо обустроенного поселка. Улицы и переулочки напоминали лаби-

ринты. Растянутый на 12 км вдоль берега р. Оби, застроенный без планировки [34, с. 2–3]. Решение проблемы секретарь видел в создании проектов благоустроенных городов, которые были необходимы людям, жившим в условиях Крайнего Севера.

Проект как инструмент в борьбе за благоустроенный город. Идеи секретаря обкома КПСС были созвучны сургутским депутатам, но у последних не было формулы решения проблемы. В 1967 г. они продолжали сталкиваться с самоуправством руководителей. Протозанов отмечал важность проектировки для благоустройства города, но на деле было иначе: «Скоро Сургут утонет среди балков и вагончиков». Самовольщики продолжали вырубать лес [35, л. 104]. Для решения ситуации горисполком объявил «год благоустройства» [35, л. 100].

В этом же контексте были отсылки к авторитетному дискурсу. В одном из выпусков была опубликована статья «Беречь природу – общее дело» о деятельности В. И. Ленина в вопросе охраны природы, особенно в тяжелые для страны годы. Но в тот период времени, как подмечал автор, предприятия не обращались к постановлениям государственных служб. Из-за чего происходило загрязнение окружающей среды. В заключении говорилось о решениях XXIII съезда КПСС, которые постановили, что охрана природы – дело всенародное [36, с. 3]. Основной целью всех мероприятий по благоустройству было «превратить наш Сургут в сад» [37, с. 3].

Еще одной практикой стало социалистическое соревнование, которое было нацелено на борьбу с самоуправством предприятий. От гг. Сургута в Урая была направлена делегация, которая рассказала о любви урайцев к своему городу, «чему сургутянам стоило поучиться» [38, с. 1]. После этого в Сургуте случилось важное событие – общегородской субботник по благоустройству, в котором приняли участие около 2 тыс. жителей [39, с. 1–2]. В честь него П. А. Мунарев поднял вопрос о внешнем виде города: если каждый руководитель и житель будут заботиться о г. Сургуте, то к моменту юбилея советской власти он будет благоустроенным. По воспоминаниям

того же Мунарева, для многих руководителей во главе угла стоял план, ради выполнения которого они не считались ни с удобствами горожан, ни с проблемами города [29, с. 73].

Несмотря на усиление работы с населением, проблема халатности руководства предприятий в отношении благоустройства усугублялась. Еще одним значимым событием стало посещение города сотрудниками Гипрогора, которые разрабатывали генеральный план. Руководителя проекта Л. Л. Челганского спрашивали на тему «Каким будет будущий город?». Проектировщик заявлял, что в центре Сургута планировался парк культуры и отдыха, уверял жителей, что в скором времени появится городской пляж [40, с. 1]. Горожане продолжали грезить о будущем: «Вы узнаете в покрытых грязью улицах микрорайона нефтяников будущие проспекты и зеленые скверы? Если да, значит будем жить вместе <...> Будем мечтать. Да так, чтобы мечта становилась явью» [41, с. 1]; «Пока в Сургуте нет асфальтированных улиц, гранитных набережных. Сургут – это город-строитель» [42, с. 2]. В этих строчках они продолжают свои мечтания о городе, проявляя городскую субъективность. Важно утверждение о материализации мечты, а также о сопричастности.

Курс на благоустройство продолжался. Городские функционеры понимали, что без решения проблемы управления городом серьезных изменений не произойдет. В связи с этим были созданы местные институции надзора за деятельностью предприятий. Например, совет по охране природы [43, с. 3] и депутатские группы [44, л. 7], но даже при этом ситуация оставалась плачевной, поэтому тема самоуправления все более волновала горсовет. Особенно показательны в этом контексте высказывания депутата А. А. Фурсова о том, что горсовет не должен был приспосабливаться к действиям различных министерств и ведомств. Далее было необходимо обратиться в Верховный совет РСФСР. «Решить этот вопрос требует жизнь», – заключал депутат [45, л. 191]. Секретарь РК В. В. Бахилев приводил пример г. Горноправдинска, где горисполком решал проблемы жизни трудящихся эффективнее. В итоговом докладе

было оговорено в очередной раз, что самовольное строительство балков продолжалось [45, л. 201].

Надзор без права голоса. Сургутские депутаты искали поддержки в борьбе с ведомственными предприятиями и нашли ее в лице председателя тюменского облисполкома К. П. Макурина. Он посетовал на слабую строительную базу в Тюменской области, поэтому в г. Сургуте следовало установить строгий контроль за строителями. В этом депутатам должен был помочь генеральный план города, который уже был выдан. Председатель посоветовал создать общественный центр координирования городской застройки. Ответственным назначался горисполком. Генподрядчиком стало НПУ «Сургутнефть». Архитектор города являлся наблюдателем за ходом застройки [46, л. 10].

Сходился во мнениях с председателем облисполкома и областной архитектор В. А. Бешкильцев. Он указывал на отсутствие единого архитектурного ансамбля: «[каждая организация] делает только у себя и для себя» [46, л. 93]. К обсуждению строительства присоединился и В. В. Бахилев, который заявлял, что вопросы благоустройства не волновали строителей, хотя в том же г. Нефтеюганске «не найдешь кирпича, палки, чтобы валялись» [46, л. 95].

Для депутатов генеральный план казался панацеей от всех проблем с городскими предприятиями. После всех бурных обсуждений П. А. Мунарев опубликовал статью «Благоустройство города – наше общее дело». Текст был наполнен критикой самовольной застройки. По данным председателя, каждое управление продолжало строить объекты, предназначенные лишь для решения своих рабочих задач [47, с. 1]. Поддержал председателя журналист И. Захаров, опубликовавший большую статью «Проблемы нашего города» о проблемах ведомственной застройки и надеждах на готовившийся генплан города. Автор утверждал, что строительство, согласно генплану, сделает город красивым и благоустроенным [48, с. 2].

Решения не дали своих плодов в последовавшем 1970 г. Депутат В. А. Сосенко заявлял, что никто не сомневался, что благо-

устройство в городе реализовывалось, но проблемы с той же сетью тротуаров до сих пор не решены. В зимний период очистка тротуаров не производилась, в летний сезон их не поливали. Из-за этого дороги покрывались пылью. Примечательно, что депутат Н. И. Чебан замечал, что сургутский горисполком уделял много внимания вопросам благоустройства. По его подсчетам благоустройство обсуждалось на двух сессиях в год. Несмотря на такую интенсивность, проблемы решались медленно. По мнению депутата, органам местной власти стоило относиться к нарушителям строже [33, л. 61]. Председатель горисполкома П. А. Мунарев отвечал, что это связано с отсутствием поддержки со стороны руководителей, выраженным в игнорировании депутатов от предприятий собраний горисполкома. Он призывал их помнить о своем долге как представителей избирателей. Предприятия продолжали самовольное строительство, и главный архитектор города не мог на это повлиять [33, л. 70].

Планы горсовета по благоустройству города все так же игнорировались. Обращение депутатов к уже спланированному развитию города тоже не возымело моментального успеха. Проблему проектной застройки можно считать развитием экологического дискурса. Если вначале горсовет пытался с помощью решений подтолкнуть руководителей предприятий и жителей города к действию, то, осознав впоследствии ограниченность этого подхода, стал обращаться к другим структурам. Таким образом, экологическая субъективность переросла в городскую. Депутаты начали рассматривать город целостно, а не через благоустройство отдельных микрорайонов (рабочих поселков).

Горожане определенно участвовали в благоустройстве города [49, с. 2], проявляли инициативу [50]. Горсовету удалось привлечь общественность к коллективным мероприятиям по благоустройству. С развитием ситуации депутаты стали концентрироваться на проблеме самоуправления городских предприятий. Анализируя итоги своей деятельности, функционеры решили, что именно проектное благоустройство воплотит их мечту о краси-

вом ухоженном городе. Это отражено в их рефлексии после благоустройства отдельных районов, когда стали очевидными несколько факторов. Во-первых, в географическом плане город разрознен. По этой причине надзор за исполнением наказов, сплочение горожан были усложненными задачами. Во-вторых, горсовет не являлся прямым заказчиком всего городского строительства. Его право ограничивалось жалобами в вышестоящие инстанции. В-третьих, собственная ресурсная база заключалась только в самих жителях, которых они привлекали на мероприятия по благоустройству. Хотя это и давало результаты, но сургутяне видели неспособность администрации полностью контролировать защиту уже достигнутых результатов. Высказывались мнения о бессмысленности коллективного благоустройства без жесткого контроля. Сами депутаты все чаще поднимали вопрос о том, кто был настоящим хозяином города. На последней сессии 1970 г. он снова прозвучал [33, л. 158]. В нем раскрыта городская субъективность сургутских депутатов – в желании быть не обычными управленцами, а хозяевами города.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Практика городского благоустройства в г. Сургуте использовалась депутатами для реализации своей власти. Они стремились привлечь наибольшее количество горожан к решению данной проблемы. Организовывая субботники и месячники благоустройства, местная власть приобщала горожан к борьбе за чистый и красивый Сургут. Данный феномен автором статьи соотнесен с экологической субъективностью. В то же время, несмотря на действия по улучшению благоустройство города, горсовет сталкивался с нежеланием руководителей предприятий приобщиться к общегородской практике.

В связи с этим депутаты обратились к вопросу, о том, кто является хозяином города. Определив деятельность руководителей организаций как «хозяйничество», а не управление, прибегали к артикуляции своих интересов в дискуссиях по необходимости соблюдения генерального плана города, в котором преду-

сма тривало сь благоустройство. Так же они видели Сургут единым, с общими проблемами и критиковали его разрозненность, причиной которой считали производственные поселки. Этот период автор статьи определил как переход от экологической субъективности к городской. Понимая, что точечное благоустройство не изменило ситуацию в луч-

шую сторону, горсовет пытался воссоединить город и получить право управления строительством. К сожалению сургутских депутатов, в исследуемый период они не получили желаемого. Ценно, что произошел качественный переход от проблемы благоустройства к соблюдению генплана.

Список источников

1. Hoffmann D. L. Power, discourse, and subjectivity in soviet history // *Ab imperio*. 2002. No. 3. P. 273–278. <https://dx.doi.org/10.1353/imp.2002.0063>.
2. Халфин. И. Синтаксис Большевицкого Субъекта // *Ab imperio*. 2002. № 3. С. 403–409. <https://dx.doi.org/10.1353/imp.2002.0099>.
3. Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М. : Новое литературное обозрение, 2014. 661 с.
4. Yekelchyk S. Stalin's citizens: Everyday politics in the wake of Total War. Oxford: Oxford University Press, 2014. 270 p.
5. Bruno A. Environmental Subjectivities from the Soviet North // *Slavic Review*. 2019. Vol. 78, no. 1. P. 1–22. <https://doi.org/10.1017/slr.2019.7>.
6. Стась И. Н. Урбанизация в умах: сталинское «право на город», советская субъективность и практики гражданства в Ханты-Мансийске // Антропологический форум. 2022. № 52. С. 85–132. <https://doi.org/10.31250/1815-8870-2022-18-52-85-132>.
7. Касаткина А. К поэтике и практике современного урбанизма: «город-сад» как технология социальной интеграции в Обнинске 1960-х годов // *Laboratorium: журнал социальных исследований*. 2022. № 1. С. 30–59. <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2022-14-1-30-59>.
8. Пушкарева Н. Л., Жидченко А. В. Память о «зеленом строительстве» в Омске 1950-1960-х гг.: гендерный аспект // *Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки*. 2022. Т. 24, № 4. С. 37–52. <https://doi.org/10.15826/izv2.2022.24.4.063>.
9. Жидченко А. В. «Петербург в миниатюре»: история создания образцового города нефтяников в Сибири (по материалам г. Ангарска Иркутской области) // *Северный регион: наука, образование, культура*. 2016. № 2. С. 61–65.
10. Зубкова О. Г. Городское благоустройство как одно из направлений деятельности Ижевского городского Совета рабочих и красноармейских депутатов Вотской автономной области в период с 1922 по 1930 год // *Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология»*. 2015. № 1. С. 53–63.
11. Шарабаров П. Н. Застройка и благоустройство г. Кирова в 1935–1941 гг. // *Вестник Вятского го-*

References

1. Hoffmann, D. L. Power, discourse, and subjectivity in Soviet History. *Ab Imperio*. 2002;(3):273–278. <https://dx.doi.org/10.1353/imp.2002.0063>.
2. Halfin I. The Syntax of the Bolshevik Subject. Mogilner M., trans. *Ab Imperio*. 2002;(3):403–409. <https://dx.doi.org/10.1353/imp.2002.0099>. (In Russ.).
3. Yurchak A. Eto bylo navsegda, poka ne konchilos. Poslednee sovetskoe pokolenie. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; 2014. 661 p. (In Russ.).
4. Yekelchyk S. Stalin's citizens: Everyday politics in the wake of Total War. Oxford: Oxford University Press; 2014. 270 p.
5. Bruno A. Environmental subjectivities from the Soviet North. *Slavic Review*. 2019;78(1):1–22. <https://doi.org/10.1017/slr.2019.7>.
6. Stas I. N. Urbanization in people's minds: Stalin's "Right to the city", Soviet subjectivity, and citizenship practices in Khanty-Mansiysk. *Forum for Anthropology and Culture*. 2022;(52):85–132. <https://doi.org/10.31250/1815-8870-2022-18-52-85-132>. (In Russ.).
7. Kasatkina A. Poetics and practice of modern urbanism: "Garden City" as a technology of social integration in Obninsk in the 1960s. *Laboratorium: Russian Review of Social Research*. 2022;(1):30–59. <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2022-14-1-30-59>. (In Russ.).
8. Pushkareva N. L., Zhidchenko A. V. Memory of "Green Construction" in Omsk in the 1950s–1960s: Gender Aspect. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts*. 2022;24(4):37–52. <https://doi.org/10.15826/izv2.2022.24.4.063>. (In Russ.).
9. Zhidchenko A. V. "Petersburg in miniature": a model city history of petroleum in Siberia (on materials of the Angarsk city of Irkutsk region). *Severnoy region: nauka, obrazovanie, kultura*. 2016;(2):61–65. (In Russ.).
10. Zubkova O. G. Municipal improvements as one of the activity directions of the Izhevsk city council of workers and Red Army deputies of the Votsky Autonomous region in the period from 1922 to 1930. *Bulletin of Udmurt University. History and Philology Series*. 2015;(1):53–63. (In Russ.).
11. Sharabarov P. N. Zastroyka i blagoustroystvo g. Kirova v 1935–1941 gg. *Herald of Vyatka State University*. 2015;(4):57–66. (In Russ.).

- сударственного гуманитарного университета. 2015. № 4. С. 57–66.
12. Brown K. *Plutopia: Nuclear families, atomic cities, and the great Soviet and American plutonium disasters*. Oxford : Oxford University Press, 2013. 406 p.
  13. Бугаев Р. С. Конструирование «города-леса» Новосибирского Академгородка экспертными сообществами (1957–1959 гг.) // Уральский исторический вестник. 2023. № 4. С. 106–114.
  14. Стась И. Н. Концепции озеленения и экологическая проблематика в советских генпланах Сургута (1964–1990 гг.) // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2017. № 6. С. 96–103.
  15. Прищепа А. И. Экологические проблемы строительства Сургута как нового города (вторая половина XX в.) // Вестник Сургутского государственного университета. 2014. № 3. С. 56–62.
  16. Стась И. Н. От поселков к городам и обратно: история градостроительной политики в Ханты-Мансийском округе (1960-е – начало 1990-х гг.). Сургут : Дефис, 2016. 258 с.
  17. Barenberg A. *Gulag Town, Company Town. Forced Labor And It's Legacy In Vorkuta*. New Haven, London : Yale University Press, 2014. 352 p.
  18. Карпов В. П. Анатомия подвига. Человек в советской модели индустриализации Тюменского Севера : моногр. Тюмень : ТюмГНГУ, 2014. 184 с.
  19. Гололобов Е. И., Красовитова Э. С. Экологические факторы урбанизации севера Западной Сибири и их влияние на развитие городского хозяйства в середине 1960-х – 1980-е гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2021. № 73. С. 5–12. <https://doi.org/10.17323/19988613/73/1>.
  20. Мостовенко М. С. Деятельность постоянной комиссии по охране природы при Сургутском горисполкоме в 1960–1980-е годы.: становление и основные направления деятельности // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 84. С. 27–33. <https://doi.org/10.17223/19988613/84/4>.
  21. Муниципальный архив города Сургута (МАГС). Ф. 3. Оп. 1. Д. 2.
  22. Какими ты видишь свой город? // К победе коммунизма. 1965. № 81. С. 1.
  23. Бахиллов В. Цвети и хорошей, наш Сургут! // К победе коммунизма. 1965. № 80. С. 2.
  24. Атаманенко А. Л., Атаманенко П. А., Атаманенко Т. Н. Сургутские были. Сургут, 2004. 352 с.
  25. Пешин Л. Город, в котором ты живёшь // К победе коммунизма. 1965. № 104. С. 2.
  26. Матвеев Д. Карьеры на улицах // К победе коммунизма. 1965. № 115. С. 2.
  27. Сергеев В. Кому нужны дороги // К победе коммунизма. 1965. № 129. С. 2.
  28. Бахиллов В. Сложнее задачи выше требования // К победе коммунизма. 1965. № 130. С. 1–2.
  12. Brown K. *Plutopia: nuclear families, atomic cities, and the great Soviet and American plutonium disasters*. Oxford: Oxford University Press; 2013. 406 p.
  13. Bugaev R. S. Constructing the “Forest-City” of Novosibirsk Akademgorodok by the Expert Communities (1957–1959). *Ural Historical Journal*. 2023;(4):106–114. (In Russ.).
  14. Stas I. N. The Concept of landscaping and environmental issues in the Soviet general plans of Surgut (1964–1990). *Bulletin of Surgut State Pedagogical University*. 2017;(6):96–103. (In Russ.).
  15. Prishchepa A. I. Environmental problems of building Surgut as a new city (the latter half of the 20th century). *Surgut State University Journal*. 2014;(3):56–62. (In Russ.).
  16. Stas I. N. Ot poselkov k gorodam i obratno: istoriya gradostroitelnoy politiki v Khanty-Mansiyskom okruge (1960-e – nach.1990-h gg.). Surgut: Defis; 2016. 258 p. (In Russ.).
  17. Barenberg A. *Gulag Town, Company Town. Forced labor and its legacy in Vorkuta*. New Haven, London: Yale University Press; 2014. 352 p.
  18. Karpov V. P. *Anatomiya podviga. Chelovek v sovetskoj modeli industrializatsii Tyumenskogo Severa*. Monograph. Tyumen: Tyumen State Oil and Gas University; 2014. 184 p. (In Russ.).
  19. Gololobov E. I., Krasovitova E. S. Environmental factors of urbanization in the North of Western Siberia and their impact on urban development in the mid-1960s – 1980s. *Tomsk State University Journal of History*. 2021;(73):5–12. <https://doi.org/10.17323/19988613/73/1>. (In Russ.).
  20. Mostovenko M. S. Activities of the Permanent Commission for Nature Protection under the Surgut City Executive Committee in the 1960s and 1980s: formation and main directions of activity. *Tomsk State University Journal of History*. 2023;(84):27–33. <https://doi.org/10.17223/19988613/84/4>. (In Russ.).
  21. Municipal Archive of Surgut (MAGS). F. 3. Op. 1. D. 2. (In Russ.).
  22. Kakim ty vidish svoj gorod? *K pobede kommunizma*. 1965;(81):1. (In Russ.).
  23. Bakhilov V. Tsveti i horoshey, nash Surgut! *K pobede kommunizma*. 1965;(80):2. (In Russ.).
  24. Atamanenko A. L., Atamanenko P. A., Atamanenko T. N. *Surgutskie byli*. Surgut: Surgutskaya gorodskaya tipografiya; 2004. 352 p. (In Russ.).
  25. Peshin L. Gorod, v kotorom ty zhivesh. *K pobede kommunizma*. 1965;(104):2. (In Russ.).
  26. Matveev D. Karyery na ulitsakh. *K pobede kommunizma*. 1965;(115):2. (In Russ.).
  27. Sergeev V. Komu nuzhny dorogi. *K pobede kommunizma*. 1965;(129):2. (In Russ.).
  28. Bakhilov V. Slozhnee zadachi vyshe trebovaniya. *K pobede kommunizma*. 1965;(130):1–2. (In Russ.).
  29. Munarev P. A. Tak bylo tak nachinalos. Surgut; 1997. 131 p. (In Russ.).
  30. Za noch na etazh podрастаet gorod nash. *K pobede kommunizma*. 1966;(1):1. (In Russ.).

29. Мунарев П. А. Так было, так начиналось. Сургут, 1997. 131 с.
30. За ночь на этаж подрастает город наш // К победе коммунизма. 1966. № 1. С. 1.
31. Титов В. Дорога строится // К победе коммунизма. 1966. № 18. С. 3.
32. Ржанников А. Ещё о дорогах // К победе коммунизма. 1966. № 31. С. 3.
33. МАГС. Ф. 3. Оп. 1. Д. 47.
34. Города Зауралья // К победе коммунизма. 1966. № 148. С. 2–3.
35. МАГС. Ф. 3. Оп. 1. Д. 14.
36. Беречь природу – общее дело // К победе коммунизма. 1967. № 61. С. 3.
37. Максимова В. Чтоб хорошо Сургут // К победе коммунизма. 1967. № 62. С. 3.
38. Эристави О. В Урае встречали радушно // К победе коммунизма. 1967. № 65. С. 1.
39. Мунарев П. Благоустроим наш город // К победе коммунизма. 1967. № 69. С. 1–2.
40. Завтра Сургута // К победе коммунизма. 1967. № 83. С. 1.
41. Попова Е. Пять этажей счастья // К победе коммунизма. 1967. № 133–134. С. 1.
42. Кузнецова А. Праздничное утро // К победе коммунизма. 1967. № 135. С. 2.
43. Расопова Н. Чтобы город был зелёным // К победе коммунизма. 1968. № 19. С. 3.
44. МАГС. Ф. 3. Оп. 1. Д. 24.
45. МАГС. Ф. 3. Оп. 1. Д. 25.
46. МАГС. Ф. 3. Оп. 1. Д. 33.
47. Мунарев П. Благоустройство города – наше общее дело // К победе коммунизма. 1969. № 67. С. 1.
48. Захаров И. Проблемы нашего города // К победе коммунизма. 1969. № 104. С. 2.
49. Прокофьева А. Сначала было слово // К победе коммунизма. 1970. № 74. С. 2.
50. Нужен в Сургуте каток // К победе коммунизма. 1970. № 152. С. 3.
31. Titov V. Doroga stroitsya. *K pobede kommunizma*. 1966;(18):3. (In Russ.).
32. Rzhannikov A. Eshchyo o dorogakh. *K pobede kommunizma*. 1966;(31):3. (In Russ.).
33. Municipal Archive of Surgut (MAGS). F. 3. Op. 1 D. 47. (In Russ.).
34. Goroda Zauralya. *K pobede kommunizma*. 1966;(148):2–3. (In Russ.).
35. Municipal Archive of Surgut (MAGS). F. 3. Op. 1. D. 14. (In Russ.).
36. Berech prirodu – obshchee delo. *K pobede kommunizma*. 1967;(61):3. (In Russ.).
37. Maksimova V. Chtob horoshel Surgut. *K pobede kommunizma*. 1967;(62):3. (In Russ.).
38. Eristavi O. V Urae vstrechali radushno. *K pobede kommunizma*. 1967;(65):1. (In Russ.).
39. Munarev P. Blagoustroim nash gorod. *K pobede kommunizma*. 1967;(69):1–2. (In Russ.).
40. Zavtra Surguta. *K pobede kommunizma*. 1967;(83):1. (In Russ.).
41. Popova E. Pyat etazhey schastyia. *K pobede kommunizma*. 1967;(133–134):1. (In Russ.).
42. Kuznetsova A. Prasdnicnoye utro. *K pobede kommunizma*. 1967;(135):2. (In Russ.).
43. Rasopova N. Chtoby gorod byl zelyonym. *K pobede kommunizma*. 1968;(19):3. (In Russ.).
44. Municipal Archive of Surgut (MAGS). F. 3. Op. 1. D. 24. (In Russ.).
45. Municipal Archive of Surgut (MAGS). F. 3. Op. 1. D. 25. (In Russ.).
46. Municipal Archive of Surgut (MAGS). F. 3. Op. 1. D. 33. (In Russ.).
47. Munarev P. Blagoustroystvo goroda – nashe obshchee delo. *K pobede kommunizma*. 1969;(67):1. (In Russ.).
48. Zakharov I. Problemy nashego goroda. *K pobede kommunizma*. 1969;(104):2. (In Russ.).
49. Prokofyeva A. Snachala bylo slovo. *K pobede kommunizma*. 1970;(74):2. (In Russ.).
50. Nuzhen v Surgute katok. *K pobede kommunizma*. 1970;(152):3. (In Russ.).

Информация об авторе

А. В. Михалишин – лаборант-исследователь, библиотекарь 1 категории.

About the author

A. V. Mikhailishin – Research Assistant, Librarian of Category 1.

Научная статья

УДК 504.062(091)(571.122)

<https://doi.org/10.35266/2949-3463-2024-4-12>

Государственная политика по освоению биологических ресурсов Югры в 1960–1975 годы

Евгений Ильич Гололобов

Сургутский государственный педагогический университет, Сургут, Россия

gololobov.eig@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4512-2461>

Аннотация. Цель статьи – на примере экологической истории Югры в XX веке показать процесс освоения природных ресурсов как столкновение традиционной и модернизационной моделей освоения Севера Сибири. Для реализации поставленной цели использовались методы исторического исследования, источниковедческого анализа и синтеза.

Доказано, что наиболее активно этот процесс протекал на Севере Западной Сибири, в частности на территории Югры в 1960–1975 годы. Исследовано включение биологических ресурсов в новый экономический контекст. Автор ответил на вопросы о том, как менялось значение биологических ресурсов для общегосударственных и региональных экономических и политических институтов, экспертного сообщества, местного населения, охарактеризовав институциональную основу их использования и охраны. На освоение биологических ресурсов Югры в 1960–1975 годы негативно повлияло широко-масштабное развитие добывающей промышленности. Отрасли, опиравшиеся на использование биологических ресурсов, утратили свое самостоятельное экономическое значение, полностью подчинившись задачам и нуждам, в первую очередь нефтедобывающей отрасли. Рыболовство, охота, лесное хозяйство стали носить вспомогательный характер в экономике Югры. В целях эффективного освоения биологических ресурсов Сибирского Севера, сохранения природной среды региона была необходима разработка региональной политики во всех ее аспектах: экономическом, научном, экологическом и так далее. В советский период этого сделано не было. Данный исторический опыт необходимо учитывать на современном этапе освоения Севера.

Ключевые слова: СССР, север, биологические ресурсы, экологическая история

Шифр специальности: 5.6.1. Отечественная история.

Для цитирования: Гололобов Е. И. Государственная политика по освоению биологических ресурсов Югры в 1960–1975 годы // Северный регион: наука, образование, культура. 2024. Т. 25, № 4. С. 120–128. <https://doi.org/10.35266/2949-3463-2024-4-12>.

Original article

State policy on the exploration of biological resources of Yugra in 1960–1975

Evgeniy I. Gololobov

Surgut State Pedagogical University, Surgut, Russia

gololobov.eig@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4512-2461>

Abstract. The aim of the article is to show the process of natural resources exploration as a clash between traditional and modernisation models of development of the North of Siberia on the example of the ecological history of Yugra in the 20th century. The methods of historical research, source analysis and synthesis were used to achieve this aim.

Evidence shows this process was most active in the North of Western Siberia, specifically in Yugra, between 1960–1975. The inclusion of biological resources in the new economic context is studied. Characterising the institutional basis of use and protection, the author answered questions on how the significance of biological resources changed for national and regional economic and political institutions, the expert community, and the local population. The large-scale development of the extractive industry negatively affected

the development of Yugra's biological resources in 1960–1975. The industries that relied on the use of biological resources lost their independent economic significance, being completely subjected to the objectives and needs, first of all, of the oil industry. Fishing, hunting, forestry became auxiliary in the economy of Yugra. Effectively developing the biological resources of the Siberian North and preserving the natural environment of the region required developing a regional policy in all its aspects: economic, scientific, ecological, etc. This task remained uncompleted during the Soviet period. The present stage of the North's development requires consideration of this historical experience.

Keywords: USSR, north, biological resources, ecological history

Code: 5.6.1. Russian History.

For citation: Gololobov E. I. State policy on the exploration of biological resources of Yugra in 1960–1975. *Severny region: nauka, obrazovanie, kultura*. 2024;25(4):120–128. <https://doi.org/10.35266/2949-3463-2024-4-12>.

ВВЕДЕНИЕ

Процесс освоения Сибири в XX в. имел социальное, экономическое и экологическое измерение. Движение в Сибирь всегда было связано с освоением ее богатых природных ресурсов. В XX веке, по большей части, это движение было направлено на север и северо-восток Сибири, цель которого заключалась в добыче полезных ископаемых (нефть, газ, алмазы, цветные и драгоценные металлы). В основе освоения природных ресурсов Союза Советских Социалистических Республик (СССР), и Севера Сибири в частности, лежал «индустриальный стандарт». Индустриальный стандарт хозяйственного освоения территории – это развитие промышленности, товарного сельского хозяйства, инфраструктуры транспорта и связи, урбанизации. Следовательно, территории, имевшие все вышеперечисленное, считались развитыми, не имевшие – отсталыми. С этих позиций государственные органы власти рассматривали освоение биологических ресурсов, тесно связанных с коренными народами Севера (КМНС).

Придя на Север Сибири, русские раздвигали границы своего мира, поглощая другие, чуждые, нерусские миры. Коренные народы Севера оказались не единственным «другим», с которым столкнулось восточнославянское аграрное общество. Настолько же чуждым для него оказалась и северная природа, не дававшая возможности развивать земледелие (зерновое, производящее хозяйство). По справедливому замечанию Юрия Слезкина, столкновение культур не может быть

полностью описано только в терминах угнетения; колониальные представления не могут быть целиком сведены к «грубому политическому факту» колониализма [1, с. 18].

Это важное, но не достаточное условие более глубокого понимания роли коренных народов Севера Сибири в истории России. Полноправным участником описания этого исторического процесса должна стать природа Севера. Этапы особенного пути КМНС – иноземец, иноверец, инородец, нацмен, первобытный коммунист, последний абориген – необходимо рассматривать во взаимодействии человека и природы [1]. Северные хозяйства оставались составной частью природных экологических систем в отличие от сельских хозяйств средней полосы, где сами экологические системы подверглись изменению. В связи с этим социально-экономические изменения на Севере невозможны были без преобразования самой северной природы, которая из «врага» (суровая, малопригодная для жизни, неосвоенная человеком) должна была превратиться в «друга» (источник ценных ресурсов, освоенных человеком).

Роль природных ресурсов Севера Сибири была разной в экономическом плане: она то возрастала, то снижалась в зависимости от исторических обстоятельств, внешних и внутренних факторов, влиявших на развитие страны. Тем не менее, начиная с XVII в. природные ресурсы Севера стали частью экономики Российского, а затем и Советского государства. По мере этого движения во времени и пространстве процесс освоения ресурсов Севера и преобразования его природы

в целом приобрел не только сугубо утилитарное, экономическое, но и ярко выраженное политическое, «цивилизационное» значение в XX в., особенно во второй его половине.

На примере экологической истории Югры 1960–1975 гг. как наиболее быстро индустриализированной территории таежной зоны Западной Сибири можно проследить процесс включения биологических ресурсов в новый экономический контекст, ответить на вопросы о том, как менялось значение биологических ресурсов для общегосударственных и региональных экономических и политических институтов, экспертного сообщества, местного населения, охарактеризовав институциональную основу их использования и охраны.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

В отечественной историографии глубоко изучена экологическая история развития традиционных хозяйственных отраслей (рыболовство, охота, использование ресурсов леса) Севера Западной Сибири в условиях активного индустриального освоения региона [2–4]. Традиционная модель опиралась на освоение биологических ресурсов (охота, рыболовство, дары леса). Для этой модели природа – субъект, с которым вступают во взаимодействие для поддержания баланса в большей или меньшей степени. В XX в. эта модель стала стремительно замещаться модернизационной моделью освоения природных ресурсов. Модернизационная модель опиралась на постоянно растущую добычу полезных ископаемых. Для нее природа – объект, который необходимо использовать как можно эффективнее для решения экономических и идеологических задач. Критериями рациональности в советский период выступало безусловное выполнение и перевыполнение экономических плановых показателей. Особенно ярко это проявилось в 1960–1975 гг. в период становления и активного роста нефтедобывающей промышленности Западной Сибири, центром которой стала Югра.

Для реализации поставленной цели использовались методы исторического исследования, источниковедческого анализа и синтеза.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

В указанных в статье хронологических рамках индустриальное развитие Югры носило взрывной характер. Стремительными темпами росла добыча нефти, в строй вводилось большое количество промышленных предприятий. Развивалась городская и транспортная инфраструктура. Регион становился промышленным и урбанизированным. Это, безусловно, отразилось и на состоянии биологических ресурсов региона, и на состоянии природы в целом. Коренные народы Севера слабо вписывались в новые реалии жизни. Нужно было преобразовать их быт, образ жизни, включить КМНС в процесс социальных преобразований. Сделать это можно было путем «индустриализации» традиционных промыслов, базировавшихся на освоении и использовании биологических ресурсов региона. Государственные и партийные органы власти рассматривали интенсификацию северного промыслового хозяйства как основное направление «социалистической реконструкции» жизни коренных северян [5, с. 18].

Северные хозяйства не были самостоятельны в экономическом плане. В области сбыта продукции они зависели от различных организаций, подчинявшихся не местному руководству сельского и промыслового хозяйства, а вышестоящим инстанциям. Госпромхозы в административно-финансовом плане подчинялись Главохоте РСФСР. Получаемая ими прибыль поступала туда же. Рыбу совхозы сдавали на рыбзаводы, находившиеся в подчинении областных и окружных органов Минрыбхоза. Северные хозяйства вкладывали усилия в освоение пастбищных и промысловых ресурсов, но прибыль от этого получали территориальные органы союзных министерств. Средства, выделяемые на планомерное социально-экономическое развитие территорий расселения народов Севера, оседали в области или крае, а автономные округа получали государственные дотации для покрытия убытков совхозов. Северные хозяйства были лишены права самостоятельного распределения капитальных вложений, развития своих обрабатывающих производств и сбыта продукции [6].

Областные и окружные комитеты Коммунистической партии Советского Союза и исполнительные комитеты депутатов трудящихся (региональные органы власти) были всецело заняты решением главной задачи – созданием индустриальной инфраструктуры и обеспечением постоянного роста добычи нефти и газа. Они взаимодействовали с союзными министерствами геологии, нефтяной и газовой промышленности и их главками: Главтюменьгеология, Главтюменьнефтегаз, Главтюменьгазпром. Не имея прямого отношения к этому процессу, коренные народы Севера с биоресурсами как основой их экономического существования оказывались лишним звеном в этой административно-хозяйственной цепочке. Министерства, занимавшиеся экономическим развитием Севера, не отвечали перед местной администрацией, а местная администрация, всецело зависевшая от выполнения плана, не отвечала на требования коренного населения, которое обеспечивало ничтожно малую долю региональной продукции.

На основе интенсификации и автоматизации освоения биоресурсов революцию в жизни аборигенов Севера произвести не удалось. Преобразовать природу, превратить ее в окружающую среду смогли минеральные ресурсы, полезные ископаемые – нефть и газ. Так как модернизация Севера осуществлялась через его индустриализацию, следовательно, чем меньше тот или иной биологический ресурс традиционного северного хозяйства вписывался в индустриальную модель освоения, тем меньше он имел значения для советской экономики. Еще менее важными в экономическом и культурном плане были хозяйственные навыки северян. Нужен был человек – носитель «индустриального стандарта». «Героическим покорителем» сибирских северных просторов стал трудовой мигрант, переселенец [7, с. 17]. Изменение демографической ситуации в таежной зоне Западной Сибири в пользу русского населения произошло еще в XVIII в. Во второй половине XX в. стремительное освоение нефтяных и газовых месторождений сделало

его абсолютным и необратимым [8]. Доля коренного населения в Югре сократилась с 14,5 % до 3,2 % [1, с. 383]. Изменился не только национальный состав, кардинальные перемены произошли в социальной и профессиональной структуре населения. Городские промышленные рабочие, инженерно-технические работники и служащие стали преобладать над сельским промысловым населением [6, с. 168].

Индустриализация Севера, основанная на эксплуатации сырьевых ресурсов, неминуемо породила их иерархию. Это касалось и научного знания о ресурсах. На верхних позициях этой иерархии оказывались нефть и газ, обладавшие большей прибавочной стоимостью и мощным преобразовательным эффектом, превращавшем пространство природы Севера в территорию окружающей среды, природный ландшафт в индустриальный и урбанизированный. В этой ситуации биологические ресурсы и опиравшееся на них традиционное промысловое хозяйство аборигенов Севера проигрывало конкуренцию нефти и газу как в экономическом, так и в «цивилизационном», «миссионерском» плане. Чем меньше тот или иной биологический ресурс традиционного северного хозяйства вписывался в индустриальную модель освоения, тем меньше он имел значения для советской экономики.

Непременным условием индустриального движения на Север Западной Сибири стало изучение его природы, а точнее природных ресурсов. Дикая, принявшая «суровые неприступные формы», «чужая» северная природа была неизвестной. Советская наука практически ничего не знала о ней, не имея точных данных о природных ресурсах и возможностях их освоения. Комиссия по проблемам Севера при Президиуме Академии наук СССР, получившая в 1960 г. статус межведомственной, была создана только в 1954 г. Возглавил ее академик Н. Н. Некрасов [4, с. 18]. Несмотря на «разговоры» на всех уровнях государственного управления во второй половине XX в. о комплексном освоении ресурсов Севера, в том числе и биологических, последние никогда не входили в приоритеты центральных, региональных и местных властей.

Это отражалось на научных институтах, которые занимались изучением биологических ресурсов. В качестве примера необходимо обратиться к документам. Протокол № 25 заседания бюро Тюменского обкома КПСС от 26 ноября 1975 г., в котором рассматривался вопрос «О работе партийной организации научно-исследовательского и проектно-конструкторского института рыбного хозяйства по повышению эффективности проектных и научных разработок и ускорению технического прогресса в рыбной промышленности» [9], достаточно типичен для рассматриваемого периода, наглядно показывает содержание деятельности института. Документ имеет традиционную для советского периода структуру. Сначала речь идет о достижениях, затем о недостатках, и заключительная часть содержит рекомендации по преодолению негативных сторон деятельности института.

В первой части документа отмечено, что за годы девятой пятилетки (1971–1975) институт выполнял научно-исследовательские работы по проблемам: рыбохозяйственного освоения рек и водохранилищ, рациональной эксплуатации озер, выращивания рыбы в термальных и геотермальных водах в условиях Сибири, совершенствования методов промышленного рыболовства и ряд других. Многие рекомендации института были внедрены в промышленность. На опыте Казанского завода была подтверждена возможность поднять рыбопродуктивность озер с 5–20 до 50–200 кг с га. Было закончено строительство Пышминского рыбоводного завода на геотермальных водах с применением технологии, разработанной институтом. Сотрудники института выполнили расчеты и рабочие чертежи электрорыбозаградителей, успешно прошедших опытно-промышленные испытания, проектов по объектам рыбохозяйственного назначения, промышленных зданий и сооружений, средств механизации производственных процессов в рыбоводстве и рыболовстве и новых типов судов. За выполнение этих работ 11 сотрудников института были отмечены медалями Выставки достижений народного хозяйства.

Вместе с тем в документе отмечалось наличие крупных недостатков в работе партийной организации института. Институт не занял ведущей роли в определении курса развития рыбной промышленности [9]. В планы научно-исследовательских работ института включались темы, не имевшие актуального значения для рыбного хозяйства области, редко планировались работы по механизации и автоматизации производственных процессов. Институт не был тесно связан с производством, медленно решал вопросы технического прогресса в отрасли. В период с 1976 г. по 1980 г. не было защищено ни одной кандидатской диссертации. В институте учились в аспирантуре всего 6 человек, инженерные должности занимали 16 практиков. Институт не был укомплектован кадрами. Конкурсы на их замещение не проводились. За 1973–1975 гг. пополнение института инженерными кадрами через Министерство рыбного хозяйства РСФСР ухудшилось. Из 30 заявленных специалистов институт получил только троих. Проектно-сметная документация зачастую выдавалась несвоевременно, низкого качества, с использованием устаревших конструкций и технологий [9].

В постановлении по рассматриваемому вопросу было указано, что надо повысить актуальность научных и проектных работ и их эффективность, нужны предложения по укреплению сырьевой базы бассейна, росту объемов добычи рыбы, повышению качества и расширению ассортимента продукции [9]. Партийная организация института должна была работать в этом направлении. Очевидно, что достижения носили точечный, конкретный характер, а проблемы – системный. Не хватало квалифицированных кадров, они не шли в институт, не было современной научно-технической базы для осуществления эффективной научной деятельности. Во многом это связано с недостаточным финансированием и несоответствием имевшейся материальной базы и теми задачами, которые ставились региональными властями перед институтом. Это лишний раз доказало второстепенность биологических ресурсов Севера

Сибири для советской экономики второй половины XX в.

Серьезные негативные последствия на освоение биологических ресурсов оказало загрязнение природной среды в результате интенсивной добычи полезных ископаемых. В полной мере это ощутила на себе Югра. Повышение антропогенного, техногенного воздействия на окружающую среду, с одной стороны, и слабая природоохранная деятельность – с другой, привели к резкому ухудшению санитарного состояния почв, воздушного и водного бассейнов северных территорий Сибири. Положение усугублялось неустойчивым экологическим равновесием, свойственным регионам Севера. Основным источником загрязнения природной среды Севера являлись предприятия цветной и черной металлургии, энергетики, угольной, нефтяной, нефтехимической, химической промышленности, автомобильный транспорт. Отрицательное влияние на состояние водного бассейна оказывали бытовые и сельскохозяйственные стоки, молевой сплав леса [10]. Молевой сплав леса – это способ доставки леса россыпью, отдельными бревнами. В результате такого способа транспортировки леса свободно плывущие по реке бревна быстро намокают и опускаются на дно, что наносит ущерб речной экосистеме. Почвы и воды Югры также загрязнялись нефтью и нефтепродуктами.

Непрерывно возрастающее водопотребление вызывало истощение водных источников, а недостаточность мероприятий по очистке сточных вод от вредных веществ являлась причиной увеличения степени загрязнения водного бассейна региона. Ситуация для Югры усугублялась еще и тем, что крупные реки Западной Сибири Обь, Иртыш и их притоки в рассматриваемый период были загрязнены практически на всем протяжении. В верхнем течении Оби вследствие недостаточной очистки сточных вод гг. Барнаула, Бийска, Рубцовска, содержание нефтепродуктов и фенолов в десятки раз превышало предельно допустимую концентрацию (ПДК), наблюдалось высокое содержание органических соединений и некоторых тяжелых металлов. Река Томь и среднее течение Оби были

загрязнены стоками предприятий металлургической, коксохимической, химической, угольной промышленности Кузбасса.

Интенсивное развитие нефтяной, газовой и других отраслей народного хозяйства в Тюменской и Томской областях значительно расширило и продвинуло на север границы промышленных загрязнений Оби. Основными источниками загрязнений р. Иртыш являлись нефтеперерабатывающий завод, химические и нефтехимические предприятия Омска. Средние и малые реки Западной Сибири, расположенные в зонах крупных промышленных центров, вследствие малой водоносности и значительного количества загрязняющих веществ, поступающими со сточными водами, не справлялись с нагрузкой. Содержание вредных веществ в них в десятки раз превышало ПДК [10].

В результате общий объем вылова рыбы, несмотря на качественное улучшение орудий лова, технической оснащенности промысловиков, в конце 1960-х – начале 1970-х гг. в Югре резко снизился. Рыбная отрасль, бывшая долгое время экономической доминантой Севера Западной Сибири, утратила свое хозяйственное значение. Естественные ресурсы водоемов и главных рек были существенно подорваны и не могли постоянно давать увеличение объемов добываемой рыбы. Вектор развития отрасли смещался от рыболовства к рыбоводству, рыборазведению и аквакультуре. В охотничьем хозяйстве региона этот переход произошел еще раньше. В Ханты-Мансийском округе уже с середины 1950-х гг. в заготовках пушнины главную роль играло звероводство, а не охота. Промысловые хозяйства, как и рыболовецкие, также страдали от промышленных загрязнений и сокращения территорий, пригодных для ведения охоты. Несмотря на развитие звероводства, экономическое значение охотничьего хозяйства также резко упало.

Активное освоение полезных ископаемых региона приводило также к росту заготовки древесины. Однако ее рациональное и эффективное использование не было должным образом налажено. Это негативно отражалось на охоте и рыболовстве. Промышленные

предприятия активно вырубали лес, мало его использовали и не заботились о рекультивации территории. Лесоохрана была малочисленна и слабо оснащена. Директор Сургутского лесхоза Г. П. Хомяков так характеризовал складывавшуюся ситуацию: «Если 10–15 лет назад лесная охрана была на равных со всеми заготовителями в смысле транспорта (те и другие имели лошадей), когда заготовка леса не превышала 10 км от любого населенного пункта, теперь же древесину везут с 50–70 км на высоко проходимом быстроходном транспорте. Лесная охрана не имеет ничего: для лошадей санных дорог нет, за десятки километров на лошади не поедешь, за машиной на лошади не угонишься, поэтому у нас нередко население уходит от ответственности за лесонарушения» [11].

Очень часто органы милиции отказывали в привлечении виновных к ответственности по мотивам недоказанности причастности задержанных к рубке. Такая же ситуация складывалась с привлечением к уголовной ответственности виновных в возникновении лесных пожаров. Директор Сургутского лесхоза, выступая на сессии Сургутского районного Совета депутатов трудящихся в 1973 г., отмечал, что за двадцатилетие его работы в Сургуте из нескольких десятков дел, переданных милиции по лесным пожарам и лесонарушениям, к ответственности не был привлечен ни один человек. Отказывали на следующих основаниях: «малочисленности ущерба», «виновник не установлен», «не указаны свидетели», «лесхоз не приложил показания свидетелей». Но лесхоз и не мог предоставить эти материалы. Показания свидетелей могут быть получены только в результате следственных действий. Это задача органов дознания. Естественно, что лесная охрана органом дознания не являлась. Вспомнил Г. П. Хомяков только один случай, когда виновник пожара был приговорен к двум годам лишения свободы с возмещением стоимости сгоревших дров. Дрова эти принадлежали милиции: «Из милиции пришли и спросили, не могли бы вы предположительно назвать виновников. Назвали и дело решилось оперативно» [11].

Иллюстративен следующий пример нерационального, во многом преступного отношения предприятий к ценной древесине. В Сургутском районе велико значение кедровых лесов. Несмотря на то, что кедр представлял собой подлинную народно-хозяйственную ценность и оберегался населением с давних пор, в районе наблюдались случаи, когда отдельными лесопользователями без отвода участков вырубался кедр в лесах первой группы, выполнявших водоохранно-защитные, санитарно-гигиенические и оздоровительные функции. Руководители предприятий не понимали или не хотели понять того, что кедровые древостои являлись кормовой базой пушного зверя и богатым источником пищевого продукта в виде кедровых орехов. Тревога за судьбу кедра у властей и общественных организаций усугублялась еще и тем, что он не возобновляется естественным путем на сплошных вырубках, а эффективных методов искусственного возобновления его в тот период не было найдено. Особенно хищнически истреблялся кедр в лесах первой группы строителями железной дороги пос. Салым. За нарушение правил заготовки древесины Сургутским и Куль-Еганским лесхозами только в 1972 г. было взыскано неустойки с лесопользователей в сумме 694 тыс. руб. [12]. Но эти штрафы не влияли на деятельность предприятий, на систему премиальной оплаты их руководящего состава.

В итоге на освоение биологических ресурсов Югры в 1960–1975 гг. активное развитие добывающей промышленности отразилось негативным образом. По сути дела, они утратили свое самостоятельное экономическое значение, полностью подчиняясь задачам и нуждам, в первую очередь нефтедобывающей отрасли. Отрасли, основанные на использовании биологических ресурсов, стали носить вспомогательный характер. На самом высоком государственном уровне декларировалась необходимость комплексного подхода к изучению и освоению ресурсов региона: «... проблемы развития народного хозяйства этого района не могут быть решены без широкого комплексного изучения его природ-

ных условий и ресурсов, с целью определения его основных направлений и разработки взаимно увязанных схем их освоения и хозяйственного строительства. Изолированное (или с недостаточным учетом интересов комплекса), рассмотрение вопросов использования отдельных видов ресурсов Обского Севера может привести к необоснованным с народнохозяйственной точки зрения решениям и нанести серьезный ущерб экономике страны» [13]. Но выполнена эта задача не была.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В отношении государственной политики освоения биологических ресурсов Югры важно, что в 1960–1975 гг. произошел окончательный переход экономической модели освоения природных ресурсов региона от традиционной модели, опиравшейся на освоение биологических ресурсов (охота, рыболовство, лесное хозяйство) к модернизационной мо-

дели, построенной на интенсивной добыче полезных ископаемых. Биологические ресурсы, являвшиеся основой экономики Югры вплоть до второй половины XX в., в дальнейшем потеряли свое самостоятельное хозяйственное значение. Ухудшение экологической ситуации, рост промышленных загрязнений окружающей среды, идеологическая нацеленность партийных и государственных органов власти на преобразование природы, ее покорение объективно отодвигали на второй план отрасли хозяйства, основанные на использовании биологических ресурсов. Для реализации своих идеологических и экономических задач государство сделало ставку на ресурсы с более мощным преобразовательным, модернизационным потенциалом – полезные ископаемые. Это негативно отразилось на комплексном использовании природных ресурсов в целом и биологических ресурсов в частности.

Список источников

1. Слёзкин Ю. Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера. М. : Новое литературное обозрение, 2008. 509 с.
2. Гололобов Е. И., Мостовенко М. С. Рыболовное и охотничье хозяйство Севера Западной Сибири в 1960–1980-е гг.: от промысла – к отрасли // Вестник урведения. 2016. № 3. С. 111–123.
3. Гололобов Е. И. Охотничье хозяйство Сибирского Севера в экономической системе СССР в 1950–1980-е годы // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2016. № 6. С. 33–40.
4. Гололобов Е. И., Мостовенко М. С. Становление и развитие научных исследований в сфере изучения биоресурсов Севера Западной Сибири в 1960–80-е гг. // Вестник Нижневартовского государственного университета. 2017. № 2. С. 17–24.
5. Тюрденев А. П., Андреев В. Н. Основные направления в развитии сельского и промыслового хозяйства Севера СССР // Проблемы Севера. 1968. Вып. 13. С. 7–39.
6. Народы Советского Севера / отв. ред. И. С. Гурвич, З. П. Соколова. М. : Наука, 1991. 260 с.
7. Социально-экономические проблемы Севера : науч. докл. Свердловск : УНЦ АН СССР, 1985. 45 с.
8. Кросби А. У. Экологический империализм: трансатлантическая миграция западных европейцев как биологический феномен // Человек и природа: экологическая история : сб. / под общ. ред. Д. Александрова, Ф.-Й. Брюггемаера, Ю. Лаус.

References

1. Slezkine Yu. Arctic mirrors: Russia and the small peoples of the North. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; 2008. 509 p. (In Russ.).
2. Gololobov E. I., Mostovenko M. S. Fishing and hunting in the North of Western Siberia in the period of 1960–1980ies: from craft to industry. *Bulletin of Ugric studies*. 2016;(3):111–123. (In Russ.).
3. Gololobov E. I. The Siberian North hunting industry in the economy of USSR in 1950th – 1980th. *Bulletin of Surgut State Pedagogical University*. 2016;(6):33–40. (In Russ.).
4. Gololobov E. I., Mostovenko M. S. Establishment and development of scientific research of biore-sources of the Northern part of Western Siberia in 1960s – 1980s. *Bulletin of Nizhnevartovsk State University*. 2017;(2):17–24. (In Russ.).
5. Tyurdenev A. P., Andreev V. N. Osnovnye napravleniya v razvitii selskogo i promyslovogo khozyaystva Severa SSSR. *Problemy Severa*. 1968;(13):7–39. (In Russ.).
6. Gurvich I. S., Sokolova Z. P., eds. *Narody Sovetskogo Severa*. Moscow: Nauka; 1991. 260 p. (In Russ.).
7. *Sotsialno-ekonomicheskie problemy Severa: Scientific report*. Sverdlovsk: UNTs AN SSSR; 1985. 45 p. (In Russ.).
8. Krosbi A. U. Ekologicheskiy imperializm: transatlanticheskaya migratsiya zapadnykh evropeytsev kak biologicheskiy fenomen. *Chelovek i priroda: ekologicheskaya istoriya*. Aleksandrov D., Bryuggemaer F. Y., Laus Yu., eds. Saint Petersburg: European University at Saint Petersburg; 2008. P. 161–179. (In Russ.).

- СПб. : Европейский ун-т в Санкт-Петербурге, 2008. С. 161–179.
9. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области» (ГАСПИТО). Ф. П-124. Оп. 1. Д. 6037. Л. 9–11.
  10. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 399. Оп. 3. Д. 1880. Л. 167.
  11. СГА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 305. Л. 181.
  12. СГА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 305. Л. 202.
  13. РГАЭ. Ф. 399. Оп. 3. Д. 1118. Л. 38.
  9. State Archive of Social and Political History of the Tyumen Oblast (GASPITO). F. P-124. Op. 1. D. 6037. L. 9–11. (In Russ.).
  10. Russian State Archive of Economics (RGAE). F. 399. Op. 3. D. 1880. L. 167. (In Russ.).
  11. SGA. F. 1. Op. 1. D. 305. L. 181. (In Russ.).
  12. SGA. F. 1. Op. 1. D. 305. L. 202. (In Russ.).
  13. Russian State Archive of Economics (RGAE). F. 399. Op. 3. D. 1118. L. 38. (In Russ.).

Информация об авторе

Е. И. Гололобов – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник.

About the author

E. I. Gololobov – Doctor of Sciences (History), Professor, Chief Researcher.

Научная статья

УДК 342.553(091)(571.122)

<https://doi.org/10.35266/2949-3463-2024-4-13>

**Реформа местных органов советской власти
в условиях политического кризиса конца 1980-х – начала 1990-х годов
(на примере советов народных депутатов в Ханты-Мансийском автономном округе)**

Дмитрий Васильевич Сердюков

Сургутский государственный университет, Сургут, Россия

Dmitriy-serdyukov@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0009-5948-447X>

Аннотация. На основе анализа архивных источников и дискурс-анализа общественно-политической повестки времен перестройки автором показана неудачная попытка реформирования системы советов народных депутатов. Руководством страны возлагались большие надежды на эту модернизацию, планировалось вернуть самоуправленческие начала и повысить уровень доверия к советской власти. Однако проходившие в условиях политического кризиса выборы продемонстрировали, что советы по-прежнему воспринимались гражданами как одно из звеньев коммунистического режима. При этом в новых условиях они были вынуждены бороться за ресурсы и с парткоммами, и со своими же исполкомами, в итоге проиграли новым центрам принятия решений – администрациям. Модернизируемые советы так и не смогли воспользоваться историческим шансом на реализацию заявленного лозунга «Вся власть советам!».

Ключевые слова: советы народных депутатов, реформа местных органов советской власти, политический кризис, выборы 1990 года, исполнительные комитеты, президиумы, администрации

Шифр специальности: 5.6.1. Отечественная история.

Для цитирования: Сердюков Д. В. Реформа местных органов советской власти в условиях политического кризиса конца 1980-х – начала 1990-х годов (на примере советов народных депутатов в Ханты-Мансийском автономном округе) // Северный регион: наука, образование, культура. 2024. Т. 25, № 4. С. 129–138. <https://doi.org/10.35266/2949-3463-2024-4-13>.

Original article

**Reform of local Soviet authorities in context of political crisis of late 1980s and early 1990s
(based on example of Councils of People's Deputies in Khanty-Mansi Autonomous Okrug)**

Dmitry V. Serdyukov

Surgut State University, Surgut, Russia

Dmitriy-serdyukov@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0009-5948-447X>

Abstract. Based on the analysis of archival sources and the discourse analysis of the social and political agenda during perestroika, the author shows an unsuccessful attempt to reform the system of Councils of People's Deputies. The country's leadership hoped for this modernization, planning to return self-governing principles and increase trust in the Soviet government. The country's leadership hoped for this modernization, planning to return self-governing principles and increase trust in the Soviet government. However, the elections held in the context of the political crisis demonstrated that citizens still perceived the Councils as one of the parts of the communist regime. In the new conditions, they were compelled to compete for resources with party committees and their own executive committees, and the new decision-making centers, namely administrations, ultimately prevailed. The modernized Councils failed to take advantage of the historical chance to implement the declared slogan "All power to the Soviets!"

Keywords: Councils of People's Deputies, reform of local Soviet authorities, political crisis, 1990 elections, executive committees, presidiums, administrations

Code: 5.6.1. Russian History.

For citation: Serdyukov D. V. Reform of local Soviet authorities in context of political crisis of late 1980s and early 1990s (based on example of Councils of People's Deputies in Khanty-Mansi Autonomous Okrug). *Severnnyy region: nauka, obrazovanie, kultura*. 2024;25(4):129–138. <https://doi.org/10.35266/2949-3463-2024-4-13>.

ВВЕДЕНИЕ

Комплекс инициированных М. С. Горбачёвым реформ социально-экономической и общественной сферы, а также партийно-государственных структур Союза Советских Социалистических Республик (СССР) во второй половине 1980-х гг. в публицистике и научной литературе получил общепринятое название «перестройка». Стоит признать, что в первые годы этих преобразований в стране отмечался всеобщий эмоциональный подъём, общество ожидало перемен к лучшему. К концу 1980-х гг. реформаторы приступили к изменению фундамента «советского народовластия» – местных советов, которые тогда еще являлись органами государственной власти, причем самыми многочисленными.

Только в Российской Советской Федеративной Социалистической Республике (РСФСР) местных советов насчитывалось около 28 тысяч, а в масштабах Советского Союза их численность превысила 50 тысяч [1]. В качестве основополагающего принципа работы советов был провозглашен демократический централизм. Теоретически это должно было подстегивать инициативу и мотивировать самостоятельность местных депутатов. Однако, на деле демократия ограничивалась обсуждением малозначимых вопросов, а важные решения, заранее согласованные наверху, спускались для формального одобрения. Юридически было закреплено право вышестоящих советских органов власти осуществлять руководство деятельностью нижестоящих советов. В ситуации, когда народные избранники занимались депутатской деятельностью на непрофессиональной основе, периодически от сессии к сессии, а постоянные организационные полномочия были переданы сформированным ими исполнительным комитетом, состоявшим из председателя, заместителей председателя, секретаря и нескольких членов исполкома, которые в свою очередь и руководили аппаратом «в полный рост», появилась проблема легитимности такой системы. В ходе

заявленной политической реформы вскрылись противоречия как внутри советов, так и постоянно возникавшие конфликты с вышестоящими органами власти. Наибольший диссонанс представлял в новых условиях принцип партийного руководства деятельностью советов. Получалось, что местные советы вынуждены были формально легитимировать подготовленные решения исполкомов, вышестоящих органов госуправления и парткомов. Именно это функциональное дублирование как институциональное противоречие и должна была ликвидировать Горбачёвская реформа системы местных советов, что и являлось предметом данного исследования. В качестве наглядного примера в публикации представлены результаты анализа хода и неоднозначных итогов реформы местных советов народных депутатов в Ханты-Мансийском автономном округе. И все это происходило на фоне нарастающего политического кризиса рубежа 1980–1990-х гг. В связи с этим актуализирован вопрос оценки эффективности проведенной реформы.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

В качестве базового подхода при проведении исследования являлся анализ источников, в первую очередь архивных. Наиболее важный массив исторических данных представлен в протоколах сессий советов народных депутатов, хранящихся в Государственном архиве Тюменской области, Государственном архиве Югры, муниципальных архивах Сургута и Нижневартовска. Этот вид источника позволил увидеть, с одной стороны, содержание официальных докладов и отчетов председателей сессий, исполкомов (а позже и самих председателей советов и президиумов), мандатных и ревизионных комиссий, богатых статистическими данными, а с другой стороны, по мере продвижения политики гласности документы фиксировали весьма острые дискуссии рядовых депутатов, часто критически полемизировавших по актуальной повестке.

Весьма полезная группа источников представлена в фондах Государственного архива социально-политической истории Тюменской области, где сконцентрирован большой пласт документов партийных структур (протоколы областных, окружных, районных и городских конференций и бюро парткомов). Изучение материалов Коммунистической партии Советского Союза (КПСС) позволило показать отношение партийных структур к вопросам руководства советами, споры партийных депутатов, проследить муки поиска своего места в быстро меняющихся политических реалиях.

Крайне интересным источником информации стала пресса. На страницах газет «Ленинская правда» (позже «Новости Югры») и «К победе коммунизма» представлены не только официальные заметки редакций по актуальной политической повестке, но и интервью политиков и общественных деятелей, экспертные аналитические материалы. Это позволило в полной мере задействовать метод дискурс-анализа общественно-политической повестки последних лет перестройки.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

В первой половине 1980-х гг. советская система по-прежнему демонстрировала стабильность и единство всех элементов партийно-государственной машины. Так, итоги выборов в Верховный Совет РСФСР и местные советы в феврале 1985 г. характеризовались как торжество социалистической демократии и сплоченность советского народа вокруг коммунистической партии. Отмечалось, что избирательная кампания показала деловитость и полное соответствие законодательству [2, л. 20].

В этом же 1985 г. был сформирован XIX созыв Ханты-Мансийского окружного Совета народных депутатов, в который жители региона избрали 200 представителей. Одновременно были избраны советы в 8 районах, 6 городах, 30 поселках и 60 селах. Советские граждане традиционно показали высокую активность: явка на окружных выборах достигла 99 %. В совокупности во все местные советы избрались 4 812 депутатов. Следуя партийным установкам, был обеспечен требуемый каче-

ственный депутатский состав по приоритетным категориям: 63 % или 3 043 рабочих стали депутатами, женщины получили 50,7 % или 2 440 мандатов, 41,8 % или 2 011 депутатов являлись членами и кандидатами в члены КПСС, а комсомольцы получили 22,6 % или 1 087 депутатских мандатов [3]. В целом система демонстрировала позитивные результаты.

Новый этап для местных советов был инициирован летом 1988 г. на XIX Всесоюзной партийной конференции, тогда Михаил Сергеевич отметил необходимость создания условий для обретения всей полноты власти советами. Впервые была сделана оговорка о том, что советы – это основа не только социалистической государственности, но и самоуправления. Реализация этих тезисов началась в декабре 1988 г. с закона об изменениях и дополнениях в Союзную Конституцию [4]. В качестве первых реформенных мер законодатель ограничил двумя сроками период полномочий избираемых или назначаемых советами народных депутатов должностных лиц. Теперь допускалось избираться не только от территориальных и национально-территориальных общностей, но и от общественных организаций. По этому поводу в Конституцию специально ввели понятие общественной организации. Выдвигать кандидатов в депутаты смогли как трудовые и территориальные коллективы, так и самовыдвиженцы. Было запрещено совмещать депутатские полномочия с исполнением должностных обязанностей в подотчетных совету исполнительных органах. И самым важным на этом этапе решением для повышения организационной самостоятельности местных советов стало введение должностей председателей советов и президиумов советов, работающих на профессиональной основе [5].

Однако на местах модернизация советов после XIX партконференции пошла с перебоями. В региональных источниках отмечено, что нужную работу по реальной организации исполнения наказов избирателей в советах превращали в формальное бумаготворчество с отписками и затягиванием сроков [6, л. 68]. Так, в Ханты-Мансийском совете за 1988 г. в повестке всего лишь единожды обсуждался

отчет о выполнении наказов, только пару раз поднимали тему качества выполнения депутатских обязанностей [7, л. 4, 22]. Или, например, в Сургутском городском совете в этом же году комиссиями из запланированных было рассмотрено меньше 20 % вопросов, всего 13 депутатских наказов из 50 были фактически исполнены [8, л. 55]. И подобный подход наблюдался во многих советах и исполкомах [6, л. 67]. По мере отдаления от выборов и погружения в рабочие будни среди депутатского корпуса стали наблюдаться случаи уклонения от исполнения своих обязанностей. Иногда это приводило даже к срыву запланированных сессий. Так, в окружном совете подобный казус произошел 16 июня 1989 г. В связи с пропуском сессии 10 депутатами руководство совета вынуждено было ограничиться кратким организационным собранием. Эта негативная практика стала распространяться и на местах. Например, только в мае – июне 1989 г. не состоялись сессии советов народных депутатов в Сургуте, Белоярском и Сургутском районах. Личное присутствие депутатов порой также не приносило особой пользы, они отмалчивались при обсуждении вопросов и уклонялись от участия в принятии решений [9, л. 5].

Тем временем в регионе на разных площадках ведущие общественно-политические силы активно обсуждали проект закона о Ханты-Мансийском автономном округе. В проекте предполагалось разграничить полномочия исполкома и президиума советов, что в перечень вопросов, решаемых исключительно на сессиях окружного совета, будут включены обсуждение и принятие решений по вопросам административно-территориального устройства округа, касающиеся образования новых и упразднения существующих единиц, изменения границ районов, районирования городов окружного подчинения, размещения и строительства на территории округа предприятий, влияющих на изменение экологической обстановки [10].

Одновременно с преобразованием советов местные партийные комитеты все еще продолжали бороться за свой статус руководящей силы. Например, Н. Г. Потапова, секретарь

Березовского райкома КПСС, в августе 1989 г. так объясняла сложившуюся ситуацию: «Идет важная работа по разграничению функций партийных, советских и хозяйственных органов. Но контроль над деятельностью этих органов с партии никто ни снимал. Пока на сложном этапе перехода от командных к политическим методам руководства и разделения функций парткомам не удалось в полной мере повысить ответственность местных советов» [11, л. 9]. Пока парткомы удерживали традицию двойной ответственности депутатов-коммунистов перед партией и избирателями.

С другой стороны, политика перестройки запустила необратимые процессы, проявились признаки обострявшейся конкуренции между политическими институтами. Такие сюжеты все чаще стали выходить в публичную плоскость. Можно привести наглядный пример, который произошел в 1989 г. на пленуме Березовского райкома КПСС. Там председатель Березовского райисполкома В. В. Толмачев спросил напрямую о том, для чего нужны одновременно занимавшиеся одинаковыми вопросами три структуры: райсовет, райисполком и райком партии [11, л. 23]. На местах началось переосмысление политической роли КПСС. Так, в ноябре 1990 г. первый секретарь Советского райкома КПСС, обсуждая с товарищами по партии сценарии взаимодействия с советами, сказал, что работа райкома партии все-таки должна строиться под решения советов [12, л. 54]. Данная дискуссия была поддержана региональными СМИ, где журналисты, общественники и политики критиковали пагубную практику искажения ролей представительных и исполнительных органов, отмечая, что советы превратились в банальную ширму исполкомов и парткомов. Все громче звучали требования гарантировать приоритет советов [13]. Заговорили и о необходимости работы постоянных комиссий советов на регулярной основе, а от исполкомов требовали создания условия открытости для обсуждения вопросов, вносимых на сессии [14].

Для советской политической системы 1990 г. стал судьбоносным: в РСФСР на 4 марта были запланированы многоуровневые выборы.

Необходимо было в крайне тяжелых социально-экономических условиях сохранить политическую устойчивость, сформировать новые составы Съезда народных депутатов и многочисленные местные советы, от областных до поселковых. Можно признать, что это были первые за всю советскую историю по-настоящему открытые и конкурентные выборы. Оценивая важность этого политического события, партийные структуры приложили все усилия для формирования союзов с сильными общественными организациями. Так, в 1990 г. в преддверии большой кампании была выработана совместная платформа Ханты-Мансийского окружкома КПСС, Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза молодежи и координационного комитета ассоциации «Спасение Югры» [15].

Выборы действительно оказались крайне напряженными и состязательными. По ряду избирательных округов в начале 1990 г. количество зарегистрированных кандидатов достигало 15 и более человек на один мандат [16]. Более 500 кандидатов выдвинули общественные организации и трудовые коллективы в Совет народных депутатов Ханты-Мансийского автономного округа, в итоге 462 кандидата прошли регистрацию [17]. Выдвиженцами от компартии были 250 кандидатов [18, л. 3]. Такой же уровень конкуренции наблюдался и на местах. К примеру, в Сургутский горсовет подали заявления более 530 кандидатов на 190 мест, а в районный совет на вхождение в состав районного совета претендовало 175 кандидатов на 75 мандатов [16].

Не миновали эту избирательную кампанию и самые негативные проявления борьбы разных политических сил. Так, в ходе выборов в Нижневартовский горсовет вскрылись факты фальсификации, в связи чем были отменены результаты по 31-му избирательному округу [19, л. 78]. В некоторых населенных пунктах в комиссии поступали жалобы на давление со стороны партийных структур. В частности, в пос. Кондинском жители подали коллективную жалобу на отсутствие свободных выборных процедур, они отметили, что в поселке происходило необоснованное очернение кандидатов, запугивание

и давление на беспартийных кандидатов со стороны районного комитета КПСС. Признавали данные нарушения и в окружной избирательной комиссии [20, л. 8, 14].

Перенапряжение в ходе столь сложной избирательной кампании, жесткая борьба участников и информационное давление на избирателей дали отрицательный эффект. Формирование новых составов народных представительств 4 марта так и не состоялось. Выборы затянулись более чем на год. Большинство местных советов набрали минимально необходимое количество депутатов для легитимной работы только к концу 1990 г. [21, л. 6]. В городах, районах и поселках Ханты-Мансийского автономного округа пришлось проводить серию довыборов (повторные голосования) 18 марта, 22 апреля, 4 мая, 3 июня, 3 августа, 14 октября, 9 и 23 декабря 1990 г., а также 10 февраля, 17 марта, 12 и 14 июня 1991 г. Основная причина проведения повторных голосований была связана с невозможностью кандидатов набрать более 50 % голосов избирателей, как требовали этого действовавшие избирательные нормы. Многократность попыток сформировать депутатские корпуса показательно охарактеризовало уровень доверия как к советам, так и к избирательной системе данного периода [22, л. 19–135; 23, л. 19].

Примечательно, более 75 % избранных депутатов окрсовета в 1990 г. участвовали в избирательной кампании как члены и кандидаты в члены КПСС. На местах не менее 60 % избранных коммунистов вошли в местные советы городов и районов [24, л. 14]. Но буквально в течение первого года работы началось массовое прекращение членства депутатов в партии. Например, сразу после выборов 15 депутатов Советского райсовета написали заявления о выходе из КПСС [12, л. 12]. В Мегионском горсовете и Нефтеюганском райсовете только треть депутатов сохранили свое членство в компартии [24, л. 14]. В целом за 1990 г. депутатские фракции коммунистов были сформированы только в 7 из 19 горрайсоветов [18, л. 58].

Первая организационная сессия окрсовета XXI созыва состоялась 4 мая 1990 г. На ней

присутствовали только 126 народных представителей, 24 депутата предстояло еще доизбрать. Впервые на альтернативной основе прошли выборы на новую должность председателя совета. В бюллетень тайного голосования были внесены фамилии В. И. Карасева, Б. Г. Пастухова и В. А. Чурилова. Основным кандидат Валерий Андреевич Чурилов коротко рассказал о себе: «Родился в 1946 г. Инженер-механик по образованию. Окончил Московское высшее техническое училище им. Баумана, 20 лет работаю в Тюменской области, 20 лет – в партии. Кандидат технических наук, преподавал, занимался научной работой. Последние 15 лет на партийной профессиональной работе. Женат. Двое детей, внучке 1,5 года». После эмоциональных обсуждений при раскладе 57 за, 35 против и 20 воздержавшихся В. А. Чурилов был избран председателем окрсовета [21, л. 14, 15]. Далее были сформированы рабочие органы совета: 13 постоянных комиссий и комитет по делам коренных малочисленных народов Севера [25].

На следующем заседании 5 мая был рассмотрен вопрос о выборах председателя окрисполкома в связи с истечением полномочий. После обсуждения работы и планов исполкома была дана положительная оценка деятельности Александра Васильевича Филипенко. Вот как охарактеризовал его кандидатуру депутат совета Д. В. Макущенко: «Я знаю товарища Филипенко более 15 лет. Он работал в Сургуте в строительном-монтажном управлении прорабом, возглавлял комсомольскую организацию. Там он был принят в члены КПСС, приглашен в окружной комитет партии, где прошел большую школу партийной и советской работы» [21, л. 19–21]. В результате тайного голосования председателем исполкома вновь был избран А. В. Филипенко. Были утверждены новый состав исполкома (10 человек) и его отделы, а также комитет народного контроля [26].

Состоялось долгожданное событие, народные избранники приняли положение о председателе и постоянно действующем президиуме окрсовета. В состав президиума вошли 19 депутатов, а его аппарат состоял из 13 человек [21, л. 142]. Теперь ключевые вопросы

планирования и организации деятельности совета, в том числе в межсессионный период, отошли к президиуму [27]. Его решения стали обязательными для юридических и должностных лиц, а также граждан. По аналогии все местные советы учредили свои президиумы [28].

Не обошлось в переходный период и без сомнительных местных инициатив. Крайне любопытным представлялся опыт Нижневартовского горсовета. На первой сессии депутаты приняли решение о совмещении должностей председателя совета и председателя исполкома [29]. С одной стороны, этот вопрос не в полной мере был урегулирован законодательством, а с другой, само по себе решение выглядело коррупциогенно. На это также указали «старшие товарищи»: в окрсовете обратили внимание, что городские депутаты теперь будут сами писать решения, сами их исполнять и сами себя наказывать за ошибки. Таким же образом Нижневартовский горсовет объединил и должности заместителей, хотя это уже напрямую нарушало закон [21, л. 205, 206]. Другую инициативу обсуждали в Сургуте, где депутат С. В. Кандаков предложил объединить горсовет и райсовет, сохранив лишь два самостоятельных исполкома [30, л. 12]. После создания в структуре президиумов активизировался процесс ликвидации дублирующих исполкомов [31, л. 113–116]. Первым упразднил исполком Ханты-Мансийский горсовет [32].

Возвращаясь к контексту реформы, необходимо отметить законодательные новеллы, непосредственно коснувшиеся советов. Так, 9 апреля 1990 г. народные депутаты СССР приняли закон «Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства в СССР», а 6 июля 1991 г. Верховный Совет РСФСР – закон «О местном самоуправлении в РСФСР». Оба закона важны тем, что они впервые признали за местными советами статус органов местного самоуправления, продекларировав широкий перечень их прав. Однако по-прежнему сохранялась подчиненность местных советов по вертикали. Также законодатель не провел четкого разделения полномочий между органами местного самоуправления – местными советами и органами государственной власти – краевыми, областными

и окружными советами. На практике сохранилось пересечение и дублирование в вопросах формирования бюджетов, проведения хозяйственных, природоохранных мероприятий и многого другого. Такая половинчатость мер затормозила процесс обретения местными советами полномочий формировать и распоряжаться муниципальной собственностью [33]. Следовательно, местные советы оказались «за периметром» зарождавшейся рыночной экономики без необходимых финансовых и экономических ресурсов. К примеру, в июне 1990 г. первый заместитель председателя окрисполкома С. С. Чикирев так обрисовал ситуацию: «Формальные хозяева территорий – местные советы экономически обделены и бюджеты их мизерны, и прав почти никаких. Местные советы лишены каких-либо реальных рычагов влияния на результаты экономической деятельности предприятий и организаций, не в состоянии противостоять реализации узковедомственных интересов, подрывающих порой не только основы жизни населения, но и веру в провозглашенный Конституцией СССР принцип, что власть принадлежит народу» [21, л. 34].

С другой стороны, стоит отметить, что советы в условиях гласности стали основной площадкой для обсуждения ключевых тем политической повестки. И в этом смысле стоит вспомнить уникальный для сложноустроенных территорий вопрос реформирования отношений органов власти автономных округов и Тюменской области. Уже на первых заседаниях Ханты-Мансийского окрсовета в 1990 г. депутаты заговорили о концепции перехода автономного округа на принципы самоуправления и самофинансирования [26]. Весь этот год политики и общественность обсуждали законопроект о Ханты-Мансийском автономном округе, в котором пытались зафиксировать права на национально-культурную, экономическую и политическую автономию [34, 35]. В ходе горячих дискуссий все-таки удалось заложить основу модели конструктивных взаимоотношений «Юга» и «Севера», через перспективу заключения многосторонних соглашений и обретения статуса

равноправных субъектов Российского федеративного договора [36, л. 87; 37, л. 187–189].

Еще более глобальная история, затянувшая советы в эпицентр политической бури, произошла в августе 1991 г. Народные депутаты не остались в стороне драматических событий 19–22 августа. Так, председатель окрсовета Валерий Чурилов в первый день путча вышел в радиозфир и решительно осудил действия Государственного комитета по чрезвычайному положению (ГКЧП) [38]. Депутаты и окружного, и местных советов также присоединились к оценке ситуации и назвали действия ГКЧП антиконституционными [39, л. 228]. Устранение ГКЧП было воспринято исключительно позитивно. После завершения кризиса В. А. Чурилов произнес: «Победа!» [40, л. 26]. Так, 2 сентября 1991 г. в решении окрсовета по итогам комиссионной проверки отразился вывод: районные и городские советы, исполкомы и должностные лица действия ГКЧП не поддерживали, а решительно высказались в поддержку президента и правительства РСФСР [39, л. 229].

И тем не менее, несмотря на активную политическую позицию советов народных депутатов, анализ общественного мнения выявил, что граждане так и не смогли принять советы в отрыве от коммунистического прошлого. Ни открытость нового депутатского корпуса, ни попытки местных советов вовлекаться в обсуждение важнейших вопросов не уменьшили, а скорее увеличили поток народной критики в адрес советов всех уровней. Так, в течение 1990–1991 гг. на страницах 12 региональных и местных газет была организована серия опросов читателей по различным проблемам. В анкетировании приняло участие более 2,5 тыс. жителей населенных пунктов автономного округа. В ходе выяснения отношения к новому созыву советов более 60 % респондентов дали отрицательную оценку деятельности депутатов окружного совета [41, л. 1]. Полностью не устраивал новый состав окрсовета 40 % читателей. Аналогичную оценку дали 50 % опрошенных итогам выборов в местные советы, считая, что выборы так и не стали демократическими, были формализованы,

как и в застойные времена [42, л. 23, 24]. При этом 32 % жителей округа ответили, что успех деятельности советов мало зависит от личности конкретного депутата, а еще 30 % респондентов заявили, что при действующей системе от людей вообще ничего не зависит [41, л. 4; 43, л. 17]. Более 70 % участвовавших в анкетировании отметили, что депутаты не знали реальных потребностей избирателей [43, л. 29].

На фоне борьбы федеральных политических сил летом 1991 г. окончательно укрепилась тенденция ослабления советов. После выборов 12 июня 1991 г. Борис Николаевич Ельцин сделал ставку на создание новых центров власти в регионах. Его указом «О порядке назначения глав администраций» 25 ноября в каждый регион был назначен доверенный глава администрации. В частности, главой администрации Ханты-Мансийского автономного округа был назначен Александр Васильевич Филипенко. И соответственно, в целях проведения единой государственной политики новым руководителям регионов этим указом был определен срок до 15 декабря для формирования команды глав администраций городов и районов [44]. А в следующем 1992 г. была проведена последняя перед полной ликвидацией советской системы управления реорганизация структуры советов. Для исключения дублирования полномочий администраций и исполнительных органов советов народных депутатов вслед за ликвидацией исполкомов были упразднены и президиумы, вместо которых были сформированы малые советы. Это решение критически ослабило организационный ресурс советов. Аналогичное решение было реализовано и в автономном округе. Александр Васильевич прекратил полномочия

исполнительного комитета совета и утвердил структуру своей администрации, штатная численность которой составила 305 служащих [45, л. 43–49]. В муниципалитетах Югры местные органы власти были реорганизованы однотипно. Несмотря на многочисленные попытки структурно-функционального усовершенствования советов, в этот переходный период администрации перехватили инициативу и обрели всю полноту власти на местах.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, во второй половине 1980-х гг. команда М. С. Горбачёва, запустив глобальные перестроечные процессы, приступила и к реформированию основы механизма управления – местных советов народных депутатов. На эту модернизацию возлагались большие надежды: планировалось вдохнуть новую жизнь в советы, вернуть самоуправленческие начала и повысить уровень доверия к власти в целом. Однако набиравший силу политический кризис затянул в эпицентр и местные советы. Выборы 1990 г. впервые в советской истории проходили в открытой и конкурентной обстановке, но при этом растянулись более чем на год, что наглядно показало реальное отношение общества к советской власти. Советы по-прежнему воспринимались как одно из звеньев коммунистического режима. При этом в новых условиях они были вынуждены бороться за ресурсы и с парткомами, и со своими же исполкомами, ненадолго возвысившись, а в итоге все равно проиграли новым центрам принятия решений – администрациям. Усиленно модернизируемые советы так и не смогли воспользоваться историческим шансом на реализацию заявленного с высоких трибун лозунга «Вся власть советам!».

Список источников

1. Кукушкин Ю. С., Чистяков О. И. Очерк истории советской Конституции. 2-е изд., доп. М.: Политиздат, 1987. 364 с.
2. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИТО). Ф. 124. Оп. 239. Д. 47.

References

1. Kukushkin Yu. S., Chistyakov O. I. Oчерk istorii sovetsoy Konstitutsii. 2nd ed. Moscow: Politizdat; 1987. 364 p. (In Russ.).
2. State Archive of Social and Political History of the Tyumen Oblast (GASPITO). F. 124. Op. 239. D. 47. (In Russ.).

3. Сообщение об итогах выборов в районные, городские, поселковые и сельские советы народных депутатов // Ленинская правда. 1985. 28 февраля. С. 1.
4. Лазарев Л. В., Слива А. Я. Конституционная реформа – первый этап // Советское государство и право. 1989. № 3. С. 3–14.
5. Об изменениях и дополнениях Конституции СССР : закон СССР от 01.12.1988. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
6. Государственный архив Тюменской области (ГАТО). Ф. 814. Оп. 1. Д. 7143.
7. ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 7495а.
8. Муниципальный архив города Сургута (МАГС). Ф. 3. Оп. 1. Д. 433.
9. ГАСПИТО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 2800.
10. Маркелов М. На пути формирования правового государства // Ленинская правда. 1988. 17 декабря. С. 4.
11. ГАСПИТО. Ф. 68. Оп. 133. Д. 19.
12. ГАСПИТО. Ф. 2049. Оп. 32. Д. 31.
13. В окружном совете народных депутатов // Ленинская правда. 1988. 10 декабря. С. 2.
14. В окружном совете народных депутатов // Ленинская правда. 1989. 30 октября. С. 3.
15. Совместная платформа к выборам // Ленинская правда. 1989. 23 декабря. С. 2.
16. О выборах в местные советы // К победе коммунизма. 1990. 23 февраля. С. 2.
17. Представительные и исполнительные органы государственной власти, органы местного самоуправления в Ханты-Мансийском автономном округе. 1930–2001 гг.: полномочия, функции, структура : сб. док. / сост. Е. М. Брагина, Н. П. Мирошниченко, Л. В. Набокова. Ханты-Мансийск : Полиграфист, 2002. 216 с.
18. ГАСПИТО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 2827.
19. Архивный отдел администрации г. Нижневартовска (АОАГН). Ф. 48. Оп. 1. Д. 732.
20. Государственный архив Югры (ГАЮ). Ф. 1. Оп. 1. Д. 1795.
21. ГАЮ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1736.
22. ГАЮ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1777.
23. ГАСПИТО. Ф. 113. Оп. 51. Д. 24.
24. ГАСПИТО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 2823.
25. Первая сессия окружного совета // Ленинская правда. 1990. 9 мая. С. 1.
26. Сессия окружного совета // Ленинская правда. 1990. 7 июня. С. 1.
27. Президиум окружного совета за работой // Ленинская правда. 1990. 30 июня. С. 1.
28. Президиум окружного совета за работой // Ленинская правда. 1990. 11 августа. С. 3.
29. АОАГН. Ф. 48. Оп. 1. Д. 726.
30. МАГС. Ф. 3. Оп. 1. Д. 482.
31. ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 7669.
32. Корнеев А. Власть должна быть властью // Ленинская правда. 1990. 11 октября. С. 2.
3. Soobshchenie ob itogakh vyborov v rayonnyye, gorodskie, poselkovyye i selskie sovety narodnykh deputatov. *Leninskaya pravda*. 1985, February 28. p. 1. (In Russ.).
4. Lazarev L. V., Sliva A. Ya. Konstitutsionnaya reforma – pervy etap. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*. 1989;(3):3–14. (In Russ.).
5. On amendments and additions to the Constitution of the USSR: The Law of the USSR of 01.12.1988. Accessed through Law assistance system “Consultant Plus”. (In Russ.).
6. State Archive of the Tyumen Oblast (GATO). F. 814. Op. 1. D. 7143. (In Russ.).
7. State Archive of the Tyumen Oblast (GATO). F. 814. Op. 1. D. 7495a. (In Russ.).
8. Municipal Archive of Surgut (MAGS). F. 3. Op. 1. D. 433. (In Russ.).
9. State Archive of Social and Political History of the Tyumen Oblast (GASPITO). F. 107. Op. 1. D. 2800. (In Russ.).
10. Markelov M. Na puti formirovaniya pravovogo gosudarstva. *Leninskaya pravda*. 1988, December 17. p. 4. (In Russ.).
11. State Archive of Social and Political History of the Tyumen Oblast (GASPITO). F. 68. Op. 133. D. 19. (In Russ.).
12. State Archive of Social and Political History of the Tyumen Oblast (GASPITO). F. 2049. Op. 32. D. 31. (In Russ.).
13. V okruzhnom sovete narodnykh deputatov. *Leninskaya pravda*. 1988, December 10. p. 2. (In Russ.).
14. V okruzhnom sovete narodnykh deputatov. *Leninskaya pravda*. 1989, October 30. p. 3. (In Russ.).
15. Sovmestnaya platforma k vyboram. *Leninskaya pravda*. 1989, December 23. p. 2. (In Russ.).
16. O vyborakh v mestnye sovety. *K pobede kommunizma*. 1990, February 23. p. 2. (In Russ.).
17. Bragina E. M., Miroshnichenko N. P., Nabokova L. V., compilers. *Predstavitelnye i ispolnitelnye organy gosudarstvennoy vlasti, organy mestnogo samoupravleniya v Khanty-Mansiiskom avtonomnom okruge. 1930–2001: Polnomochiya, funktsii, struktura: Sbornik dokumentov. Khanty-Mansiisk: Poligrafist; 2002. 216 p.* (In Russ.).
18. State Archive of Social and Political History of the Tyumen Oblast (GASPITO). F. 107. Op. 1. D. 2827. (In Russ.).
19. Archive Department of the Nizhnevartovsk Administration (AOAGN). F. 48. Op. 1. D. 732. (In Russ.).
20. State Archive of Yugra “GAYu” F.1. Op. 1. D. 1795. (In Russ.).
21. State Archive of Yugra “GAYu”. F. 1. Op. 1. D. 1736. (In Russ.).
22. State Archive of Yugra “GAYu”. F. 1. Op. 1. D. 1777. (In Russ.).
23. State Archive of Social and Political History of the Tyumen Oblast (GASPITO). F. 113. Op. 51. D. 24. (In Russ.).
24. State Archive of Social and Political History of the Tyumen Oblast (GASPITO). F. 107. Op. 1. D. 2823. (In Russ.).

33. Иванов А. М. Общественно-политические процессы на территории Смоленской области в период перестройки: 1985–1991 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Брянск, 2015. 233 с.
34. Проект закона РСФСР о Ханты-Мансийском автономном округе // Ленинская правда. 1990. 8 февраля. С. 5–6.
35. Копнов В. Будем ли мы партнерами? // Ленинская правда. 2 октября. С. 1.
36. ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 7666.
37. ГАЮ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1796.
38. Прищепа А. И. Формирование политической структуры Ханты-Мансийского автономного округа в 1990-е годы // Северный регион: наука, образование, культура. 2000. № 2. С. 68–75.
39. ГАЮ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1803.
40. ГАСПИТО. Ф. 1259. Оп. 61. Д. 39.
41. ГАЮ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1726а.
42. ГАЮ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1769б.
43. ГАЮ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1769в.
44. О порядке назначения глав администраций : указ Президента РСФСР от 25.11.1991 № 239. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
45. ГАЮ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1849.
25. Pervaya sessiya okruzhnogo soveta. *Leninskaia pravda*. 1990, May 9. p. 1. (In Russ.).
26. Sessiya okruzhnogo soveta. *Leninskaia pravda*. 1990, June 7. p. 1. (In Russ.).
27. Prezidium okruzhnogo soveta za rabotoy. *Leninskaia pravda*. 1990, June 30. p. 1. (In Russ.).
28. Prezidium okruzhnogo soveta za rabotoy. *Leninskaia pravda*. 1990, August 11. p. 3. (In Russ.).
29. Archive Department of the Nizhnevartovsk Administration (AOAGN). F. 48. Op. 1. D. 726. (In Russ.).
30. Municipal Archive of Surgut (MAGS). F. 3. Op. 1. D. 482. (In Russ.).
31. State Archive of the Tyumen Oblast (GATO). F. 814. Op. 1. D. 7669. (In Russ.).
32. Korneev A. Vlast dolzhna byt vlastyu. *Leninskaia pravda*. 1990, October 11. p. 2. (In Russ.).
33. Ivanov A. M. Obshchestvenno-politicheskie protsessy na territorii Smolenskoy oblasti v period perestroiki: 1985–1991 gg.: Cand. Sci. (History) Thesis. Bryansk; 2015. 233 p. (In Russ.).
34. Proekt zakona RSFSR o Khanty-Mansiiskom avtonomnom okruge. *Leninskaia pravda*. 1990, February 8. p. 5–6. (In Russ.).
35. Kopnov V. Budem li my partnerami? *Leninskaia pravda*. October 2. p. 1. (In Russ.).
36. State Archive of the Tyumen Oblast (GATO). F. 814. Op. 1. D. 7666. (In Russ.).
37. State Archive of Yugra “GAYu”. F. 1. Op. 1. D. 1796. (In Russ.).
38. Prishchepa A. I. Formirovanie politicheskoy struktury Khanty-Mansiiskogo avtonomnogo okruga v 1990-e gody. *Severny region: nauka, obrazovanie, kultura*. 2000;(2):68–75. (In Russ.).
39. State Archive of Yugra “GAYu”. F. 1. Op. 1. D. 1803. (In Russ.).
40. State Archive of Social and Political History of the Tyumen Oblast (GASPITO). F. 1259. Op. 61. D. 39. (In Russ.).
41. State Archive of Yugra “GAYu”. F. 1. Op. 1. D. 1726a. (In Russ.).
42. State Archive of Yugra “GAYu”. F. 1. Op. 1. D. 1769b. (In Russ.).
43. State Archive of Yugra “GAYu”. F. 1. Op. 1. D. 1769v. (In Russ.).
44. On the procedure for appointing heads of administrations: Decree of the President of the RSFSR of 25.11.1991. No. 239. Accessed through Law assistance system “Consultant Plus”. (In Russ.).
45. State Archive of Yugra “GAYu”. F. 1. Op. 1. D. 1849. (In Russ.).

Информация об авторе

Д. В. Сердюков – кандидат исторических наук, доцент.

About the author

D. V. Serdyukov – Candidate of Sciences (History), Docent.